

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№4/2022

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Тема номера:
«Гендерная проблематика
в социально-психологических исследованиях»
Тематический редактор номера И.С. Клецина

Theme of the issue
“Gender Issues in Psychosocial Studies”
Issue editors I.S. Kletsina

2022 г. Том 13. № 4

2022. Vol. 13. No. 4

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

**Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.
Включен в базу Web of Science. Включен в базу SCOPUS.**

Главный редактор
Наталья Толстых

Ответственный секретарь
Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, В.А. Лабунская,
А.В. Махнач, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев, Л.А. Цветкова,
Т.И. Шульга (Россия), М. Линч (США), Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Александр Донцов

Заместитель председателя
Наталья Толстых

Заместитель председателя
Вера Лабунская

Члены редакционного совета
Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия), Ф. Зимбардо (США),
М. Линч (США), И. Маркова (Великобритания), Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.
Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- Клецина И.С.* Гендерная проблематика в социальной психологии: направления исследований 5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ключко О.И.* Концепция гендерной ментальности как методологическое основание гендерного подхода в социально-психологическом исследовании 13

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ананьева О.А., Татаренко М.К.* Поддержка женщин в политике: роль оправдания гендерной системы, восприятия гендерного неравенства и сексизма 30
- Воронцова Т.А.* Мужчины VS женщины: гендерная асимметрия при восприятии возраста ровесников — мужчин и женщин 47
- Радина Н.К., Семенова Л.Э., Козлова А.В.* Развитие науки как личный проект: студентки и студенты о перспективах развития российской науки 68
- Рябова Т.Б.* Стереотипизация как оружие пропаганды холодной войны: воинская маскулинность в советской песне 90
- Семенова Л.Э., Сачкова М.Е.* Психологическое благополучие и приверженность нормам фемининности студенток, овладевающих помогающими профессиями в региональном и столичном вузах 107
- Воронцов Д.В.* Гендерные представления девушек, увлекающихся метажанром «Boy's Love» 124

ВНЕ ТЕМЫ НОМЕРА

- Лебедева А.А., Леонтьев Д.А.* Современные подходы к изучению качества жизни: от объективных контекстов к субъективным 142
- Гриценко В.В., Шорохова В.А., Хухлаев О.Е., Новикова И.А., Черная А.В., Первушина И.М., Любитов И.Е.* Воспринимаемая угроза и дискриминация как модераторы связи этнической идентичности и эффективности межкультурного взаимодействия иностранных студентов в России 163
- Арендачук И.В., Усова Н.В., Кленова М.А.* Особенности социальной активности российской молодежи в условиях вынужденных социальных ограничений 182

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Гуриева С.Д., Свенцицкий А.Л.* 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков к новым достижениям 200

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

- Указатель статей, опубликованных в журнале «Социальная психология и общество» в 2022 г. 209

CONTENTS

EDITORIAL

- Kletsina I.S.* Gender Issues in Social Psychology: Research Directions 5

THEORETICAL RESEARCH

- Klyuchko O.I.* The Concept of Gender Mentality as a Methodological Basis for the Gender Approach in Social-Psychological Research 13

EMPIRICAL RESEARCH

- Ananyeva O.A., Tatarenko M.K.* Support for Women in Politics: the Role of Gender System Justification, Gender Inequality Perception and Sexism 30
- Vorontsova T.A.* Men VS Women: Gender Asymmetry in Age Perceptions of Men and Women of the Same Age 47
- Radina N.K., Semenova L.E., Kozlova A.V.* The Development of Science as a Personal Project: Male and Female Students about the Prospects of the Development of Russian Science 68
- Riabova T.B.* Stereotyping as a Weapon of Cold War Propaganda: Military Masculinity in Soviet Songs 90
- Semenova L.E., Sachkova M.E.* Psychological Well-Being and Adherence to the Norms of Femininity of Female Students Mastering Helping Professions in a Regional and Metropolitan University 107
- Vorontsov D.V.* Gender Representations of Young Female “Boy’s Love” Fans 124

NON-THEMATIC ARTICLES

- Lebedeva A.A., Leontiev D.A.* Contemporary Approaches to the Quality of Life: from Objective Contexts to Subjective Ones 142
- Gritsenko V.V., Shorohova V.A., Khukhlaev O.E., Novikova I.A., Chernaya A.V., Percushina I.M., Liubitov I.E.* Perceived Threat and Discrimination as Moderators of Ethnic Identity Connection and Effectiveness of Intercultural Interaction of International Students in Russia 163
- Arendachuk I.V., Usova N.V., Klenova M.A.* Features of the Social Activity of Russian Youth in the Conditions of Forced Social Restrictions 182

SCIENTIFIC LIFE

- Gurieva S.D., Svetsitskiy A.L.* 60 Years of Social Psychology at St. Petersburg State University: from the Origins to New Achievements 200

INDEX OF ARTICLES

- Index of Articles Published in the Journal of “Social Psychology and Society” in 2022 209

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Гендерная проблематика в социальной психологии: направления исследований

Клецина И.С.

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»),**

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2726-2727>, e-mail: irinaklyotsina@mail.ru

В данном номере журнала «Социальная психология и общество» читатели могут познакомиться со статьями, которые объединены общей темой — гендерные исследования в системе социально-психологического знания.

Для цитаты: Клецина И.С. Гендерная проблематика в социальной психологии: направления исследований // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 5–12. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130401>

Gender Issues in Social Psychology: Research Directions

Irina S. Kletsina

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2726-2727>, e-mail: irinaklyotsina@mail.ru

In the present issue of the journal “Social Psychology and Society” readers can get acquainted with articles united by a common topic — gender studies in the system of socio-psychological knowledge.

For citation: Kletsina I.S. Gender Issues in Social Psychology: Research Directions. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 5–12. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130401>

Гендерные исследования (Gender Studies) как междисциплинарная сфера знания направлены на изучение социальных и культурных норм мужского и женского поведения (нормативных моделей маскулинности и фемининности) и их связи с проявлениями ситуаций неравенства в социальной жизни совре-

менных мужчин и женщин. Гендерная тематика соответствует профилю издания, поскольку научный контекст публикаций журнала «Социальная психология и общество» ориентирован на статьи, в которых изучаются проблемы, актуальные для предметного поля социальной психологии в современном его понима-

нии, а также статьи, в которых уделяется особое внимание роли социокультурного контекста в социально-психологических исследованиях.

Кроме того, изучение гендерных проблем соответствует ориентации журнала на анализ таких менее развитых направлений в социальной психологии, как исследования психологии больших социальных групп, межгрупповых отношений и общих проблем психологии социальных изменений, о чем писала Г.М. Андреева в предисловии к первому выпуску журнала [1]. Гендерная тема является актуальной в связи с вызовами и задачами, стоящими перед современным обществом. Один из вызовов — это проявления социального неравенства, с которыми сталкиваются мужчины и женщины в общественной и частной жизни. В соответствии с данными, представленными на Всемирном экономическом форуме, Россия в 2021 году заняла 81-е место из 156 стран, вошедших в рейтинг глобального индекса гендерного разрыва. Чем выше страна в рейтинге, тем лучше у нее обстоят дела с гендерным равенством. Общий рейтинг рассчитывается из данных по четырем областям: политическое участие, доступ к образованию, экономическое участие, здоровье и продолжительность жизни мужчин и женщин. В России в основном преодолен гендерный разрыв в доступе к образованию, также она входит в топ-25 стран, которые успешно сокращают неравенство в экономическом участии. Гендерный разрыв сохраняется в низких показателях представленности женщин в политике, в более низком финансовом обеспечении труда женщин по сравнению с мужчинами [5].

Исследования гендерных проблем отечественными представителями социогуманитарных наук проводятся уже три десятилетия. Понятия «гендер», «гендерные отношения», «гендерные различия»

получили распространение не только в научных публикациях, но и в системе обыденного знания, однако не всегда эти термины используются корректно с точки зрения основного смыслового содержания. В научных публикациях представителей психологической науки, затрагивающих гендерную тематику, часто отмечается недооценка теоретического обоснования исследований гендерной направленности и повышенное внимание к эмпирической составляющей проведенных исследований с выраженным акцентом на констатации различий в психологических характеристиках представителей мужского и женского пола без какой-либо интерпретации полученных данных о различиях.

В фокусе внимания исследований гендерной направленности должна присутствовать не просто констатация гендерных различий, а определение причин и анализ последствий формирования и развития личности мужчин и женщин, обусловленных дифференциацией их социальных ролей и иерархизацией их статусных позиций. Обозначенные обстоятельства побуждают нас обратиться к вопросу, связанному с конкретизацией теоретико-методологических оснований гендерных исследований.

Еще в 30-е годы прошлого столетия американским антропологом Маргарет Мид впервые была высказана идея о том, что нормативные модели маскулинности и фемининности определяются скорее культурой, чем биологическим полом [6]. В конце 1960-х гг. психоаналитик Роберт Столлер предложил разделять понятия «пол» для обозначения биологических характеристик человека и «гендер» для социокультурных ролей и идентичностей [7]. Эту идею восприняли и активно стали развивать представительницы женских и феминистских исследо-

ваний, обосновывая идеологию борьбы за равенство женщин в разных сферах их жизнедеятельности существующей практикой, при которой культура патриархата (мужского доминирования) создает (конструирует) вторичность и зависимость женщин. В процессе проведения исследований историками, социологами, экономистами были получены факты, противоречащие консервативным представлениям о том, что резко дифференцированная и иерархическая система социальных ролей мужчин и женщин и их статусных позиций в профессиональной сфере жестко детерминирована биологическими различиями между ними [3]. В научном направлении «гендерные исследования» (Gender Studies) как междисциплинарной исследовательской и образовательной области знания изучались вопросы общего и различного в социальном поведении мужчин и женщин в связи с распространенными в каждой конкретной культуре нормативными представлениями о том, как следует вести себя мужчинам и женщинам. Результаты исследований способствовали утверждению идеи о том, что использование понятия гендера, как нормативного эталона предписываемого социумом «правильного» мужского и женского поведения, превращает биологические различия между мужчинами и женщинами в иерархически выстроенные, неравноправные отношения и взаимодействия. В научном знании социальной и гуманитарной направленности на основе методологии социального конструкционизма конкретизировались идеи *гендерного подхода*, задающего основные ориентиры проводимым исследованиям гендерной направленности. Основные положения гендерного подхода четко сформулированы психологом Сандрой Бэм в ее работе «Линзы гендера» [2]:

1. Мужчины и женщины как представители социальных групп скорее похожи, чем различны. Следовательно, нет оснований для жесткой дифференциации мужских и женских ролей; социальные роли мужчин и женщин взаимозаменяемы и похожи. Существующие в обществе гендерная дифференциация и поляризация являются не биологически предопределенными, а социально сконструированными.

2. Социальные статусы и позиции мужчин и женщин в публичных и частных сферах жизнедеятельности не должны выстраиваться по принципу иерархичности. Партнерская модель отношений между мужчинами и женщинами, гендерными группами должна стать основной, а эгалитарные представления, отражающие равенство полов, т.е. отсутствие иерархичности статусных позиций и дифференциации ролей мужчин и женщин, должны разделяться подавляющим большинством членов общества.

3. Биологические особенности каждого пола не могут быть оправданием ситуаций гендерного неравенства. Отсутствие детерминированности социальных ролей полом их носителя показывает, что человек выполняет ту или иную роль не потому, что исполнение этой роли задано его половой принадлежностью, а потому, что этому способствуют склонности, желания, мотивы личности, а также жизненные обстоятельства.

Анализ содержания основных идей гендерного подхода позволяет заключить, что основным феноменом, раскрывающим сущностное содержание гендерного подхода, является *гендерное неравенство*, т.е. социально и культурно сконструированное неравенство по признаку пола, которое порождается различиями в ролевом поведении и статусных

позициях мужчин и женщин как субъектов разных сфер жизнедеятельности.

Таким образом, среди представителей социогуманитарных дисциплин, занимающихся гендерными исследованиями, изучение проблем неравенства в социальном поведении женщин и мужчин утвердилось как основное исследовательское направление. Гендерная тематика в системе *социально-психологического знания* связана с изучением закономерностей поведения и деятельности людей как представителей разного пола, обусловленных ситуациями ролевого и статусного неравенства в разных сферах жизнедеятельности.

Социально-психологические исследования гендерных проблем проводятся не только на основе идей гендерного подхода, но и с учетом теоретических положений *социально-психологической концепции гендерных отношений* [4]. В психологии гендерных отношений, которая является разделом гендерной психологии, изучаются различные формы взаимосвязи людей как представителей определенного пола, обусловленные различиями/сходством в их ролевом поведении и статусных позициях. Гендерные отношения встроены в широкий класс общественных, межгрупповых, межличностных отношений, они также включены и в самоотношение личности.

На *макросоциальном уровне* ситуации гендерного неравенства изучаются в системе отношений «группа мужчин или женщин» — общество (государство). Основным феноменом, аккумулирующим специфику гендерных отношений, является «гендерный контракт» — доминирующий в обществе тип гендерных практик и репрезентаций. С явлением гендерного контракта тесно связаны вопросы гендерной идеологии и гендерной политики государства и их влияния на нормы муж-

ского и женского поведения, которые определяют особенности социализации мужчин и женщин.

На *мезоуровне* проблема гендерного неравенства изучается в межгрупповых отношениях, т.е. в отношениях мужчин и женщин как представителей социальных групп, образованных по признаку пола, в разных профессиональных организациях, образовательных структурах, политических объединениях, средствах массовой информации. Функционально-ролевой характер этих отношений находит отражение в изучении таких феноменов, как «профессиональная (горизонтальная и вертикальная) гендерная сегрегация», «стеклянный потолок», «гендерные барьеры на пути профессиональной самореализации», «гендерная стереотипизация в СМИ» и др.

На *микросоциальном уровне* анализируются особенности равноправных или неравноправных взаимодействий между близкими людьми разного пола, это дружеские, любовные, семейно-брачные отношения. Гендерная составляющая межличностных отношений проявляется в феноменах: «полоролевая дифференциация в семье», «насилие в семье по гендерному признаку», «ролевой конфликт работающей женщины», «жертвенное материнство», «отсутствующее отцовство» и др.

Внутриличностный уровень анализа гендерных отношений отличается от других уровней гендерных отношений тем, что в субъективном личностном пространстве, ограниченном Я-концепцией личности, «участниками» отношений выступают две составляющих концепции: индивидуальная и социальная. Собственно гендерный контекст самоотношения раскрывается при соотношении подструктур «Я как индивидуальность» и «Я как представитель гендерной груп-

пы», т.е. через соотнесение внешней, социальной оценки, получаемой личностью в процессе взаимодействия с другими людьми, и собственной оценки себя как носителя гендерных характеристик и субъекта полоспецифичных ролей. Широко представленные в общественном сознании нормативные эталоны «настоящий мужчина» и «настоящая женщина», «мужчина должен быть...» и «женщина должна быть...» побуждают мужчин и женщин оценивать себя с точки зрения соответствия этим эталонам. Результат сравнения себя как индивидуальности и себя как носителя типичных качеств, характерных для представителей гендерной группы, может либо удовлетворять, либо не удовлетворять субъекта, что отражается на отношении личности самой к себе (самоотношении). Внутриличностные гендерные конфликты и кризисы маскулинности или фемининности, гендерно-ролевой стресс — это основные гендерные феномены внутриличностного уровня анализа гендерных отношений.

Для определения наличия или отсутствия гендерного неравенства в отношениях используются такие параметры, как: дифференцированность/недифференцированность ролей и иерархичность/неиерархичность статусных позиций мужчин и женщин. Все гендерные феномены, в которых проявляется гендерное неравенство на всех уровнях взаимодействия, порождаются определенными социально-психологическими характеристиками субъектов этих отношений: консервативными социокультурными *нормами* мужского и женского поведения, патриархатными *представлениями*, гендерными *стереотипами, установками и предубеждениями*. Такие социально-психологические характеристики субъектов гендерных отношений ориентированы на закрепление *доми-*

нантно-зависимой модели отношений, которая противоположна современной *эгалитарной модели*, основанной на равенстве позиций партнеров, учете интересов каждой из сторон, взаимозаменяемости в ролевом поведении мужчин и женщин.

Таким образом, представление информации об основных направлениях гендерных исследований в социальной психологии, заключающихся в изучении закономерностей поведения и деятельности мужчин и женщин как исполнителей социальных ролей и субъектов разных видов отношений, позволяет соотнести содержание статей данного номера с обозначенными направлениями исследования.

Все статьи номера имеют общие теоретические основания — использование ключевой идеи гендерного подхода о том, что существующее в обществе противопоставление мужского и женского образа жизни, ролевого поведения, интересов и предпочтений обусловлено социокультурными, а не биологическими факторами.

В теоретической статье О.И. Ключко раскрывается содержание авторской концепции *гендерной ментальности*. Феномен гендерной ментальности рассматривается как вариативное и изменяющееся социальное знание, основанное на представлениях о мужском и женском в культуре и обществе, включенных в систему социальных отношений, характеризующихся на настоящем этапе социогенеза как властные и иерархичные. Особый интерес для исследователей гендерной ментальности представляет информация о компонентах гендерной ментальности, об основных исследовательских подходах при изучении гендерной ментальности (сравнительный подход, структурный, нормативный) и исследовательских

перспективах. В данном номере журнала опубликованы статьи, в которых гендерные феномены изучаются на трех из четырех описанных уровнях анализа.

Первое направление исследований (проявлений гендерного неравенства (*макроуровень*)) представлено в статье О.А. Ананьевой и М.К. Татаренко, в которой изучается отношение мужчин и женщин к гендерному неравенству в политической сфере. Результаты исследования свидетельствуют о том, что различные сексистские установки, оправдывающие и закрепляющие гендерное неравенство, препятствуют поддержке женщин в политической сфере, в частности на посту Президента Российской Федерации. Широкое распространение таких установок, по мнению авторов, может являться препятствием для раскрытия человеческого потенциала женщин, а также снижать эффективность программ, направленных на увеличение гендерного равенства.

Второе направление исследований (*мезоуровень*) представляют три публикации: это статьи Т.А. Воронцовой, Т.Б. Рябовой и коллективная статья Н.К. Радиной, Л.Э. Семеновы, А.В. Козловой. Объединяет эти работы обращение к гендерным стереотипам как социально-психологическим характеристикам субъектов межгруппового восприятия, определяющих явления социального неравенства.

Эмпирическое исследование Т.А. Воронцовой, направленное на изучение особенностей конструирования воспринимаемого возраста мужчин и женщин-ровесников, позволило выявить феномен гендерной асимметрии, обусловленный гендерными стереотипами.

Авторы статьи Н.К. Радина, Л.Э. Семенова, А.В. Козлова проблему гендерного неравенства в профессиональной

сфере рассматривают через изучение социальных установок и притязаний студентов и студенток как готовности связать свою профессиональную деятельность с наукой. Традиционно наука считается мужской сферой деятельности, менее доступной для женщин, поэтому авторы исследования искали ответ на вопрос: «Переносится ли тенденция эгалитарности, типичная для молодежи в целом, на область научной деятельности?». Результаты исследования показали, что феномен гендерной стереотипизации в выборе профессии проявляется в том, что девушки, даже обладая академическими успехами, воспроизводят устаревшие гендерные стереотипы, считая науку сферой «мужской самореализации».

Статья Т.Б. Рябовой посвящена анализу феномена маскулинности и стереотипизации мужских образов в песенном жанре. Данное исследование представляет особый интерес по двум причинам. Во-первых, работа Т.Б. Рябовой относится к отдельной области знания в гендерных исследованиях, определяемой как «мужские исследования», которым в гендерной тематике уделяется не много внимания. Во-вторых, автором выбран новый и такой оригинальный источник для репрезентации стереотипных образов мужчин-военнослужащих, как песня. Кроме того, в данном исследовании показана специфика не только гендерного феномена стереотипизации маскулинности, но и проявление социально-психологических стереотипов восприятия «свои» и «чужие», а также феномена внутригруппового фаворитизма.

К *направлению исследований, характеризующих внутриличностный уровень анализа* гендерных проблем, относится статья Л.Э. Семеновой и М.Е. Сачковой, в которой изучались особенности

приверженности девушек нормативной модели фемининности. Авторы интересовались вопросом об особенностях взаимосвязи психологического благополучия и приверженности нормативной модели фемининности у девушек-студенток, обучающихся на медицинских и психологических факультетах вузов. Внимание авторов к изучению норм женского поведения как фактора, связанного с субъективным психологическим благополучием, основывалось на публикациях о том, что ориентация на эгалитарные нормы поведения позволяет женщинам продуктивно преодолевать гендерные внутриличностные конфликты и способствует их психологическому благополучию.

Статью Д.В. Воронцова о гендерных представлениях девушек, увлекающихся метажанром «Boy's Love», сложно отне-

сти к какому-то из направлений, в рамках которых изучаются гендерные проблемы в системе социально-психологического знания, поскольку вопросы, связанные с гендерным контекстом сексуальности и сексуальной идентичности, изучаются преимущественно специалистами по клинической психологии. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что метажанр «Boy's Love» («яой») позволяет девушкам открывать свою «особую идентичность».

Мы надеемся, что этот выпуск окажется интересным и полезным для специалистов, которые занимаются изучением гендерных проблем, опираясь на социально-психологическое знание.

И.С. Клецина,
тематический редактор номера

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: новый журнал и новые перспективы // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 4–8.
2. Бэм С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов: пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. 336 с.
3. Воронина О.А. Конструирование и деконструкция гендера в современном гуманитарном знании // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 5–16. DOI:10.17072/2078-7898/2019-1-5-16
4. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. СПб., 2004. 39 с.
5. Сивякова Е. Диплом одинаковый, зарплаты разные [Электронный ресурс] // Коммерсантъ Наука. 30.05.2022. № 12. С. 34–35. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5368445> (дата обращения: 10.12.2022).
6. Mead M. Sex and Temperament in three Primitive Societies. N.Y.: W. Morrow & Company, 1935. 335 p.
7. Stoller R. Sex and gender: on the development of masculinity and femininity. N.Y.: Science House, 1968. 383 p.

References

1. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya: novyi zhurnal i novye perspektivy [Social psychology: New Journal, New Perspectives]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2010. Vol. 1, no. 1, pp. 4–12. (In Russ.).
2. Bem S. Linzy gendera: Transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov: per. s angl. [Lenses of Gender: Transforming Perspectives on Gender Inequality]. Moscow: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya», 2004. 336 p. (In Russ.).

3. Voronina O.A. Konstruirovaniye i dekonstruktsiya gendera v sovremennom gumanitarnom znanii [Construction and deconstruction of gender in modern humanitarian knowledge]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2019. Вып. 1, pp. 5–16. DOI:10.17072/2078-7898/2019-1-5-16 (In Russ.).
4. Kletsina I.S. Psikhologiya gendernykh otnoshenii. Avtoref. diss. dokt. psikhol. nauk [Psychology of gender relations. Dr. Sci. (Psychology) Thesis]. Saint Petersburg, 2004. 39 p. (In Russ.).
5. Sivyakova E. Diplom odinakovy, zarplaty raznye [Elektronnyi resurs] [Diploma is the same, salary is different]. *Kommersant Nauka = Kommersant Science*. 30.05.2022, no. 12, pp. 34–35. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5368445> (Accessed 10.12.2022). (In Russ.).
6. Mead M. Sex and Temperament in three Primitive Societies. New York: W. Morrow & Company, 1935. 335 p.
7. Stoller R. Sex and gender: on the development of masculinity and femininity. N.Y.: Science House, 1968. 383 p.

Информация об авторах

Клецина Ирина Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2726-2727>, e-mail: irinaklyotsina@mail.ru

Information about the authors

Irina S. Kletsina, Doctor of Psychology, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2726-2727>, e-mail: irinaklyotsina@mail.ru

Получена 11.12.2022

Received 11.12.2022

Принята в печать 13.12.2022

Accepted 13.12.2022

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Концепция гендерной ментальности как методологическое основание гендерного подхода в социально-психологическом исследовании

Ключко О.И.

**ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (ГАОУ ВО МГПУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1446-3965>, e-mail: olga-klioutchko@yandex.ru**

Цель. Выявление потенциала, подходов и направлений социально-психологических исследований на основе концепции гендерной ментальности.

Актуальность и контекст. Институционализация и академизация гендерных исследований в российской науке сочетаются с методологическими дискуссиями и активной разработкой терминологического аппарата. Использование концепции гендерной ментальности позволяет интегрировать базовые идеи гендерного подхода в социально-психологическое исследование, выделить его социальный контекст, предметное содержание и уровни анализа, интегрируя имеющиеся наработки.

Используемая методология. Концепции менталитета и ментальности, концепция социального познания, социальный конструктивизм, методология гендерных исследований.

Основные выводы. Понимание ментальности в качестве специфики группового сознания людей, детерминированной социокультурными и пространственно-временными особенностями жизнедеятельности группы, позволяет определить содержание гендерной ментальности как интeрсубъективное, вариативное и изменяющееся социальное знание, основанное на представлениях о мужском и женском в культуре и обществе, выявить содержание когнитивного, эмоционально-смыслового и поведенческого компонентов, а также трансформации ее содержания на макро-, мезо- и микроуровне, используя сравнительный, структурный и нормативный подходы.

Ключевые слова: методология гендерных исследований, социальная психология, гендерная ментальность, фемининность, маскулинность, гендерные нормы, гендерная идентичность, гендерное самосознание.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-013-01207.

Благодарности. Автор благодарит коллектив участников проекта «Гендерные трансформации в ментальности учащейся молодежи российских мегаполисов и провинций» Е.В. Иоффе, М.А. Ерофееву, Н.Ф. Сухареву, Е.В. Самосадову, А.А. Чекалину, Л.В. Штылеву.

Для цитаты: Ключко О.И. Концепция гендерной ментальности как методологическое основание гендерного подхода в социально-психологическом исследовании // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 13–29. DOI: [02https://doi.org/10.17759/sps.2022130402](https://doi.org/10.17759/sps.2022130402)

The Concept of Gender Mentality as a Methodological Basis for a Gender Approach in Socio-Psychological Research

Olga I. Klyuchko

Moscow City University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1446-3965>, e-mail: olga-kliutchko@yandex.ru

Objective. *Identification of the potential, approaches and directions of socio-psychological research based on the concept of gender mentality.*

Background. *The institutionalization and academicization of gender studies in Russian science is combined with methodological discussions and the active development of terminological apparatus. The use of the concept of gender mentality makes it possible to integrate the basic principles of the gender approach into socio-psychological research, highlight its social context, subject content and levels of analysis.*

Methodology. *Concepts of mentality and mentalité, the concept of social cognition, social constructivism, methodology of gender studies.*

Conclusions. *Understanding mentality as a specificity of group consciousness of people, determined by socio-cultural and spatio-temporal features of the group's life activity, allows us to determine the content of gender mentality as intersubjective, variable and changing social knowledge based on ideas about male and female in culture and society, to identify the content of cognitive, emotional, semantic and behavioral components, as well as its transformation content at the macro, meso and micro levels, using comparative, structural and normative approaches.*

Keywords: *gender research methodology, social psychology, gender mentality, femininity, masculinity, gender norms, gender identity.*

Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of scientific project № 18-013-01207.

Acknowledgements. The author are grateful for participants of the project "Gender Transformations in the Mentality of Students in Russian Megacities and Provinces" A.A. Chekalina, E.V. Ioffe, M.A. Erofeeva, N.F. Sukharava, E.V. Samosadova, L.V. Shlyleva.

For citation: Klyuchko O.I. The Concept of Gender Mentality as a Methodological Basis for the Gender Approach in Socio-Psychological Research. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 13–29. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130402> (In Russ.).

Актуальность

В 2019–2020 годах в России прошла серия мероприятий, посвященных 30-летию гендерных исследований, одновременно звучали мнения о более значительном периоде их развития в нашей стране. Отмечались значительные достижения в виде институционализации гендерных исследований в целом, их интеграции во все сферы научной мысли, в социальную психологию в том числе, традиционно сетовали на дефицит диагностического инструментария, однако сложности в по-

нимании методологических оснований и их практического применения прозвучали вскользь [9; 32]. В данной ситуации организованная журналом «Социальная психология и общество» дискуссия о методологических проблемах гендерных исследований весьма своевременна.

Фиксация, с одной стороны, активно-го проникновения гендерной терминологии и проблематики в научные исследования, широкое публичное пространство и общественные дискуссии в России, бурное развитие гендерного просвещения,

в том числе феминистского блогерства и акционизма, с другой — ограниченная представленность мужских исследований, закрепление в Конституции Российской Федерации понятия брака как союза мужчины и женщины, отсутствие обсуждения закона о профилактике домашнего насилия могут свидетельствовать как о серьезном разрыве между академическим дискурсом, философией феминизма и политической риторикой, так и об очередном познавательном повороте в развитии гендерных исследований.

В отечественном научном контексте обсуждение методологических вопросов гендерного подхода велось в нескольких направлениях и уровнях:

— обращение к философским и социологическим концепциям (философии феминизма, социологии знания, социологии повседневности, теории социального конструкционизма) для изучения гендерных представлений, символов, идеологии, культуры, неравенства и т.п. (О.А. Воронина, И.А. Жеребкина, О.И. Ключко, О.В. Рябов) [4; 10; 27];

— критические дебаты о возможности и продуктивности использования понятия «гендер» и его производных, их некорректного использования в квазигендерных исследованиях (Д.В. Воронцов, С. Ушакин, И. Савина) [5; 7; 22];

— выстраивание смысловой связи между гендерными исследованиями и ведущими отечественными методологическими подходами — культурно-исторической концепцией Л.С. Выготского, деятельностным подходом А.Н. Леонтьева и субъектно-деятельностным подходом С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского, К.А. Абульхановой (Н.К. Радина, Л.Э. Семенова) [26; 28];

— обоснование и разработка психологических концептов, продуцируемых из понятия «гендер» и традиционных

категорий психологии — фемининность и маскулинность, гендерные отношения (И.С. Клецина), гендерное самосознание (А.А. Чекалина), гендерная идентичность (Л.Н. Ожигова) и пр. [15; 23; 35];

— апелляция к гендерным аспектам базовых социально-психологических феноменов — гендерного стереотипа в социальном познании (О.И. Ключко), гендерной социализации (Л.В. Штылева), гендерного конфликта (Дж. О'Нил), гендерных норм (И.С. Клецина, Е.В. Иоффе) [14; 39];

— осмысление методологических оснований и гендерной чувствительности имеющегося диагностического инструментария и разработка новых диагностических средств (Т.В. Бендас, Е.В. Иоффе, Н.К. Радина, Н.П. Фетискин) [2; 14; 26; 38].

Подобные разнонаправленные тенденции иллюстрируют рефлексивную позицию в развитии гендерных исследований, их стремление осмыслить методологические основания, найти свое место и конкретизировать свой предмет и в то же время заставляют обращаться к более масштабным психологическим категориям, позволяющим реализовать как принципы постнеклассической эпистемологии — холизма, полилога, ценностной нагруженности знания, так и методологическую специфику гендерного подхода — отказ от биологической фундированности (анти-эссенциализм), фиксацию гендерного неравенства и властных отношений, социального конструирования и активизма в психологических теориях и эмпирических обобщениях. Именно к таковым, с нашей точки зрения, относится категория ментальности, понимаемая как духовно-психологический способ мировосприятия и освоения окружающей действительности, характерный для разных групп людей, что обуславливает особенности способов их поведения [15], и ее разновидность — гендерная ментальность.

Цель данной статьи — продемонстрировать потенциал и основные направления социально-психологических исследований на основе концепции гендерной ментальности.

Категория ментальности

Изучение ментальности в отечественной и зарубежной науке преимущественно проходит в русле философских и культурологических исследований, психологические же концепции данным понятием пренебрегают, скорее в силу сложности операционализации, однако широко используя производные понятия — «этническая ментальность», «ментальность поколения», «городская ментальность» и прочие, обозначающие ту или иную специфику сознания конкретной значительной по размеру группы или отдельный аспект менталитета [21; 29].

В классических работах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна обоснована социально-культурная обусловленность сознания, таким образом, исходной позицией в анализе ментальности является понимание сознания как продукта социальных отношений. Разделение сознания на индивидуальное и групповое отражает проблему личности и общества, их взаимодействия и взаимообуславливания. Так, трехуровневая модель группового сознания, предложенная Г.В. Акоповым, представляет специфическое промежуточное образование между общественным и индивидуальным сознанием: уровень группы, уровень личности, уровень межличностных взаимодействий и взаимоотношений [1].

Несмотря на общий исходный посыл, определения ментальности достаточно эклектичны, однако доминирует тенденция определять ментальность через обобщающие социально-психологические категории, такие как образ жизни и система

социальных представлений, ценностей и норм в определенной эпохе общества. На основе методологических позиций К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, Т.В. Семеновы и других исследователей [25; 29] мы определяем *ментальность как специфику группового сознания людей, детерминированную социокультурными и пространственно-временными особенностями жизнедеятельности группы*.

Категория более высокого уровня «менталитет» и «ментальность» соотносятся как «целое» и «частное», что позволяет говорить о менталитете общества и ментальности отдельной группы и конкретной личности. Для нашего анализа будет полезно подчеркнуть устойчивость менталитета, в то время как ментальность более подвержена изменениям.

Соглашаясь с позицией А.В. Юревича, в структуре ментального выделим три универсальных и широко используемых в описании и анализе психики компонента — когнитивный, эмоциональный и поведенческий:

— когнитивные компоненты менталитета — социальные представления, сознательные и бессознательные установки, умонастроения, образы, картина мира, склад ума и т.п.;

— аффективные и нормативно-ценностные компоненты, придающие когнитивным составляющим эмоциональную окраску и закрепление;

— поведенческие компоненты — модели поведения, стереотипные реакции, традиции, жизненный уклад [40, с. 1089].

Вслед за В.А. Кольцовой целесообразно определить содержательные компоненты менталитета и ментальностей, составляющие их ядерный слой: коллективная память; социальные представления, установки и отношения; закрепляющие их коллективные эмоции, чувства и настроения; нормы, ценности

и идеалы; язык и речь как способ его выражения; ментальные репрезентации культуры; стиль мышления и социального восприятия; поведенческие образцы; идентичности и прочее [18]. Отметим, что если иерархия содержания ментальности затруднена в виду его многообразия, то функциональность ментальности, выражающей жизненные и практические установки людей, устойчивые образы мира, эмоциональные предпочтения, свойственные сообществу и культурной традиции, состоит, прежде всего, по М. Шелеру, в интерсубъективности (общности/тождественности) [19].

В соответствии с положениями психологии социального познания (Г.М. Андреева) ментальность можно представить как образ социального мира, который интерсубъективно создается и используется людьми для ориентации в обществе и своей жизни, помогая найти им собственное место в «текучей» современности [33].

К определению гендерной ментальности

В ментальности содержатся ключевые смысловые концепты, позволяющие выделить и сопоставить ее содержание у разных групп и личностей: представления и отношения к добру и злу, правде и лжи, личности и обществу, собственности, любви, справедливости, здоровью, счастью и, конечно, представления о мужском и женском.

Гендерную ментальность мы предлагаем трактовать как разновидность ментальности социальных групп в фиксированном пространственно-временном диапазоне с характерными параметрами социокультурной общности, соответствующей идентификацией и поведенческими паттернами. Лежащие в основе современной гендерной методологии концепции социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукма-

на [3], этнометодологии Г. Гарфинкеля [6] и драматургического интеракционизма И. Гофмана [45], а также гендерной системы И. Хирдман и Р. Коннел [42; 46] позволяют рассматривать феномен гендерной ментальности как вариативное и изменяющееся социальное знание, основанное на представлениях о мужском и женском в культуре и обществе, включенных в систему социальных отношений, характеризующихся на настоящем этапе социогенеза как властные и иерархичные.

Используя категорию «гендерная ментальность» как обобщающую для целого спектра феноменов, включенных во все аспекты психологии человека и общества, — гендерной идентичности, гендерных представлений и стереотипов, гендерных норм, гендерных отношений и прочих, мы исходим из идеи о том, что все они касаются восприятия и понимания людей как представителей конкретного пола и следующих из этого когнитивных, эмоционально-смысловых и поведенческих паттернов, которые и создают ментальное поле мужчин и женщин как представителей этнических, возрастных, профессиональных и прочих групп.

Сохраняя понимание ментальности как исторического и культурного феномена, для исследования гендерной ментальности необходимо обратиться к ее развитию в рамках конкретного общества, исторического времени и пространства. Изучая гендерную ментальность, важно соотносить ее развитие как с историей и спецификой региона, национальными и религиозными ценностями, так и с возрастными и ролевыми (семейными, учебными, профессиональными и др.) практиками. Освоение языка, знаков, социальных ролей, системы отношений является общекультурным контекстом социально-психологического исследования [8, с. 14–17].

В социогуманитарном знании принято немало попыток осмыслить то общее, что характеризует общество с точки зрения представлений о мужском и женском, принятого для мужчин и женщин поведения и соответствующего общественного устройства, — гендерная культура (О.А. Воронина) в философии [4], гендерный порядок (Е. Здравомыслова, А. Темкина) [24] и гендерная система (Р. Коннел, Й. Хирдман) в социологии [42; 46], гендерные отношения и нормы (И.С. Клецина) в психологии. Дополняя их, концепт гендерной ментальности позволяет увидеть отдельный компонент образа социального мира, который intersубъективно создается и используется людьми разных групп как в повседневности, так и на уровне принятия государственных решений.

В социальной психологии разработаны концепции, релевантно реализующие идеи гендерного подхода, — гендерной стереотипии, гендерной социализации, гендерного самосознания, гендерной идентичности и другие, которые могут быть обозначены как теории среднего уровня по отношению к методологии гендерных исследований и раскрывающие отдельные компоненты, содержание и механизмы освоения гендерной ментальности и ее трансформации в изменяющихся общественных условиях.

Так, одна из наиболее известных — концепция гендерной схемы С.Л. Бем — описывает когнитивные механизмы социального познания как знаменитые «линзы гендера», приводящие к гендерно схематизированной социализации. Собственные практики воспитания С. Бем, основанные на альтернативных гендерным схемам — индивидуальных различий и культурного релятивизма, должны позволить детям усвоить иной (неполотипичный) тип гендерной ментальности [41].

И.С. Клецина в концепции гендерных отношений указывает, что гендерные отношения включают реальные практики и модели межполового взаимодействия, соотносимые с гендерными представлениями, стереотипами, установками, и выражаются в доминантно-зависимых или партнерских отношениях [15], отражая разные варианты гендерной ментальности субъектов и групп.

Таким образом, значимыми характеристиками гендерной ментальности как разновидности ментальности социальных групп и отдельного аспекта группового сознания можно считать историческую изменчивость, социокультурную вариативность, intersубъективность.

Содержание и уровни анализа гендерной ментальности

Структурно-содержательное наполнение гендерной ментальности детерминировано развитием менталитета нации, ментальности регионального социума, индивидуальной ментальности. Анализ гендерной ментальности возможно представить в виде макро-, мезо- и микроуровней:

Макроуровень анализа — менталитет нации, этнической группы;

Мезоуровень анализа — гендерная ментальность представителей социальных групп, например:

— гендерная ментальность жителей мегаполиса/провинции; коренных жителей региона и мигрантов; проживающих в мирном регионе или там, где ведутся военные действия;

— гендерная ментальность детей/подростков/молодежи/взрослых/пенсионеров и пр.;

— гендерная ментальность студента/учащегося;

— гендерная ментальность представителей профессиональных групп;

— гендерная ментальность семьи;

Микроуровень анализа — гендерная ментальность субъекта, входящего в различные группы и репрезентирующего ментальность этих групп [34].

Политический, экономический, правовой, идеологический контексты составляют основу психологического изучения макроуровня гендерной ментальности, например, представления граждан о справедливости, гендерном равенстве, сексизме, дискриминации, насилии, а также широкие общественные дискуссии об их содержании и проявлениях. Психологические исследования репрезентаций гендерных представлений в разных этносах наглядно демонстрируют трансформации гендерной ментальности в условиях транзитивного общества. Например, исследование гендерных норм у российских, казахских и туркменских студентов показало статистически достоверные различия прежде всего в представлении о нормах женского поведения [12; 16].

К мезоуровню изучения развития гендерной ментальности отнесем территориальные, профессиональные, образовательные факторы и группы. Так, Т.В. Семенова обнаружила значительные различия в ментальностях, порожденные условиями мегаполиса и провинции, центральной или окраинной России [29]. Место жительства, особенно в период ранней социализации, и этническая принадлежность определяются как ведущие факторы содержания гендерной ментальности, оказывающие влияние на содержание гендерных представлений, идеалов, норм. Изучение тенденций в развитии гендерной ментальности отдельных этнических групп имеет как прогностический, так и профилактический смысл, например, в разработке мер молодежной и миграционной политики, образовательных условий и пр.

В исследованиях 2019—2020 гг. мы зафиксировали неравномерность сдвига от

традиционного к эгалитарному типу гендерной ментальности у разных групп молодежи в зависимости от места проживания: наиболее существенные изменения произошли у девушек и юношей мегаполиса, в то время как молодежь провинциальных городов чаще демонстрирует приверженность традиционным канонам женского поведения, однако у девушек провинциальных городов произошли большие изменения по сравнению с юношами [8].

Содержание гендерной ментальности определяется возможностями выбора и реализации профессиональной деятельности мужчин и женщин российского общества, вертикальной и горизонтальной профессиональной сегрегацией. К примеру, на ментальность субъекта учебной деятельности, несомненно, будет оказано влияние условий и факторов гендерной социализации обучающегося в образовании, параметров гендерного пространства образовательного заведения, феминизации учительства, гендерной асимметрии образования. Так, многолетние исследования Л.В. Штылевой показали содержание и изменения гендерного компонента педагогической культуры и гендерной социализации в образовании на протяжении 18—20 веков [39].

Наконец, само содержание гендерной ментальности, ее конкретный тип могут являться основанием для выделения группы и изучения ее социально-психологических характеристик, например, гендерная ментальность про— и антифеминистских сообществ [37], что ставит перед исследователями проблему типологий гендерной ментальности по разным основаниям, в том числе и небинарным [5; 20].

Исследование гендерной идентичности иллюстрирует микроуровень гендерной ментальности — ментальность субъекта, одновременно включенного в

разные группы. Ее необходимым элементом выступают гендерные аспекты самосознания и Я-концепции: представления о себе, своем теле, репрезентация себя в разных контекстах. В качестве иллюстрации, например, выступает изучение оценочных суждений педагогов-женщин относительно своих профессиональных ролей. Так, например, педагог-женщина одновременно репрезентирует групповое сознание представителей женской, профессиональной, педагогической групп и их объединений, чья ментальность конструируется в гендерной системе, определяющей индивидуальные возможности образования, профессиональную ориентацию, публичное и приватное поведение и т.д. Исследование А.А. Чекалиной показало, что активность и направленность педагога-женщины формируются в противоречии между влиянием патриархатных ценностей и трансформацией понимания женственности/мужественности. Специфика женского профессионального педагогического труда проявляет конфликты между гендерной идеологией, стереотипами и требованиями профессионального поведения [35].

Направления исследования гендерной ментальности

Приведем примеры исследований компонентов ментальности в зарубежной и отечественной психологии, которые демонстрируют именно те существенные характеристики, что мы отметили выше — изменчивость, вариативность, интерсубъективность. Так, многолетние исследования ключевых показателей мужественности и женственности мужчин по шкале Bem Sex Role Inventory в западных странах показывали их относительную стабильность, тогда как показатели андрогинности женщин значительно выросли с 1974 по 1993 годы, по данным

К. Доннелли и Дж.М. Твенг (K. Donnelly, J.M. Twenge), что объясняется существенным изменением прав и возможностей, ролевого диапазона, уровня образования и профессиональной реализацией женщин и гораздо большей сохранностью моделей идентичности и поведения мужчин [44].

В то же время в анализе динамики изменения ценностей граждан разных стран обнаружено отсутствие существенных взаимосвязей между изменениями в гендерном равенстве и гендерными различиями. Более того, значительное число исследований, изучавших различия в психике мужчин и женщин, показали, что гендерные различия более выражены в развитых и эгалитарных странах. Можно было бы ожидать, что гендерные различия уменьшаются, а не увеличиваются, поскольку ресурсы становятся более доступными и равномерно распределенными, что приводит к сходным условиям жизни для мужчин и женщин. Однако наличие широких возможностей, вероятно, позволяет раскрываться индивидуальности личности, поддерживая разнообразие и гендерные различия в том числе. Ф. Коннолли (F. Connolly) с коллегами называют положительную связь между гендерным равенством и гендерными различиями «парадоксом гендерного равенства» [43].

Обсуждения типов современной семьи, ее функций и представлений о ней у представителей разных социальных групп становятся в дискуссиях последних лет крайне острыми. Признавая ключевую роль семьи в трансляции социальных и культурных ценностей на начальных этапах социализации, в исследованиях Е.В. Иоффе, Н.Ф. Сухаревой, Ж.В. Черновой фиксируются значительные изменения в готовности к семейной жизни молодежи, в том числе высокие ожидания девушек/женщин от семьи, выполнение семьей психотерапевтической функции,

однако представления о семье юношей/мужчин некомплиментарны, что дает основания говорить о незавершенной гендерной революции [12; 31; 36].

Продуктивным является изучение гендерных конфликтов как компонента и одного из показателей гендерных отношений и ментальности в целом. Дж. О'Нил (J. O'Neil) много лет исследует явление гендерного ролевого конфликта (GRC) у мужчин как психологическое состояние, при котором содержание представлений о мужественности ограничивают мужское благополучие и потенциал общества. Обширные исследования связывают мужской GRC с множеством поведенческих проблем, включая сексизм, насилие, гомофобию, депрессию, злоупотребление психоактивными веществами и проблемы в отношениях [48].

Используя значительный объем данных об отдельных проявлениях гендерной ментальности и описанную выше трехкомпонентную структуру ментальности, выделим основное содержание гендерной ментальности, которое может являться предметом социально-психологического исследования:

— *когнитивный компонент* — социальные представления о «мужском» и «женском» в конкретных группах, в том числе о реальных и долженствующих ролях, качествах и свойствах мужчин и женщин, юношей и девушек, мальчиков и девочек. Так, представления о том, чему и как учить мальчиков и девочек, какое дополнительное образование для них предпочтительно, какую профессию выбрать юношам или девушкам, каким образом им достойно выглядеть и вести себя, напрямую проистекают из данного компонента;

— *аффективные и ценностно-смысловые компоненты*, придающие когнитивным составляющим эмоциональную окраску и закрепление в виде социаль-

ных норм и традиций, включают прежде всего соответствующие образы идеальных («настоящих») мужчин и женщин, формирующие важную часть коллективного сознания, которые всегда выступают образцом, квинтэссенцией смысла мужественности и женственности. Их подтверждение или нарушение всегда эмоционально окрашено. Наиболее ярко эмоциональный компонент гендерной ментальности проявляется в разнообразных табу («запретах») как проявлениях доминирующих социальных норм. Так, в российском обществе ярко проявляется табу на попытки обсуждения и тем более реализации сексуального просвещения в семьях, школах, колледжах, вузах, выражаясь в виде негативной реакции на попытки провести исследование сексуальных установок и представлений молодежи при одновременном широком распространении секс-услуг и продвигающих их сайтов, компьютерных игр и фильмов с эротическим и порнографическим содержанием, ЗППП (заболеваний, передающихся половым путем). Косвенным подтверждением подобной ситуации является отсутствие программ сексуального просвещения в российских образовательных организациях, рекомендованных Минпросвещения России, эмпирических данных о сексуальных установках и поведении подростков и масштабных сексологических исследований на российских выборках. Немногочисленные публикации на данную тему демонстрируют фрагментарность данных и отсутствие комплексного подхода в изучении сексуальности в отечественных исследованиях [30]. Ярким примером подобных табу в профессиональном сообществе является субъективизм в понимании небинарной гендерной идентичности и трансгендерности у медиков, в частности психиатров, что, по мнению

В.Д. Менделевича, обусловлено жесткой бинарной гендерной установкой врачей и исследователей [20].

Именно диапазон позитивных или негативных реакций и, конечно, степень их выраженности на нарушение табу иллюстрируют аффективный и ценностно-смысловой компонент гендерной ментальности;

— *поведенческий компонент* включает правила, образцы поведения, стандарты деятельности мужчин и женщин как членов общества и представителей разных социальных групп, так называемые гендерные нормы. Гендерные нормы фиксируют некоторые стандарты для конкретной культуры и исторической эпохи поведения и наряду с ценностями, традициями, смыслами составляют социокультурное пространство, в котором находятся мужчины и женщины современного общества. В гендерных нормах находят отражение как позитивные характеристики действия (предписания), так и негативные характеристики (запреты). Нормы дают мужчинам и женщинам представление о том, что считается «должным», «обязательным», «желаемым», «одобряемым», «ожидаемым», «отклоняемым». Концепция и методика диагностики эгалитарных и традиционалистских норм, разработанная И.С. Клециной и Е.В. Иоффе, широко применяется к анализу взаимоотношений, супружеских установок, сексуальности [14]. Следует отметить, что разработка теории и диагностического инструментария для оценки гендерных норм идет уже более двадцати лет, продолжается их конкретизация и валидизация методик, например, Э. Седландер (E. Sedlander) предлагает различать описательные и предписывающие нормы [50].

Обобщая многочисленные данные о содержании и развитии гендерной ментальности, выделим основные исследовательские подходы к изучению компонентов и проявлений гендерной ментальности:

— *сравнительный подход* на основе изучения своеобразия личности мужчин и женщин разных групп при их сопоставлении по разным основаниям и критериям. Благодаря сравнительному подходу было найдено значительное число различий в психике мужчин и женщин, но еще большее число предполагаемых различий не подтвердилось или обнаружилось на одних выборках и отсутствовало в других. С некоторой долей условности базовой работой в этом русле следует считать знаменитый обзор Э. Маккоби и К. Джаклин, который зафиксировал многие мифологические или стереотипные половые различия и стимулировал переход от полоролевого подхода к гендерному [47]. Ярким примером детальной разработки данного подхода являются учебники «Гендерная психология» Т.В. Бендас [2] и «Пол и Гендер» Е.П. Ильина [11], огромный объем систематизированных данных позволил усомниться в тотальной биологической фундированности гендерных различий и считать их вероятными и вариативными;

— *структурный подход* на основе изучения содержания ключевых феноменов гендерной ментальности и, прежде всего, «маскулинности» и «фемининности», которые постепенно из аналитического конструкта превратились в массу квазигендерных исследований в сущностную характеристику мужчин и женщин, посредством которых оценивалось их соответствие своему полу. Безусловно, самым ярким примером подобного исследования является концепция андрогинии С.Л. Бем (S.L. Bem), несмотря на то, что позднее сама автор ее раскритиковала и перешла к теории гендерной схемы или «линз гендера» [41].

Благодаря структурному подходу произошло выделение многочисленных гендерных феноменов — гендерной идентич-

ности (Л.Н. Ожигова) [23], гендерного самосознания (А.А. Чекалина) [35], гендерного ролевого конфликта [48] по аналогии с существующей структурой личности и ее проявлениями. Данный подход позволяет продемонстрировать проникновение гендерного аспекта во все структурные компоненты психики и поведения и представить гендерную ментальность как всепроникающий метафеномен.

Вычленение в структуре гендерной ментальности стереотипов как одного из видов социальных представлений, разработка их типологии, функций, исследование их влияния на поведение и отношения стали серьезным шагом к разработке нормативного подхода к изучению гендерной ментальности;

— *нормативный подход*, основанный на классификациях полотиличной личности, полоролевой социализации и моделях гендерных отношений и социализации: гендерно-схематизированной и нейтральной (С. Бем) [41]; партнерской и доминантно-зависимой модели отношений (И.С. Клецина) [15]; традиционной и эгалитарной социализации в образовании (Л.В. Штылева) [39]. Данный подход позволяет осознать, что и диагностика, и интерпретация свойств, ролей, поведения мужчин и женщин невозможны вне зависимости от доминирующих в обществе и сознании личности гендерных норм, либо традиционных (патриархатных, иерархичных, строго соответствующих полу), либо эгалитарных (партнерских, вариативных, взаимозаменяемых).

Широкое распространение психологических данных, их доступность и варьирование способов представления, активная общественная и педагогическая позиция исследователей становятся серьезным фактором формирования гендерной ментальности, прежде всего учащейся молодежи, что косвенно подтверждается высо-

кой популярностью страниц социальных сетей, мероприятий, образовательных программ, просветительских ресурсов по гендерной проблематике.

Выводы

и исследовательские перспективы

Таким образом, концепция гендерной ментальности о вариативном и изменяющемся социальном знании, основанном на представлениях о мужском и женском в культуре и обществе и включенном в систему социальных отношений, может стать теоретико-методологическим основанием социально-психологических исследований посредством определения когнитивных, эмоционально-ценностных и поведенческих паттернов и их трансформаций у представителей разных групп на макро-, мезо- и микроуровне, используя сравнительный, структурный и нормативный подходы.

Перспективными направлениями социально-психологического изучения гендерной ментальности, с нашей точки зрения, выступают:

— кросс-культурные исследования гендерной ментальности, позволяющие определить как ее этническую специфику, так и потенциально возможные тенденции развития;

— выявление содержания и сравнительный анализ компонентов гендерной ментальности поколений;

— определение динамики гендерной ментальности различных групп — возрастных, территориальных, профессиональных и прочих;

— выделение противоречий в когнитивных, ценностно-смысловых и поведенческих компонентах гендерной ментальности как оснований для психологической помощи субъекту;

— выявление социально-психологических механизмов и направлений

трансформации гендерной ментальности и социализации.

С нашей точки зрения, исследования гендерной ментальности имеют существенное как теоретическое, так и практическое значение в прогнозиро-

вании процессов общественного развития, конструктивного разрешения противоречий на уровне личности, больших и малых социальных групп, что особенно актуально в условиях транзитивности.

Литература

1. *Акопов Г.В., Иванова Т.В.* Феномен ментальности как проблема сознания // Психологический журнал. Т. 24. № 1. 2003. С. 47–55.
2. *Бендас Т.В.* Гендерная психология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2006. 431 с.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. *Ворошина О.А.* Гендерная культура в России: традиции и новации. М.: ИФ РАН, 2018. 117 с.
5. *Вороных Д.В.* Гендер и квир: povum organum российской социальной психологии, или «приличные» термины для «неприличного» предмета // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 4. С. 14–28.
6. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 355 с.
7. Гендер по-русски: преграды и пределы: материалы междунаро. науч. семинара (г. Тверь, 10–12 сент. 2004 г.) / Отв. ред. И. Савкина. Тверь, 2004. 280 с.
8. Гендерная ментальность российской молодежи: психологический портрет: монография / Под науч. ред. О.И. Ключко. СПб.: НИЦ АРТ, 2020. 229 с. DOI:10.51623/9785907260696_20_230
9. Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции (Москва – Иваново – Плес, 16–18 мая 2019 г.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 444 с.
10. *Жеребкина И.* Еще не время подводить итоги? Гамлетовский вопрос в постсоветском феминизме первой четверти XXI века [Электронный ресурс] // Гендерные исследования. 2021. № 25. С. 196–213. URL: <http://kcg.net.ua/gurnal/25/> (дата обращения: 25.09.2022).
11. *Ильин Е.П.* Пол и гендер. СПб.: Питер, 2010. 686 с.
12. *Иоффе Е.В.* Нормативные гендерные установки в сфере супружеского и родительского поведения у студентов России и Казахстана // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи: сб. науч. ст. / Под ред. О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. СПб.: НИЦ-АРТ, 2019. С. 47–53. DOI:10.51623/9785907260009_19_200
13. *Клецина И.С.* Современное состояние и перспективы исследований гендерных отношений в сфере социологического и психологического знания // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 3–13.
14. *Клецина И.С., Иоффе Е.В.* Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. М.: Проспект, 2017. 144 с.
15. *Клецина И.С., Иоффе Е.В.* Психология гендерных отношений. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. 244 с.
16. *Ключко О.И., Морозова Н.Н., Самосадова Е.В.* Нормы мужского и женского поведения русских и туркменских студентов // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. 2020. № 3. С. 149–157.
17. *Ключко О.И., Чекалина А.А., Иоффе Е.В., Ерофеева М.А., Сухарева Н.Ф., Самосадова Е.В.* Гендерные трансформации в представлениях российской студенческой молодежи // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 55–69. DOI:10.21064/WinRS.2020.1.5
18. *Кольцова В.А.* Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования // Историко-генез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. Кольцова В.А., Харитоновна Е.В. М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 5–15.

19. *Косов А.В.* Ментальность как мировоззренческая система и компонента мифосознания // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Выпуск 3. С. 75–90.
20. *Менделевич В.Д.* Небинарная гендерная идентичность и трансгендерность вне психиатрического дискурса // Неврологический вестник. 2020. Т. LII. № 2. С. 5–11. DOI:10.17816/nb26268
21. Ментальность российской провинции: сб. материалов IV Всероссийской конференции по исторической психологии российского сознания (Самара, 1-2 июля 2004 г.). Самара: СГПУ, 2005. 463 с.
22. О муже(Н)ственности: Сборник статей / Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 720 с.
23. *Ожигова Л.Н.* Психология гендерной идентичности личности. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006. 290 с.
24. Российский гендерный порядок: социологический подход : коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 306 с.
25. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики: коллективная монография / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Институт психологии РАН, 1997. 336 с.
26. *Радина Н.К.* Гендерная методология в социальной психологии // Социальная психология и общество. 2012. Том 3. № 3. С. 36–47.
27. *Рябов О.В.* «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001. 202 с.
28. *Семенова Л.Э.* Гендерный подход в контексте культурно-исторической психологии Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2008. Том 4. № 2. С. 69–73.
29. *Семенова Т.В.* Городская ментальность: социально-психологическое исследование: монография. Самара, 2020. 250 с.
30. *Солодовникова О.Б., Мануильская К.М., Розозин Д.М.* Сексуальное поведение россиян всех возрастов в период пандемии COVID-19 // Человек. 2021. Т. 32. № 4. С. 27–52. DOI:10.31857/S023620070016684-9
31. *Сухарева Н.Ф.* Гендерные аспекты социально-психологической готовности к семейной жизни молодежи провинции // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи: сборник научных статей / Под ред. О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. СПб.: НИЦ-АРТ, 2019. С. 96–103. DOI:10.51623/9785907260009_19_200
32. *Хоткина З.А.* Российским гендерным исследованиям 30 лет: ретроспектива и перспективы // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 26–37. DOI:10.21064/WinRS.2020.2.3
33. *Хорошилов Д.А.* Распалась ли связь времен в социальной психологии? К 95-летию юбилею Г.М. Андреевой // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 196–201. DOI:10.17759/sps.2019100313
34. *Чекалина А.А.* Гендерные аспекты ментальности как проблема психологического анализа // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи: сборник материалов / Под науч. ред. О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. СПб.: Ниц-арт, 2018. С. 14–24.
35. *Чекалина А.А.* Ментальность учителя: на пересечении гендера и профессии // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред.: А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович. М.: ИП РАН, 2016. С. 440–453.
36. *Чернова Ж.В.* Незавершенная гендерная революция // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 222–242. DOI:10.14515/monitoring.2019.2.10
37. *Чикер В.А., Свирихина Д.А.* Социально-психологические особенности женщин, состоящих в антифеминистских интернет-сообществах // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 4. С. 143–159. DOI:10.17759/sps.2019100410
38. *Фетискин Н.П.* Психология гендерных различий. М.: Форум; ИНФРА-М, 2017. 256 с.

39. Штылева Л.В. Гендерная социализация школьников в российском образовании: теория, история и современная практика: монография. СПб.: НИЦ-АРТ, 2017. 524 с.
40. Юревич А.В. Базовые компоненты национального менталитета // Вестник Российской академии наук. 2013. Т. 83. № 12. С. 1083–1091. DOI:10.7868/S086958731312013X
41. Bem S.L. The lenses of gender: Transforming the debate on sexual inequality. New Haven, CT: Yale University Press, 1993. 244 p.
42. Connell R. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Stanford University Press, 1987. 334 p.
43. Connolly F., Goossen M., Hjerm M. Does Gender Equality Cause Gender Differences in Values? Reassessing the Gender-Equality-Personality Paradox // Sex Roles. 2020. № 83. P. 101–113. DOI:10.1007/s11199-019-01097-x
44. Donnelly K., Twenge J.M. Masculine and Feminine Traits on the Bem Sex-Role Inventory, 1993–2012: a Cross-Temporal Meta-Analysis // Sex Roles. 2017. № 76. P. 556–565. DOI:10.1007/s11199-016-0625-y
45. Goffman E. Gender Display // Gender Advertisements: Studies in the Anthropology of Visual Communication. Goffman Reader. Lemert C and Branaman A. Blackwell Publ, 1997. P. 208–227.
46. Hirdman Y. and Andreasen Y. The gender system / Andreasen T., Borchorst A., Dahlerup D., Lous L. and Nielsen R. (eds.). Moving On, Aarhus University Press, Aarhus, 1991. P. 187–207.
47. Maccoby E.E., Jacklin C.N. The psychology of sex differences. Palo Alto, CA: Stanford University Press, 1974. 634 p.
48. O'Neil J.M. Men's Gender Role Conflict: Psychological Costs, Consequences, and an Agenda for Change. USA: American Psychological Association, 2015. 400 p.
49. Schudson Zach C., Morgenroth Thekla. Non-binary gender/sex identities // Current Opinion in Psychology. 2022. Vol. 48. P. 48:101499. DOI:10.1016/j.copsyc.2022.101499
50. Sedlander E., Bingenheimer J., Long M.W. et al. The G-NORM Scale: Development and Validation of a Theory-Based Gender Norms Scale // Sex Roles. 2022. № 87. P. 350–363. DOI:10.1007/s11199-022-01319-9

References

1. Akopov G.V., Ivanova T.V. Fenomen mental'nosti kak problema soznaniya. [The phenomenon of mentality as a problem of consciousness]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2003. Vol. 24, no. 1, pp. 47–55. (In Russ.).
2. Bendas T.V. Gendernaya psikhologiya [Gender psychology]. Saint Petersburg: Publ. Piter, 2006. 431 p. (In Russ.).
3. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Publ. Medium, 1995. 323 p. (In Russ.).
4. Voronina O.A. Gendernaya kul'tura v Rossii: traditsii i novatsii [Gender Culture in Russia: Traditions and Innovations]. Moscow: Publ. IF RAN, 2018. 117 p. (In Russ.).
5. Vorontsov D.V. Gender i kvir: novum organum rossiiskoi sotsial'noi psikhologii, ili «prilichnye» terminy dlya «neprilichnogo» predmeta [Gender and queer: novum organum of Russian social psychology, or “decent” terms for an “indecent” subject]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2014. Vol. 5, no. 4, pp. 14–28. (In Russ.).
6. Garfinkel' G. Issledovaniya po etnometodologii [Research on ethnomethodology]. Saint Petersburg: Publ. Piter, 2007. 355 p. (In Russ.).
7. Gender po-russki: pregrady i predely: materialy mezhdunarod. nauch. Seminara (g. Tver', 10–12 sent. 2004) [*Gender in Russian: barriers and limits*: proceedings of the International Scientific seminar]. In Savkina I. (eds.). Tver', 2004. 280 p. (In Russ.).
8. Gendernaya mental'nost' rossiiskoi molodezhi: psikhologicheskii portret: monografiya [Gender mentality of Russian youth: psychological portrait]. In Klyuchko O.I. (ed.). Saint Petersburg: Publ. Nits art, 2020. 229 p. DOI:10.51623/9785907260696_20_230 (In Russ.).

9. Gendernye otnosheniya v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naya politika : materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva – Ivanovo – Ples, 16–18 maya 2019) [*Gender relations in the modern world: management, economics, social policy: proceedings of the International Scientific Conference*]. Ivanovo: Publ. Ivan. gos. un-t, 2019. 444 p. (In Russ.).
10. Zherebkina I. Eshche ne vremya podvodit' itogi? Gamletovskii vopros v postsovetskom feminizme pervoi chetverti XXI veka [Elektronnyi resurs] [Isn't it time to take stock yet? The Hamlet Question in Post-Soviet Feminism in the First Quarter of the 21st Century]. *Gendernye issledovaniya = Gender Studies*, 2021, no. 25, pp. 196–213. URL: <http://kcs.net.ua/gurnal/25/> (Accessed 18.09.2022). (In Russ.).
11. Il'in E.P. Pol i gender [Sex and gender]. Saint Petersburg: Publ. Piter, 2010. 686 p. (In Russ.).
12. Ioffe E.V. Normativnye gendernye ustanovki v sfere supruzheskogo i roditel'skogo povedeniya u studentov Rossii i Kazakhstana [Normative gender attitudes in the field of marital and parental behavior among students in Russia and Kazakhstan]. In Klyuchko O.I., Chekalina A.A. (eds.). *Gendernye transformatsii v mental'nosti i sotsializatsii uchashchetsya molodezhi: sb. nauch. st.* [*Gender transformations in the mentality and socialization of young students*]. Saint Petersburg, Publ. Nits art, 2019, pp. 47–53. DOI:10.51623/9785907260009_19_200 (In Russ.).
13. Kletsina I.S. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy issledovaniy gendernykh otnoshenii v sfere sotsiologicheskogo i psikhologicheskogo znaniya [Current State and Prospects for Research on Gender Relations in the Sphere of Sociological and Psychological Knowledge]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2013, no. 2, pp. 3–13. (In Russ.).
14. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Gendernye normy kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen: monografiya [Gender norms as a socio-psychological phenomenon]. Moscow: Publ. Prospekt, 2017. 144 p. (In Russ.).
15. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Psikhologiya gendernykh otnoshenii [Psychology of gender relations]. Saint Petersburg: Publ. RGPU im. A.I. Gercena, 2018. 244 p. (In Russ.).
16. Klyuchko O.I., Morozova N.N., Samosadova E.V. Normy muzhskogo i zhenskogo povedeniya russkikh i turkmenskikh studentov [Norms of male and female behavior of Russian and Turkmen students]. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo zhenskogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Kazakh National Women's Pedagogical University*, 2020, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.).
17. Klyuchko O.I. [i dr.] Gendernye transformatsii v predstavleniyakh rossiiskoi studencheskoi molodezhi [Gender Transformations in the Perceptions of Russian Students]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2020, no. 1, pp. 55–69. DOI:10.21064/WinRS.2020.1.5 (In Russ.).
18. Kol'tsova V.A. Rossiiskii mentalitet kak predmet sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya [Russian mentality as a subject of socio-psychological research]. Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossiiskogo mentaliteta [Historiogenesis and the current state of the Russian mentality]. In Kol'tsova V.A. (eds.). Moscow: Institut psikhologii RAN, 2015, pp. 5–15. (In Russ.).
19. Kosov A.V. Mental'nost' kak mirovozzrencheskaya sistema i komponenta mifoznaniya [Mentality as an ideological system and a component of mythological consciousness]. *Metodologiya i istoriya psikhologii = Methodology and history of psychology*, 2007. Vol. 2, no. 3, pp. 75–90. (In Russ.).
20. Mendelevich V.D. Nebinarnaya gendernaya identichnost' i transgendernost' vne psikhiatricheskogo diskursa [Non-binary gender identity and transgenderism outside psychiatric discourse]. *Neurologicheskii vestnik = Neurological Bulletin*, 2020. Vol. LII, no. 2, pp. 5–11. DOI:10.17816/nb26268 (In Russ.).
21. Mental'nost' rossiiskoi provintsii: sb. materialov IV Vseros. konf. po istoricheskoi psikhologii rossiiskogo soznaniya (Samara, 1–2 iyulya 2004 g.) [The mentality of the Russian province]. Samara: Publ. SGPU, 2005. 463 p. (In Russ.).
22. O muzhe(N)stvennosti [About masculinity]: Sbornik statej. In Ushakin S. (eds.). Moscow: Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 720 p. (In Russ.).
23. Ozhigova L.N. Psikhologiya gendernoi identichnosti lichnosti [Psychology of gender identity of a person]. Krasnodar: Publ. Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2006. 290 p. (In Russ.).

24. Rossiiskii gendernyi poryadok: sotsiologicheskii podkhod: kollektivnaya monografiya [The Russian gender order: a sociological approach]. In Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.). Saint Petersburg: Publ. Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2007. 306 p. (In Russ.).
25. Rossiiskii mentalitet: voprosy psikhologicheskoi teorii i praktiki: kollektivnaya monografiya. [Russian mentality: issues of psychological theory and practice]. In Abul'khanovoi K.A. (eds). Moscow: Institut psikhologii RAN, 1997. 336 p. (In Russ.).
26. Radina N.K. Gendernaya metodologiya v sotsial'noi psikhologii [Gender methodology in social psychology]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2012. Vol. 3, no. 3, pp. 36–47. (In Russ.).
27. Ryabov O.V. «Matushka-Rus'»: Opyt gendernogo analiza poiskov natsional'noi identichnosti Rossii v otechestvennoi i zapadnoi istoriosofii ["Mother Russia": The experience of gender analysis of the search for Russia's national identity in Russian and Western historiosophy]. Moscow: Publ. Ladomir, 2001. 202 p. (In Russ.).
28. Semenova L.E. Gendernyi podkhod v kontekste kul'turno-istoricheskoi psikhologii L.S. Vygotskogo [Gender approach in the context of cultural-historical psychology L.S. Vygotsky]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2008. Vol. 4, no. 2, pp. 69–73. (In Russ.).
29. Semenova T.V. Gorodskaya mental'nost': sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie: monografiya [Urban mentality: a socio-psychological study]. Samara, 2020. 250 p. (In Russ.).
30. Solodovnikova O.B., Manuil'skaya K.M., Rogozin D.M. Seksual'noe povedenie rossiyan vsekh vozrastov v period pandemii COVID-19 [Sexual behavior of Russians of all ages during the COVID-19 pandemic]. *CHelovek = Human*, 2021. Vol. 32, no. 4, pp. 27–52. DOI:10.31857/S023620070016684-9 (In Russ.).
31. Sukhareva N.F. Gendernye aspekty sotsial'no-psikhologicheskoi gotovnosti k semeinoi zhizni molodezhi provintsii [Gender Aspects of Socio-Psychological Readiness for Family Life of Provincial Youth]. In Klyuchko O.I. (eds.). *Gendernye transformatsii v mental'nosti i sotsializatsii uchashcheisya molodezhi: sbornik nauchnykh statei [Gender transformations in the mentality and socialization of young students]*. Saint Petersburg: Publ. Nits art, 2019, pp. 96–103. DOI:10.51623/9785907260009_19_200 (In Russ.).
32. Khotkina Z.A. Rossiiskim gendernym issledovaniyam 30 let: retrospektiva i perspektivy [Russian gender studies are 30 years old: retrospective and prospects]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2020, no. 2, pp. 26–37. DOI:10.21064/WinRS.2020.2.3 (In Russ.).
33. Khoroshilov D.A. Raspalas' li svyaz' vremen v sotsial'noi psikhologii? K 95-letnemu yubileyu G.M. Andreevoi [Has the connection of times in social psychology broken down? To the 95th anniversary of G.M. Andreeva]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 196–201. DOI:10.17759/sps.2019100313 (In Russ.).
34. Chekalina A.A. Gendernye aspekty mental'nosti kak problema psikhologicheskogo analiza [Gender aspects of mentality as a problem of psychological analysis]. In Klyuchko O.I. (eds.). *Gendernye transformatsii v mental'nosti i sotsializatsii uchashcheisya molodezhi: sbornik materialov [Gender Transformations in the Mentality and Socialization of Student Youth]*. Saint Petersburg: Publ. Nits art, 2018, pp. 14–24. (In Russ.).
35. Chekalina A.A. Mental'nost' uchitelya: na peresechenii gendera i professii [Teacher mentality: at the intersection of gender and profession]. In Zhuravlev A.L., Kol'tsova V.A., Kholondovich E.N. (eds.). *Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossiiskogo mentaliteta [Historiogenesis and the current state of the Russian mentality]*. Moscow: IP RAN, 2016, pp. 440–453. (In Russ.).
36. Chernova Zh.V. Nezavershennaya gendernaya revolyutsiya [The unfinished gender revolution]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 2019, no. 2, pp. 222–242. DOI:10.14515/monitoring.2019.2.10 (In Russ.).
37. Chiker V.A., Svirikhina D.A. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti zhenshchin, sostoyashchikh v antifeministskikh internet-soobshchestvakh [Socio-psychological characteristics

- of women who are members of anti-feminist online communities]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 143–159. DOI:10.17759/sps.2019100410 (In Russ.).
38. Fetiskin N.P. Psikhologiya gendernykh razlichii [Psychology of gender differences]. Moscow: Publ. Forum; INFRA-M, 2017. 256 p. (In Russ.).
39. Shtyleva L.V. Gendernaya sotsializatsiya shkol'nikov v rossiiskom obrazovanii: teoriya, istoriya i sovremennaya praktika: monografiya [Gender socialization of schoolchildren in russian education: theory, history and modern practice]. Saint Petersburg: Nits art, 2017. 524 p. (In Russ.).
40. Yurevich A.V. Bazovye komponenty natsional'nogo mentaliteta [Basic components of the national mentality]. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2013. Vol. 83, no. 12, pp. 1083–1091. DOI:10.7868/S086958731312013X (In Russ.).
41. Bem S.L. The lenses of gender: Transforming the debate on sexual inequality. New Haven, CT: Yale University Press, 1993. 244 p.
42. Connell R. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Stanford University Press, 1987. 334 p.
43. Connolly F., Goossen M., Hjerem M. Does Gender Equality Cause Gender Differences in Values? Reassessing the Gender-Equality-Personality Paradox. *Sex Roles*, 2020, no. 83, pp. 101–113. DOI:10.1007/s11199-019-01097-x
44. Donnelly K., Twenge J.M. Masculine and Feminine Traits on the Bem Sex-Role Inventory, 1993–2012: a Cross-Temporal Meta-Analysis. *Sex Roles*, 2017, no. 76, pp. 556–565: DOI:10.1007/s11199-016-0625-y
45. Goffman E. Gender Display. *Gender Advertisements: Studies in the Anthropology of Visual Communication*. Goffman Reader. Lemert S and Branaman A. Blackwell Publ, 1997, pp. 208–227.
46. Hirdman Y., Andreassen Y. The gender system. In: Andreassen T., Borchorst A., Dahlerup D., Lous L. and Nielsen R. (eds.). Moving On, Aarhus University Press, Aarhus, 1991, pp. 187–207.
47. Maccoby E.E., Jacklin C.N. The psychology of sex differences. Palo Alto, CA: Stanford University Press, 1974. 634 p.
48. O'Neil J.M. Men's Gender Role Conflict: Psychological Costs, Consequences, and an Agenda for Change. USA: American Psychological Association, 2015. 400 p.
49. Schudson Zach C., Morgenroth Thekla. Non-binary gender/sex identities. *Current Opinion in Psychology*, 2022. Vol. 48, pp. 48:101499. DOI:10.1016/j.copsyc.2022.101499
50. Sedlander E., Bingenheimer J., Long M.W. et al. The G-NORM Scale: Development and Validation of a Theory-Based Gender Norms Scale. *Sex Roles*, 2022, no. 87, pp. 350–363. DOI:10.1007/s11199-022-01319-9

Информация об авторах

Ольга Ивановна Ключко, доктор философских наук, профессор департамента психологии Института педагогики и психологии образования, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (ГАОУ ВО МГПУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1446-3965>, e-mail: olga-klioutchko@yandex.ru

Information about the authors

Olga I. Klyuchko, Doctor of Philosophy, Professor of Psychology Department, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1446-3965>, e-mail: olga-klioutchko@yandex.ru

Получена 01.10.2022

Received 01.10.2022

Принята в печать 07.12.2022

Accepted 07.12.2022

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Поддержка женщин в политике: роль оправдания гендерной системы, восприятия гендерного неравенства и сексизма

Ананьева О.А.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ),**

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: ooananyeva@hse.ru

Татаренко М.К.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ),**

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0986-8602>, e-mail: mktatarenko@edu.hse.ru

Цель. Анализ связей между оправданием гендерной системы, воспринимаемым гендерным неравенством и амбивалентным сексизмом в готовности поддержать женщину-кандидата на президентский пост.

Контекст и актуальность. Показатели человеческого потенциала и гендерного развития в России считаются очень высокими, однако продвижение женщин в политике и высшем управлении остается на низком уровне, а российское население подвержено предубеждениям в отношении женщин и их роли в обществе. Исследование психологических механизмов и факторов, сдерживающих поддержку женщин в разных областях деятельности, важно для понимания отсрочки позитивных изменений и сокращения неравенства в обществе.

Дизайн исследования. В работе анализировались связи между оправданием гендерной системы, воспринимаемым гендерным неравенством, враждебным и доброжелательным сексизмом и полом респондентов в поддержке женщины-кандидата на президентство. Для этого проведено корреляционное онлайн-исследование, включающее анализ модерированной медиации.

Участники. Выборка: $N=1011$ россиян (48% мужчин и 52% женщин) от 18 до 75 лет ($M=35,1$; $SD=11,94$).

Методы (инструменты). Русскоязычные методики оправдания гендерной системы Дж. Джоста и А. Кея и шкала амбивалентного сексизма П. Глика и С. Фиск (адаптированные Е.Р. Агадуллиной), вопрос о воспринимаемом уровне гендерного неравенства в России («Как бы Вы оценили гендерное неравенство в России?») и вопрос о желании видеть женщину в качестве Президента Российской Федерации («Хотели бы Вы видеть женщину на посту президента России?»).

Результаты. Не обнаружена прямая связь между оправданием гендерной системы и готовностью поддержать женщину-политика, но опосредованная связь через воспринимаемое гендерное неравенство значима: оправдание системы вкладывается в недооценку неравенства, что в свою очередь подрывает желание населения поддерживать женщину-политика. Амбивалентный (доброжелательный и враждебный) сексизм препятствует поддержке женщин в политике; доброжелательный (но не враждебный сексизм) вкладывается в преуменьшение существующего

гендерного неравенства в обществе. Пол респондентов не играет модераторской роли в исследуемых связях.

Основные выводы. Воспринимаемое на низком уровне гендерное неравенство и сексистские установки являются ключевыми факторами, сдерживающими поддержку женщин в стереотипно нетрадиционных областях деятельности (таких как политика). Превалирование сексистских установок является одной из причин замедления позитивных социальных изменений по сокращению неравенства в обществе.

Ключевые слова: оправдание гендерной системы, гендерное неравенство, сексизм, женщины-политики.

Финансирование Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-18-00142, <https://rscf.ru/project/20-18-00142/> в ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ.

Благодарность. Авторы выражают благодарность Елене Рафиковне Агадуллиной за помощь в подготовке публикации.

Для цитаты: Ананьева О.А., Татаренко М.К. Поддержка женщин в политике: роль оправдания гендерной системы, восприятия гендерного неравенства и сексизма // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 30–46. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130403>

Support for Women in Politics: the Role of Gender System Justification, Gender Inequality Perception and Sexism

Olga A. Ananyeva

National Research University «Higher School of Economics» (NRU HSE), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: aananyeva@hse.ru

Maria K. Tatarenko

National Research University «Higher School of Economics» (NRU HSE), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0986-8602>, e-mail: mktatarenko@edu.hse.ru

Objective. *Analysis of relationships between gender system justification, perceived gender inequality and ambivalent sexism in support for female candidates for the presidential post in Russia.*

Background. *Human and gender development indices in Russia are considered to be very high in world rankings, however, promotion of women in politics and top management remains at a very low level, the Russian population is still prone to various biases towards women and their roles in society. Analysis of psychological mechanisms and factors restraining women's empowerment is crucial to understand the lack of positive social change and barriers to quality attainment.*

Study design. *The study examined relationships between gender system justifications, perceived gender inequality, hostile and benevolent sexism and respondents' gender in support for female political candidates for presidency. Correlational online study using analysis of moderated mediation was conducted.*

Participants. *Sample: N=1011 Russian respondents (48% male, 52% female) from 18 to 75 years old (M=35,1; SD=11,94).*

Measurements. *Measures of system justification by J. Jost and A. Kay, Ambivalent sexism inventory by P. Glick and S. Fiske (both adapted to Russian by E. Agadullina), a question on perceived gender inequality in Russia («How would you evaluate gender inequality in Russia?») and a question about willingness to see a woman as a president of Russia («Would you like to see a woman as a president of Russia?»).*

Results. *The direct association between gender system justification and support for a female politician was not found, however, indirect association through perceived gender inequality is significant: gender system justification leads to underestimation of inequality which in turn undermines willingness of the population to support female politicians. Ambivalent (benevolent and hostile) sexism hinders support for female politicians; benevolent (but not hostile) sexism contributes to underestimation of gender inequality in the society. Respondents' gender does not moderate the studied relationships.*

Conclusions. *Gender inequality perceived at low level as well as sexist attitudes are key factors restraining support for women in stereotypically unconventional fields (such as politics). Prevalence of sexist attitudes is one of the possible reasons why positive change is decelerated.*

Keywords: *gender system justification, gender inequality, sexism, female politicians.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 20-18-00142, <https://rscf.ru/project/20-18-00142/> at the NRU HSE.

Acknowledgements. Authors would like to thank Elena Agadullina for her contribution in the preparation of the article.

For citation: Ananyeva O.A., Tatarenko M.K. Support for Women in Politics: the Role of Gender System Justification, Gender Inequality Perception and Sexism. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 30–46. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130403> (In Russ.).

Введение

Гендерное равенство является одной из широко обсуждаемых тем в социальной и политической повестке многих стран [14; 34]. В некоторых областях (например, в образовании) гендерный разрыв сокращен в большом количестве стран [43], однако другие сферы деятельности, такие как политика [14] и высшее управление бизнесом [33], остаются преимущественно «мужскими». Международные отчеты показывают, что процент женщин, занимающих политические должности или кресла в национальных парламентах, варьируется от 2,7% в Гаити до 50% в ОАЭ [51]. При этом женщины чаще занимают посты, связанные с образованием и социальными вопросами, и практически не представлены в таких сферах управления, как оборона и внешняя политика. Женщины-президенты по-прежнему являются скорее исключением во всем мире.

В России ситуация с гендерным равенством в целом считается благополучной. Согласно индексам гендерного развития и гендерного неравенства Россия занимает 52 и 50 места в мировом рейтинге соответственно [51]. Измерения данных индексов отображают, что российские женщины в среднем лучше образованы, получают образовательные степени быстрее, чем мужчины, и равно представлены на рынке труда, однако доля мест в российском парламенте (Совете Федерации и Государственной Думе), занимаемых женщинами, составляет лишь 16,5% [51].

Слабая представленность женщин в верхних эшелонах власти в целом согласуется со сложившимся общественным мнением и готовностью населения поддерживать женщин на высших политических постах¹. Результаты опросов свидетельствуют о том, что доля россиян,

¹ Под поддержкой женщин в контексте данного исследования понимаются готовность и желание населения видеть женщин на высоких управленческих ролях, одобрение кандидатуры женщины на ключевые политические позиции.

желающих видеть женщину на посту Президента или Председателя Правительства Российской Федерации, варьируется от 21 до 36% [1; 3], и она падает по сравнению с предыдущими годами [1; 2]. Наиболее подходящим постом для женщины россияне считают пост министра здравоохранения, социального обеспечения или образования [3], что в целом соответствует стереотипному представлению о «женских» сферах, связанных с заботой о других [48]. Исследование, проведенное Программой Развития Объединенных Наций, подтвердило, что в России крайне распространены предубеждения, связанные с поддержкой и сохранением гендерных норм, и только 13,17% населения не подвержены каким-либо предубеждениям в отношении женщин и их роли в современном обществе [52].

Одним из ключевых факторов, препятствующих продвижению в России женщин на ведущие политические позиции, может быть распространение установок и идеологий, закрепляющих гендерное неравенство (например, оправдание гендерной системы и сексизм). Исследование роли таких установок в поддержке женщин, претендующих на ключевые политические посты, углубит понимание электорального поведения российского населения и механизмов, препятствующих социальным изменениям.

Оправдание гендерной системы

Одно из потенциальных объяснений, почему гендерное неравенство сохраняется и традиционные взгляды на гендерные роли остаются неизменными и преобладающими даже в современных обществах, предлагается в теории оправдания системы, которая постулирует склонность людей к одобрению, поддержке и защите существующего статус-кво, в том числе и в отношениях между

представителями разных гендерных групп [22; 27; 31].

Система отношений между мужчинами и женщинами зафиксирована в гендерных стереотипах и ожиданиях, которые описывают, как женщины и мужчины должны выглядеть, чувствовать и вести себя [38; 41; 42], а также какие социальные роли должны выполнять [19]. Сохранение и поддержка данной системы возможны благодаря распространению представлений о том, что приписываемые мужчинам и женщинам качества и роли обоснованы и справедливы, так как отражают биологически заложенные различия между полами [50].

Исследования демонстрируют, что и мужчины, и женщины склонны оправдывать гендерный статус-кво [31; 32]. При этом мужчины оправдывают систему, потому что это помогает им сохранять свой высокий социальный статус, заданный гендерными стереотипами [27; 31]. В случае женщин оправдание гендерной системы связано с преувеличением легитимности устоявшейся системы отношений [27], интернализацией подчиненного статуса [16] и искаженного восприятия и заниженной оценкой того, на что человек может претендовать по праву [26; 35]. Так, например, исследования показывают, что вне зависимости от качества исполнения идентичной работы женщины назначали себе меньшее вознаграждение по сравнению с вознаграждением, которое они назначали мужчинам [26; 35].

При этом и для мужчин, и для женщин высокий уровень оправдания системы сопровождается преуменьшением воспринимаемой гендерной дискриминации [6]. Данная тенденция может быть связана с тем, что оправдание системы укрепляет веру в естественную природу гендерного неравенства [6; 47] и, следовательно, в справедливость распределения

ролей между представителями разных гендерных групп [50]. В свою очередь восприятие неравенства как справедливого и легитимного, в целом, увеличивает его принятие [29], что в конечном счете приводит к восприятию его уровня как незначительного [36]. Таким образом, оправдание гендерной системы снижает воспринимаемое гендерное неравенство и, как следствие, может препятствовать поддержке действий и инициатив, которые бы уменьшали гендерный дисбаланс в определенных сферах жизни, например, в политике.

Согласно теории оправдания системы готовность поддерживать статус-кво усиливается, если возникает внутренняя или внешняя угроза существующему порядку [28; 30]. Основным источником угрозы гендерной системе является нарушение гендерных норм и стереотипов, а также отступление от традиционных гендерных ролей (например, когда женщина претендует на высокий пост в стереотипно «мужской» сфере, такой как политика). Элизабет Браун и Аманда Дикман [12] обнаружили, что присутствие хотя бы одной женщины на политической арене вне зависимости от ее политического успеха ведет к усилению оправдания существующей гендерной системы через восприятие ее легитимности (значимо сильнее среди мужчин по сравнению с женщинами) и справедливости (одинаково значимо как среди женщин, так и мужчин). В целом угроза стабильности гендерной системы в силу отступления женщин от предписанных гендерных ролей приводит к негативным последствиям для «нарушительниц», среди которых занижение оценок их компетентности [11], преувеличение их «непривлекательности» [25], сокращение социальной поддержки [24], а также неравномерное продвижение на лидер-

ские позиции [46]. В сфере политики женщинам, которые стремятся занимать высокие посты, приписываются типично мужские черты, такие как стремление к власти и низкая теплота, что воспринимается как отклонение от стереотипа [40] и приводит к их меньшей политической поддержке [8].

Таким образом, оправдание гендерной системы позволяет людям поддерживать представление о справедливости и легитимности предписанных гендерных ролей, что, в свою очередь, снижает воспринимаемое гендерное неравенство, а также способствует негативному отношению к любым действиям и инициативам, нарушающим гендерный статус-кво.

Амбивалентный сексизм

В качестве еще одного фактора, способствующего сохранению гендерного неравенства и препятствующего поддержке действий и инициатив, направленных на увеличение равенства, является широкое распространение сексистских установок [15].

Согласно подходу, предложенному Питером Гликом и Сьюзен Фиск [20; 21], сексизм нельзя однозначно рассматривать как явно негативное предубеждение против женщин или мужчин из-за двойственного, амбивалентного характера гендерных установок и следует различать два вида сексизма: враждебный и доброжелательный [22; 28]. Враждебный сексизм охватывает многообразие негативных установок по отношению к отклоняющимся от традиционных гендерных ролей женщинам, а доброжелательный сексизм отражает позитивное, но при этом снисходительно-патерналистское отношение к женщинам, которые соответствуют традиционным гендерным ожиданиям [5]. Одна из особенностей данных установок заключается в том, что они связаны с при-

нятием и преуменьшением существующего уровня гендерного неравенства [22; 28; 30]. Согласно данным Рэйчел Коннор и Сьюзен Фиск [15], враждебный сексизм усиливает принятие/одобрение неравенства через представление о том, что женщины сами не готовы выполнять ответственную работу, требующую высокого уровня компетентности, так как отдают приоритет семье, а не карьере. Такие представления снижают возможность обнаружить несправедливость и дискриминацию в профессиональной сфере, что в итоге ведет к восприятию неравенства как незначительного и оправданного. А доброжелательный сексизм связан с преуменьшением существующего уровня неравенства через ложное представление о равенстве взаимодополняющих друг друга социальных ролей («мужчина-добытчик, женщина-хозяйка»), маскирующее реальный гендерный разрыв в разных областях человеческой деятельности.

Как и в случае оправдания системы, амбивалентный сексизм связан с негативным отношением к женщинам, нарушающим гендерные стереотипы. Исследования показывают, что носители враждебных сексистских установок могут по умолчанию предпочитать мужчин-политиков [9; 45], считая, что женщины-кандидатки стремятся «отобрать» власть у мужчин. Носители же доброжелательных сексистских установок могут быть менее склонны к поддержке женщин-политиков [45] из-за убежденности в том, что политическая деятельность не совместима с традиционной ролью «хранительницы очага». В целом как враждебные, так и доброжелательные сексисты предпочитают голосовать за мужчину-кандидата на президентский пост [9; 13; 45]. Тесса Дитонто обнаружила, что люди, подверженные сексистским предубеждениям, чаще склонны «ошиба-

ться» в своем избирательном выборе (т.е. игнорировать женщину-кандидата, представляющую большую часть интересов избирателя, в пользу кандидата-мужчины, представляющего меньший спектр его интересов) [17]. Кроме того, сексизм связан с искаженной оценкой компетентности женщин в области политики [13].

Таким образом, амбивалентный сексизм способствует как искаженному восприятию гендерного неравенства, так и негативному отношению к женщинам, стремящимся реализовать себя в типично «мужской» сфере, такой как политика.

Цель, гипотезы и методы исследования

Целью данного исследования является изучение факторов, ограничивающих желание и готовность российского населения поддерживать женщин, претендующих на пост Президента Российской Федерации. В качестве таких факторов были рассмотрены готовность оправдывать существующую систему, уровень воспринимаемого гендерного неравенства, а также уровень враждебного и доброжелательного сексизма индивидов. В исследовании протестирована модель, в рамках которой исследуется связь каждого из факторов с готовностью поддержать женщину на посту Президента Российской Федерации, а также оцениваются непрямые отношения между переменными. В частности, воспринимаемый уровень гендерного неравенства рассматривается как медиатор связи между оправданием гендерной системы и готовностью поддерживать женщину на посту президента, а враждебный и доброжелательный сексизм рассматриваются как ковариаты. Кроме того, пол респондентов был включен в модель в качестве модератора для исследуемых связей в силу того, что уровень оправдания систе-

мы [31; 39], воспринимаемого гендерного неравенства [15; 36], а также поддержка женщин в политике [12; 18] могут напрямую зависеть от пола респондента.

Основная теоретическая модель исследования представлена на рис. 1 и концептуализирована в следующих гипотезах:

Гипотеза 1. Оправдание гендерной системы снижает готовность поддерживать женщин на посту Президента Российской Федерации.

Гипотеза 2. Отношения между оправданием гендерной системы и готовностью поддерживать женщин на посту Президента Российской Федерации опосредованы уровнем воспринимаемого гендерного неравенства. В частности, оправдание системы снижает уровень воспринимаемого неравенства, что в свою очередь снижает готовность поддерживать женщин на посту Президента Российской Федерации.

Гипотеза 3. Доброжелательный и враждебный сексизм отрицательно связаны с восприятием гендерного неравенства и готовностью поддерживать женщин в политике.

Гипотеза 4. Мужчины в большей степени, чем женщины, будут демонстрировать уровень оправдания системы, преуменьшать существующий уровень гендерного неравенства и меньше под-

держивать женщин на посту Президента Российской Федерации.

Выборка. В исследовании приняли участие 1011 россиян (485 мужчин и 526 женщин) старше 18 лет ($M=35,1$; $SD=11,94$). Большая часть респондентов (92,3%) считали себя русскими; почти половина выборки проживала в Москве (49,1%), 21,6% — в городах средней населенности, остальная часть выборки проживала в малых городах и деревнях. Пятая часть респондентов (22,4%) относили себя к группе людей с высоким или выше среднего уровнем дохода, 56,4% — считали, что их доход средний и 21% — низкий или чрезвычайно низкий. Половина респондентов (50,1%) имела законченное высшее образование (бакалавриат/специалитет), 12,2% — обучались на программах бакалавриата/специалитета (незаконченное высшее образование), 5% сообщили о наличии двух и более высших образований, 22,4% имели законченное среднее образование (техникум/колледж), 9% закончили только среднюю школу.

Процедура и методики исследования. Данные собирались в онлайн-исследовании, проведенном на платформе Survey Monkey. Респонденты были ознакомлены с процедурой и целью исследования, а также заполняли форму информированного согласия.

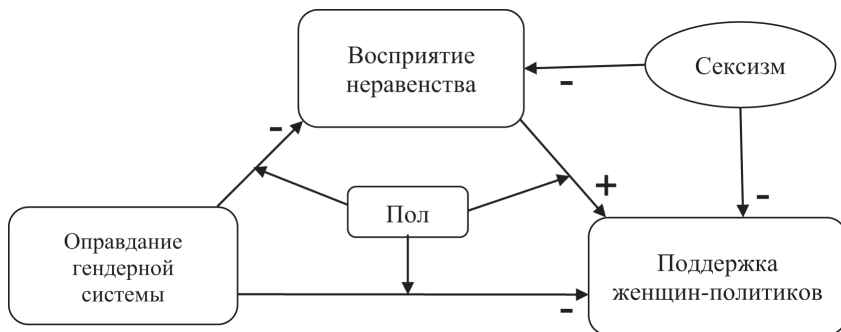

Рис. 1. Теоретическая модель исследования

Оправдание гендерной системы

измерялось при помощи адаптированной на русский язык [4] методики Дж. Джоста и А. Кея [28], включающей 7 утверждений (например, «Сегодня в России женщинам живется лучше, чем во многих других странах») ($\alpha=0,817$). Респонденты оценивали степень согласия с каждым утверждением по шкале от 1 (полностью не согласен/а) до 9 (абсолютно согласен/а).

Для оценки **воспринимаемого гендерного неравенства** использовался вопрос «Как бы Вы оценили гендерное неравенство в России (разницу в возможностях и доступе к ресурсам между мужчинами и женщинами)?». Респондентам необходимо было оценить воспринимаемый уровень неравенства по шкале от 1 («В России нет гендерного неравенства») до 6 («В России существует очень значительное (максимальное) гендерное неравенство»).

Поддержка женщин-политиков измерялась при помощи вопроса «Хотели бы Вы видеть женщину на посту президента России?». Респондентов просили выразить свою позицию по шкале от 1 (абсолютно точно не хочу) до 7 (абсолютно точно хочу).

Амбивалентный сексизм измерялся при помощи адаптированной на русский язык [5] шкалы П. Глика и С. Фиск [21]. Шкала состоит из 12 утверждений и включает две субшкалы: доброжелательный сексизм ($\alpha=0,898$; «У каждого мужчины должна быть женщина, которую он обожает») и враждебный сексизм ($\alpha=0,869$; «Женщины стремятся заполучить власть, устанавливая контроль над мужчинами»). Респондентов просили оценить степень согласия с каждым утверждением по шкале от 1 (полностью не согласен/а) до 7 (полностью согласен/а).

Социально-демографические переменные. Респонденты также отвечали на вопрос об их гендере, возрасте, уровне образования, этнической принадлежности, месте постоянного проживания и субъективном социально-экономическом статусе.

Результаты

Исследуемая модель тестировалась при помощи IBM SPSS 27.00 с расширением PROCESS v.3.4 (model 59) [23]. Оценка значимости непрямых эффектов проводилась на основе анализа доверительных интервалов.

Описательная статистика. Используемые в данном исследовании шкалы демонстрируют высокую согласованность ($\alpha \in [0,82; 0,90]$), а также взаимные корреляции (см. табл. 1). В полном соответствии с ожидаемыми эффектами оправдание гендерной системы, враждебный и доброжелательный сексизм негативно связаны с воспринимаемым гендерным неравенством и поддержкой женщин-политиков. В свою очередь воспринимаемое гендерное неравенство положительно связано с готовностью поддержать женщин на посту президента как для мужчин, так и для женщин, что свидетельствует о том, что поддержка женщин может рассматриваться как один из способов снизить существующий уровень неравенства [53]. Важно отметить, что, согласно полученным результатам, мужчины в большей степени оправдывают гендерную систему и разделяют враждебные и доброжелательные гендерные установки, чем женщины. При этом женщины в большей степени готовы поддерживать женщин в политической сфере и выше оценивают уровень существующего гендерного неравенства, чем мужчины (см. табл. 1).

Анализ модели. Результаты, представленные в табл. 2, демонстрируют, что при одновременном контроле ис-

Таблица 1
Описательные статистики, согласованность шкал, сравнение средних по группам и корреляции (N=1011)

Переменная интереса	Общая выборка (n=1011)					Подвыборки:					Женщины (n=526)		Мужчины (n=485)		t-test	
	M (SD)	α	1	2	3	4	1	2	3	4	5	M (SD)	α	M (SD)		α
			4	3	2	1	5	4	3	2	1	5	4	3		2
1. Оправдание гендерной системы (ОГС)	4,74 (1,60)	0,82	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4,43 (1,74)	0,83	5,07 (1,47)	0,78	t(1009) = –6,32***
2. Восприятие гендерного неравенства (ВГН)	3,10 (1,30)	–	–0,50**	–	–	–	–	–	–	–	–	3,41 (1,26)	–	2,79 (1,32)	–	t(1009) = 7,72***
3. Поддержка женщин-политиков (ПЖ)	3,94 (1,87)	–	–0,21**	0,28**	–	–	–	–	–	–	–	4,02 (1,89)	–	3,66 (1,81)	–	t(1009) = 4,71***
4. Добродетельный сексизм (ДС)	4,21 (1,71)	0,90	0,35**	–0,29**	–0,27**	–	–	–	–	–	–	4,00 (1,78)	0,86	4,44 (1,60)	0,88	t(1009) = –4,13***
5. Враждебный сексизм (ВС)	3,94 (1,50)	0,87	0,36**	–0,26**	–0,33**	0,44**	–	–	–	–	–	3,52 (1,48)	0,91	4,39 (1,39)	0,86	t(1009) = –9,59***

Примечания: Корреляции для женщин представлены снизу диагонали, а для мужчин — сверху; * – p<0,05; ** – p<0,01; *** – p<0,001; ОГС — оправдание гендерной системы; ВГН — воспринимаемое гендерное неравенство; ПЖ — поддержка женщин-политиков; ДС — добродетельный сексизм; ВС — враждебный сексизм.

следуемых переменных готовность поддерживать женщин-политиков связана с высоким воспринимаемым уровнем гендерного неравенства ($\beta=0,31$; $t(1003)=4,47$; $p<0,001$) и низким уровнем доброжелательного ($\beta= -0,13$; $t(1003)= -3,50$; $p=0,005$) и враждебного сексизма ($\beta= -0,27$; $t(1003)= -6,35$; $p<0,001$) (см. рис. 2). Интересно, что не наблюдается прямого эффекта оправдания гендерной системы на готовность поддержать женщину-кандидата ($\beta= -0,02$; $t(1003)= -0,40$; $p=0,69$), что не позволяет принять первую гипотезу данного исследования и может означать, что данный эффект имеет опосредованный характер.

Непрямой эффект оправдания гендерной системы на поддержку женщин в политике через воспринимаемый уровень неравенства оказался значимым, демонстрируя, что оправдание системы уменьшает воспринимаемое гендерное неравенство ($\beta= -0,32$; $t(1005)= -10,70$; $p<0,001$), что в свою очередь снижает готовность поддерживать женщин в политике со стороны мужчин ($\beta= -0,09$; 95% CI $[-0,15; -0,04]$) и со стороны женщин ($\beta= -0,10$; 95% CI $[-0,15; -0,05]$). В целом данные результаты подтверждают вторую гипотезу нашего исследования.

Как и предполагалось, и доброжелательный ($\beta= -0,13$; $t(1003)= -3,50$; $p=0,001$), и враждебный сексизм ($\beta= -0,27$; $t(1003)= -6,35$; $p<0,001$) вносят негативный вклад в поддержку женщин-кандидатов. При этом высокий уровень доброжелательного сексизма связан с низким воспринимаемым гендерным неравенством ($\beta= -0,09$; $t(1005)= -3,90$; $p<0,001$), в то время как эффект враждебного сексизма на восприятие неравенства не значим ($\beta= -0,02$; $t(1005)= -0,60$; $p=0,55$). В совокупности данные позволяют лишь частично принять третью гипотезу исследования, так как враждебный сексизм является значимым ковариатом только для поддержки женщин в политике, но не для уровня воспринимаемого гендерного неравенства.

И, наконец, пол респондентов не является значимым модератором для связи между оправданием гендерной системы и поддержкой женщин-политиков ($\beta=0,10$; $t(1003)=1,29$; $p=0,20$), а также оправданием гендерной системы и воспринимаемым неравенством ($\beta= -0,05$; $t(1005)= -1,02$; $p=0,31$), что не позволяет принять четвертую гипотезу исследования.

Полученные результаты представлены на рис. 2:

Таблица 2

Результаты анализа модерированной медиации

Независимая переменная \ Зависимая переменная	Воспринимаемое гендерное неравенство		Поддержка женщин-политиков	
	B (SE)	95% CI	β (SE)	95% CI
Воспринимаемое гендерное неравенство			0,31*** (0,07)	0,17; 0,44
Оправдание гендерной системы	-0,32*** (0,03)	-0,38; -0,26	-0,02 (0,05)	-0,12; 0,08
ПОЛ	-0,13 (0,23)	-0,59; 0,32	-0,37 (0,58)	-1,52; 0,77
ПОЛ x Оправдание гендерной системы	-0,05 (0,05)	-0,13; 0,04	0,10 (0,08)	-0,05; 0,25
ПОЛ X Воспринимаемое гендерное неравенство			-0,07 (0,10)	-0,25; 0,12

Независимая переменная \ Зависимая переменная	Воспринимаемое гендерное неравенство		Поддержка женщин-политиков	
	B (SE)	95% CI	β (SE)	95% CI
Доброжелательный сексизм	-0,09*** (0,02)	-0,14; -0,05	-0,13*** (0,03)	-0,20; -0,06
Враждебный сексизм	-0,02 (0,03)	-0,07; 0,04	-0,27*** (0,04)	-0,36; -0,19
Constant	5,27*** (0,15)	4,97; 5,57	4,71*** (0,43)	3,88; 5,55
R ²	0,23		0,16	
Прямые эффекты				
Женщины			-0,02 (0,05)	-0,12; 0,08
Мужчины			-0,08 (0,06)	-0,04; 0,20
Непрямые эффекты (оправдание гендерной системы – воспринимаемое неравенство – поддержка женщин)				
Женщины			-0,10 (0,02)	-0,15; -0,05
Мужчины			-0,09 (0,03)	-0,15; -0,04

Примечания. ПОЛ: 0 – женщины, 1 – мужчины; *** – $p < 0,001$.

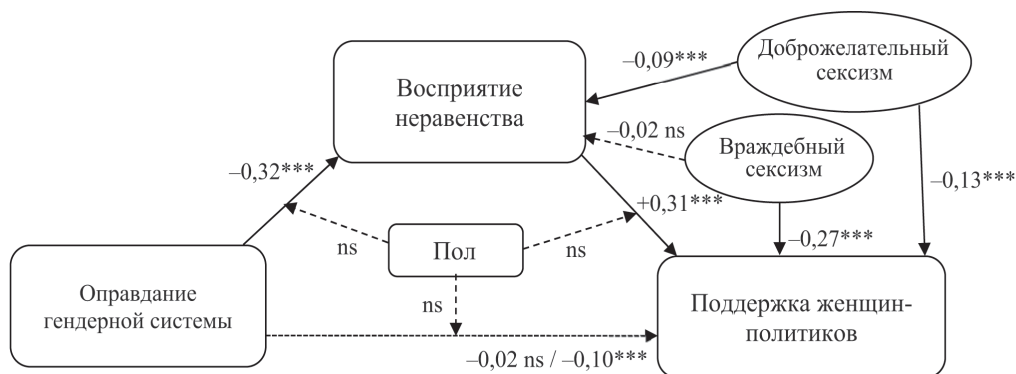

Рис. 2. Уточненная медиационная модель связи оправдания гендерной системы и поддержки женщин-политиков через воспринимаемое гендерное неравенство: прямой эффект/непрямой эффект; *** – $p < 0,001$

Обсуждение результатов

Представленное исследование было направлено на изучение факторов, ограничивающих желание и готовность российского населения поддерживать женщин, претендующих на пост Президента Российской Федерации. Результаты исследования продемонстрировали, что уровень воспринимаемого гендерного неравенства, а также сексистские уста-

новки являются ключевыми факторами, связанными с поддержкой женщин на политической арене.

Люди, которые считают, что в России высокий уровень гендерного неравенства, более склонны к тому, чтобы выразить одобрение женщины-политика, что может свидетельствовать об их желании хотя бы номинально выразить поддержку представителю группы-меньшинства в

политической сфере. Предыдущие исследования неоднократно показывали, что осознание высокого уровня неравенства в обществе часто сопровождается у населения негативными переживаниями [49]. Один из способов уменьшить негативный аффект связан с продвижением инициатив и программ, направленных на поддержку групп, находящихся в наиболее невыгодном или ущемленном положении [44]. В контексте политики поддержка женщин также может восприниматься как способ увеличения равенства и снижения негативного аффекта. Примечательно, что данный эффект (поддержки женщин как способа снижения неравенства) не зависит от гендера респондента, следовательно, не является межгрупповым (например, ингрупповым фаворитизмом для женщин и аутгрупповой враждебностью для мужчин), а может быть рассмотрен как универсальный. Таким образом, изменение отношения к женщинам в политике может быть напрямую связано с рефлексией уровня существующего гендерного неравенства в обществе.

Один из ключевых результатов нашего исследования демонстрирует, что воспринимаемый уровень неравенства в обществе «маскируется» высоким уровнем оправдания гендерной системы, что, в свою очередь, опосредованно снижает готовность поддерживать женщин в политике. Восприятие системы гендерных ролей как справедливой и стабильной приводит к преуменьшению существующих дискриминационных практик и воспринимаемого уровня неравенства [6]. В свою очередь представление о том, что гендерное неравенство низкое, дает основание для отказа поддерживать нетипичные для устоявшейся системы действия (например, голосовать за женщин). В то же время незначительная представленность женщин в политике атрибутируется

их собственному нежеланию участвовать в политической жизни и не рассматривается как признак несправедливости системы. Российский опыт, в котором женщины только один раз были представлены как кандидаты на пост президента (президентская кампания 2018 года), может способствовать укреплению данного представления. Интересно, что не было выявлено прямой связи между оправданием гендерной системы и готовностью поддерживать женщину на посту президента. В данном случае особую роль может играть специфический российский контекст, в котором позиция «Президент Российской Федерации» может восприниматься вне контекста гендерных ролей и напрямую ассоциироваться с конкретным кругом лиц.

В недооценку гендерного неравенства также вносит вклад доброжелательный сексизм. В данном случае акцент на том, что мужчины и женщины зависят друг от друга и выполняют взаимодополняющие социальные роли, служит иллюзорным основанием для восприятия равенства полов в обществе [15]. Примечательно, что более «опасным» и нежелательным для общества считается враждебный сексизм, так как он выражает негативные установки по отношению к женщинам [37]. При этом доброжелательные сексистские установки часто не воспринимаются как настоящий сексизм [7] или даже рассматриваются как привлекательные у партнера [10]. В результате общество активно борется с проявлениями враждебного сексизма и очень мало внимания уделяет распространению доброжелательных сексистских установок. При этом именно доброжелательный, а не враждебный сексизм «маскирует» реальный уровень гендерного неравенства и тем самым препятствует поддержке женщин в политической сфере. Для

успешного раскрытия потенциала женщин в политической сфере необходимо также бороться и с распространением доброжелательного сексизма.

Заключение

Исследование обнаружило, что оправдание гендерной системы опосредованно связано с готовностью людей поддерживать женщин в гендерно нетипичных областях деятельности через воспринимаемое гендерное неравенство: люди, воспринимающие систему гендерных ролей как справедливую и стабильную, склонны недооценивать уровень гендерного неравенства в обществе, оценка гендерного неравенства как незначительного, в свою очередь, подрывает готовность людей поддерживать женщин в сферах деятельности, стереотипно приписываемых мужчинам. Более того, сексистские установки, как враждебные, так и доброжелательные, также ослабляют готовность российского населения поддерживать женщин-политиков, а доброжелательный (но не враждебный) сексизм вкладывается в преуменьшение существующего гендерного неравенства в обществе.

Данная работа обладает рядом ограничений. Во-первых, в контексте исследования под поддержкой женщин подразумевалось желание людей видеть женщину на высокой управленческой позиции, одобрение женской кандидатуры на значимом политическом посту. Подобное определение может являться существенным ограничением, угрожающим валидности, так как отчет в желании видеть женщину на определенном посту может не соответствовать реальному избирательному поведению и электоральной поддержке женщин, выдвигающих свои кандидатуры на политические посты. Дальнейшие исследовательские

проекты по данной теме должны точнее специфицировать конструкт поддержки женщин-политиков и вводить дополнительные переменные, уточняющие силу и характер исследуемых связей (например, готовность голосовать за женщин-политиков или принимать иные меры по оказанию политической поддержки кандидаток). Во-вторых, современная политическая ситуация может быть охарактеризована невысокой представленностью женщин в высших управленческих кругах: на предыдущих президентских выборах была представлена только одна женщина, что могло несколько исказить ответы респондентов относительно одобрения женской кандидатуры на пост президента. Для дальнейшей исследовательской траектории рекомендуется уточнять формулировки вопросов и контролировать возможные искажения через предоставление альтернатив выбора.

Гендерные исследования в России представляют особый интерес. Россия считается страной с очень высоким уровнем человеческого потенциала и гендерного развития, что может являться наследием СССР, идеологически стремившегося закрепить в обществе представления о равенстве между мужчинами и женщинами. Однако современные индикаторы гендерного разрыва в различных областях деятельности отображают картину, не позволяющую утверждать о полном гендерном равенстве [51]. Возможно, наследуемые представления людей о равенстве в России могут охватывать суждения о советском опыте, а не о современном контексте, что делает исследования того, как укоренившиеся представления людей влияют на их оценку современной ситуации в России и готовность к поддержке инициатив, направленных на сокращение неравенства, особенно актуальными.

В целом представленное исследование показало, что как прямо, так и опосредованно различные установки, оправдывающие и закрепляющие гендерное неравенство, препятствуют поддержке женщин в политической сфере, в частности, на посту Президента Российской Федерации. Широкое распространение таких установок может являться препятствием для раскрытия человеческого потенциала женщин, а также снижать эффективность программ, направленных на увеличение гендерного равенства.

Литература / References

1. Гендерное равноправие, участие женщин в политической жизни — Левада-Центр² [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2022/03/08/gendernoe-ravnopravie-uchastie-zhenshin-v-politicheskoy-zhizni/> (дата обращения: 26.04.2022).
Gendernoe ravnopravie, uchastie zhenshin v politicheskoi zhizni — Levada-Tsentr [Elektronnyi resurs] [Gender equality, women's participation in politics — Levada-Center]. URL: <https://www.levada.ru/2022/03/08/gendernoe-ravnopravie-uchastie-zhenshin-v-politicheskoy-zhizni/> (Accessed 26.04.2022).
2. Общественное мнение — 2017. М.: Левада-Центр³, 2018. 244 с.
OBShchESTVENNOE MNENIE-2017. [PUBLIC OPINION-2017]. Moscow: Levada-Center, 2018. 244 p.
3. Сохранить прекрасный пол. Популяризация традиционных ценностей и запрос на «сильную руку» меняют представления россиян о женщине в политике. Аналитический обзор ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sokhranit-prekrasnyj-pol> (дата обращения: 26.04.2022).
Sokhranit' prekrasnyi pol. Populyarizatsiya traditsionnykh tsennostei i zapros na "sil'nyuyu ruku" menyayut predstavleniya rossiyan o zhenshchine v politike. Analiticheskii obzor VTsIOM [Elektronnyi resurs] [Analytical review. To save fair sex. Popularization of traditional values and request for "strong hand" change beliefs of Russians about a woman in politics]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sokhranit-prekrasnyj-pol> (Accessed 26.04.2022).
4. *Agadullina E., Ivanov A., Sarieva I.* How Do Russians Perceive and Justify the Status Quo: Insights From Adapting the System Justification Scales // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. P. 4698.
5. *Agadullina E.R.* Sexism towards women: Adaptation of the ambivalent sexism scale (P. Glick and S. Fisk) on a Russian sample // *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*. 2018. Vol. 15. № 3. P. 447–463.
6. *Bahamondes J., Sibley C.G., Osborne D.* "We Look (and Feel) Better Through System-Justifying Lenses": System-Justifying Beliefs Attenuate the Well-Being Gap Between the Advantaged and Disadvantaged by Reducing Perceptions of Discrimination // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2019. Vol. 45. № 9. P. 1391–1408.
7. *Barreto M., Ellemers N.* The burden of benevolent sexism: How it contributes to the maintenance of gender inequalities // *European Journal of Social Psychology*. 2005. Vol. 35. № 5. P. 633–642.

² Левада-Центр включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

³ Левада-Центр включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

8. *Bauer N.M.* Emotional, Sensitive, and Unfit for Office? Gender Stereotype Activation and Support Female Candidates // *Political Psychology*. 2015. Vol. 36. № 6. P. 691–708.
9. *Bock J., Byrd-Craven J., Burkley M.* The role of sexism in voting in the 2016 presidential election // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 119. P. 189–193.
10. *Bohner G., Ahlborn K., Steiner R.* How sexy are sexist men? Women's perception of male response profiles in the ambivalent sexism inventory // *Sex Roles*. 2010. Vol. 62. № 7–8. P. 568–582.
11. *Bosak J. [et al.]*. Be an advocate for others, unless you are a man: Backlash against gender-atypical male job candidates // *Psychology of Men & Masculinity*. 2016. Vol. 19. № 1. P. 156.
12. *Brown E.R., Diekmann A.B.* Differential effects of female and male candidates on system justification: Can cracks in the glass ceiling foster complacency? // *European Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 43. № 4. P. 299–306.
13. *Cassidy B.S., Krendl A.C.* A Crisis of Competence: Benevolent Sexism Affects Evaluations of Women's Competence // *Sex Roles*. 2019. Vol. 81. № 7–8. P. 505–520.
14. *Celis K., Lovenduski J.* Power struggles: Gender equality in political representation // *European Journal of Politics and Gender*. 2018. Vol. 1. № 1–2. P. 149–166
15. *Connor R.A., Fiske S.T.* Not Minding the Gap: How Hostile Sexism Encourages Choice Explanations for the Gender Income Gap // *Psychology of Women Quarterly*. 2018. Vol. 43. № 1. P. 22–36.
16. *Cristofaro V. de [et al.]*. Can moral convictions against gender inequality overpower system justification effects? Examining the interaction between moral conviction and system justification // *British Journal of Social Psychology*. 2021. Vol. 60. № 4. P. 1279–1302.
17. *Ditonto T.* Direct and indirect effects of prejudice: sexism, information, and voting behavior in political campaigns // *Politics, Groups, and Identities*. 2019. Vol. 7. № 3. P. 590–609.
18. *Dolan K., Lynch T.* Making the connection? Attitudes about women in politics and voting for women candidates // *Politics, Groups, and Identities*. 2014. Vol. 3. № 1. P. 111–132.
19. *Eagly A.H., Koenig A.M.* The Vicious Cycle Linking Stereotypes and Social Roles // *Current Directions in Psychological Science*. 2021. Vol. 30. № 4. P. 343–350.
20. *Glick P. [et al.]*. Beyond prejudice as simple antipathy: Hostile and benevolent sexism across cultures // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 79. № 5. P. 763–775.
21. *Glick P., Fiske S.T.* The Ambivalent Sexism Inventory: Differentiating Hostile and Benevolent Sexism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 70. № 3. P. 491–512.
22. *Glick P., Fiske S.T.* An ambivalent alliance: Hostile and benevolent sexism as complementary justifications for gender inequality // *American Psychologist*. 2001. Vol. 56. № 2. P. 109–118.
23. *Hayes A.F.* Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression Approach. New York: Guilford, 2018. 714 Pp.
24. *Heilman M.E. [et al.]*. Penalties for Success: Reactions to Women Who Succeed at Male Gender-Typed Tasks // *Journal of Applied Psychology*. 2004. Vol. 89. № 3. P. 416.
25. *Heilman M.E., Okimoto T.G.* Why are women penalized for success at male tasks? The implied communality deficit // *Journal of Applied Psychology*. 2007. Vol. 92. № 1. P. 81–92.
26. *Jost J.T.* An Experimental Replication of the Depressed-Entitlement Effect Among Women // *Psychology of Women Quarterly*. 1997. Vol. 21. № 3. P. 387–393.
27. *Jost J.T., Banaji M.R.* The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness // *British Journal of Social Psychology*. 1994. Vol. 33. № 1. P. 1–27.
28. *Jost J.T., Kay A.C.* Exposure to benevolent sexism and complementary gender stereotypes: Consequences for specific and diffuse forms of system justification // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88. № 3. P. 498–509.
29. *Kaiser C.R. [et al.]*. Presumed fair: Ironic effects of organizational diversity structures // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2013. Vol. 104. № 3. P. 504–519.
30. *Kay A.C. [et al.]*. Panglossian Ideology In The Service Of System Justification: How Complementary Stereotypes Help Us To Rationalize Inequality // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2007. Vol. 39. P. 305–358.

31. *Kray L.J. [et al.]*. The effects of implicit gender Role theories on gender system justification: Fixed beliefs Strengthen masculinity to preserve the status quo // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2017. Vol. 112. № 1. P. 98–115.
32. *Laurin K., Gaucher D., Kay A.* Stability and the justification of social inequality // *European Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 43. № 4. P. 246–254.
33. *Lepeley M.T. [et al.]*. The wellbeing of women in entrepreneurship: A global perspective / M.T. Lepeley, K. Kuschel, N. Beutell, N. Pouw, E.L. Eijdenberg. Routledge, 2019. 452 Pp.
34. *Lombardo E., Meier P., Verloo M.* The discursive politics of gender equality: Stretching, bending and policymaking / E. Lombardo, P. Meier, M. Verloo. Routledge, 2009. 240 Pp.
35. *Major B.* From Social Inequality to Personal Entitlement: The Role of Social Comparisons, Legitimacy Appraisals, and Group Membership // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1994. Vol. 26. P. 293–355.
36. *Malul M.* (Mis)perceptions about the Gender Gap in the Labor Market // *Forum for Social Economics*. Routledge, 2021. P. 1–9.
37. *Masser B., Viki G.T., Power C.* Hostile sexism and rape proclivity amongst men // *Sex Roles*. 2006. Vol. 54. № 7–8. P. 565–574.
38. *Mendoza-Denton R., Park S.H., O'Connor A.* Gender stereotypes as situation–behavior profiles // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2008. Vol. 44. № 4. P. 971–982.
39. *O'Brien L.T., Major B.N., Gilbert P.N.* Gender Differences in Entitlement: The Role of System-Justifying Beliefs // *Basic and Applied Social Psychology*. 2012. Vol. 34. № 2. P. 136–145.
40. *Okimoto T.G., Brescoll V.L.* The price of power: Power seeking and backlash against female politicians // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. Vol. 36. № 7. P. 923–936.
41. *Palumbo R. [et al.]*. Age and gender differences in facial attractiveness, but not emotion resemblance, contribute to age and gender stereotypes // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. P. 1704.
42. *Plant E.A. [et al.]*. The gender stereotyping of emotions // *Psychology of Women Quarterly*. 2000. Vol. 24. № 1. P. 81–92.
43. *Psaki S.R., McCarthy K.J., Mensch B.S.* Measuring Gender Equality in Education: Lessons from Trends in 43 Countries // *Population and Development Review*. 2018. Vol. 44. № 1. P. 117–142.
44. *Radke H.R.M. [et al.]*. Beyond Allyship: Motivations for Advantaged Group Members to Engage in Action for Disadvantaged Groups // *Personality and Social Psychology Review*. 2020. Vol. 24. № 4. P. 291–315.
45. *Ratliff K.A. [et al.]*. Engendering support: Hostile sexism predicts voting for Donald Trump over Hillary Clinton in the 2016 U.S. presidential election // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2017. Vol. 22. № 4. P. 578–593.
46. *Rudman L.A. [et al.]*. Status incongruity and backlash effects: Defending the gender hierarchy motivates prejudice against female leaders // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. Vol. 48. № 1. P. 165–179.
47. *Saguy T., Reifen-Tagar M., Joel D.* The gender-binary cycle: the perpetual relations between a biological-essentialist view of gender, gender ideology, and gender-labelling and sorting // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2021. Vol. 376. № 1822. P. 20200141.
48. *Sanbonmatsu K.* Gender Stereotypes and Vote Choice // *American Journal of Political Science*. 2002. Vol. 46. № 1. P. 20.
49. *Schmitt M.T. [et al.]*. The consequences of perceived discrimination for psychological well-being: a meta-analytic review // *Psychological Bulletin*. 2014. Vol. 140. № 4. P. 921–948.
50. *Skewes L., Fine C., Haslam N.* Beyond Mars and Venus: The role of gender essentialism in support for gender inequality and backlash // *PLOS ONE*. 2018. Vol. 13. № 7. P. e0200921.
51. United Nations Development Programme The next frontier Human development and the Anthropocene Human Development Report 2020. New York, 2020. 412 Pp.

52. United Nations Development Programme TACKLING SOCIAL NORMS A game changer for gender inequalities 2020 HUMAN DEVELOPMENT PERSPECTIVES. 2020. P. 1–36.
53. Wang C., Naveed A. Can Women Empowerment Explain Cross-Country Differences in Inequality? A Global Perspective // Social Indicators Research. 2021. Vol. 158. № 2. P. 667–697.

Информация об авторах

Ананьева Ольга Алексеевна, аспирант, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: oananyeva@hse.ru

Татаренко Мария Константиновна, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0986-8602>, e-mail: mktatarenko@edu.hse.ru

Information about the authors

Olga A. Ananyeva, Graduate Student, Research Intern, Laboratory for Psychology of Social Inequality, National Research University “Higher School of Economics” (NRU HSE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: oananyeva@hse.ru

Maria K. Tatarenko, Research Intern, Laboratory for Psychology of Social Inequality, National Research University “Higher School of Economics” (NRU HSE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0986-8602>, e-mail: mktatarenko@edu.hse.ru

Получена 17.06.2022

Received 17.06.2022

Принята в печать 18.10.2022

Accepted 18.10.2022

Мужчины VS женщин: гендерная асимметрия при восприятии возраста ровесников — мужчин и женщин

Воронцова Т.А.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ),

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, e-mail: shkurko@sfedu.ru

Цель. Изучение особенностей конструирования воспринимаемого возраста мужчин и женщин-ровесников.

Контекст и актуальность. Актуальность работы определяется фундаментальным характером проблемы конструирования возраста и недостатком исследований гендерно-возрастных факторов воспринимаемого возраста.

Дизайн исследования. Фотографии трех пар мужчин/женщин-ровесников были представлены «оценщикам» для оценки их возраста с помощью сравнения и прямой оценки.

Участники. Подвыборку «Сравнение» составили 155 человек (109 женщин, 46 мужчин в возрасте 17–60 лет), подвыборку «Оценка» составили 60 человек (47 женщин, 13 мужчин в возрасте 17–77 лет).

Метод. Процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» (автор Т.А. Воронцова).

Результаты. Обнаружена гендерная асимметрия в восприятии возраста мужчин и женщин: молодые женщины воспринимаются старше мужчин того же возраста, а зрелые — моложе, причем чем старше женщина, тем более выражена гендерная асимметрия. На конструирование возраста мужчин и женщин-ровесников влияет возраст и пол субъекта восприятия: чем больше разница в возрасте субъекта и объекта восприятия, тем в меньшей степени он фиксирует разницу в возрасте мужчин и женщин-ровесников, относящихся к максимально отдаленной от субъекта восприятия возрастной группе; среди мужчин-субъектов восприятия выше доля тех, кто оценивает женщину (любой возрастной группы) старше мужчины, а среди женщин — доля тех, кто оценивает мужчину старше женщины. Актуализация разных механизмов социального познания (сравнение и оценка) при конструировании субъектом восприятия возраста незнакомых мужчин и женщин дает сходные результаты.

Основные выводы. Обнаружены гендерно-специфичные закономерности конструирования воспринимаемого возраста при восприятии мужчин и женщин-ровесников, обусловленные гендерными стереотипами и связанными с ними практиками ухода за своим внешним обликом: зрелые женщины выглядят моложе ровесников-мужчин, уравнивая свои возможности и ресурсы с помощью более молоджавого внешнего облика; молодые женщины выглядят старше своих ровесников-мужчин, демонстрируя зрелость, ассоциированную с более старшим воспринимаемым возрастом.

Ключевые слова: возраст, воспринимаемый возраст, внешний облик, социальное познание, социальное восприятие, мужчины, женщины, возрастные группы, гендерная асимметрия, эйджизм.

Финансирование. Исследование выполнено в Южном федеральном университете при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-01763, <https://rscf.ru/project/22-28-01763/>.

Для цитаты: Воронцова Т.А. Мужчины VS женщин: гендерная асимметрия при восприятии возраста ровесников – мужчин и женщин // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 47–67. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130404>

Men VS Women: Gender Asymmetry in Age Perceptions of Men and Women of the Same Age

Tatyana A. Vorontsova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, e-mail: shkurko@sfnu.ru

Objective. *To describe the specific ways of age perceptions in men and women of the same age.*

Background. *The relevance of the study is grounded in the fundamental nature of age construction due to social perception and the shortage of research on gender-age dimensions of perceived age.*

Study design. *Photos of three pairs of the same aged men/women were presented to age evaluations by between comparison and direct evaluation.*

Participants. *The “Between comparison” subsample consisted of 155 people (109 women, 46 men aged 17–60 years), the “Direct evaluation” subsample consisted of 60 people (47 women, 13 men aged 17–77 years).*

Measurements. *“Photo-video-presentation of appearance” procedure designed by T.A. Vorontsova.*

Results. *Gender asymmetry was found in age perception of men and women: young women are perceived to be older than men of the same ages, mature women are perceived younger. We found that the older the woman, more salient is gender asymmetry in age perception. The age construction of men and women of the same age due to social perception is influenced by age and gender of perceived individual: the greater age difference between perceiving individual and perceived social object, the less the difference in the perceived age of men and women of the same age if the perceived objects are highly older than perceiving subjects. Among male perceiving subjects, we found higher proportion of those who evaluate all women (of any ages) older than men; and among women there are higher proportion of those who evaluate any male older than females. Actualization of different mechanisms of social cognition (comparison and evaluation) when constructing the perceived age of unfamiliar men and women gives similar results.*

Conclusions. *Gender-specific patterns of the construction of perceived age in the perception of men and women of the same age are found, due to gender stereotypes and related practices of caring for their appearance: mature women look younger than their male peers, equalizing their capabilities and resources with a more youthful appearance; young women look older than their male peers, demonstrating maturity associated with an older perceived age.*

Keywords: *age, perceived age, appearance, social cognition, social perception, men, women, age groups, gender asymmetry, ageism.*

Funding. *The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 22-28-01763, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01763/> at the Southern Federal University.*

For citation: Vorontsova T.A. Men VS Women: Gender Asymmetry in Age Perceptions of Men and Women of the Same Age. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 47–67. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130404> (In Russ.).

Введение

Актуальность изучения специфики восприятия возраста мужчин и женщин-ровесников в современной отечественной социальной психологии определяется несколькими аргументами.

Во-первых, исходя из того, что при восприятии возраста мужчин и женщин-ровесников может быть актуализирован целый комплекс проблем, связанных с гендерной и возрастной дискриминацией. По мнению ученых [12; 15], возрастная дискриминация является самой распространенной на рынке труда и превышает гендерную. Существует возрастная типизация рабочих мест [37]: вакансии, требующие ручного труда или использования технологий, относятся к «молодому типу»; рабочие места, требующие больших инвестиций в обучение или образование, относятся к более «старому» типу вакансий. Учеными [40] выделяются два типа возрастной дискриминации при приеме на работу: «жесткий» и «мягкий». «Жесткая» дискриминация отражает запрещенные законом виды поведения, «мягкая» дискриминация не вписана в правовую систему, происходит преимущественно в межличностной сфере, имеет негативные последствия для карьеры и чаще встречается среди женщин.

В результате трансформации возрастной дискриминации в скрытую («мягкую») форму проблема соискателя «быть молодым» превращается в проблему «казаться моложе» (выглядеть моложе), особенно с учетом старения населения в России и мире и тенденции увеличения пенсионного возраста. Изучение особенностей восприятия возраста мужчин и женщин-ровесников могло бы выявить гендерный паритет/асимметрию, что пролило бы свет на особенности конструирования впечатления о возрасте кандидата при найме на работу и движении персонала по карьерной лестнице.

Во-вторых, проблема изучения гендерных аспектов восприятия возраста имеет фундаментальный характер, так как относится к проблеме социального познания, отправной точкой которого в данном случае является внешний облик (ВО) человека, который дает информацию о его возрасте [23]. ВО определяется как «... феномен, отражающий различные этапы жизненного пути на основе динамичных, переменных взаимосвязей трех компонентов: 1) физического, 2) социального облика, 3) экспрессивного поведения» [16, с. 202]. В современных исследованиях выделяется особый вид возраста — «воспринимаемый возраст» («perceived age»), который представляет собой «результат социального восприятия одного человека другим» [26, с. 79], «возраст, приписанный человеку (объекту восприятия) другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в результате восприятия его ВО» [25, с. 450]. В зарубежных базах данных первая публикация с термином «perceived age» датирована 1974 годом [34], в РИНЦ понятие «воспринимаемый возраст» (ВВ) впервые появляется в публикации 2015 года [26]. В работах Т.А. Воронцовой (Шкурко), В.А. Лабунской, Е.Г. Николаевой [8; 25; 26], посвященных поиску психологических детерминант и особенностей конструирования ВВ, описаны структура восприятия возраста; иерархия компонентов ВО, участвующих в конструировании ВВ; определено дифференцированное влияние отдельных компонентов ВО человека на его ВВ; проанализированы факторы ВВ. Изучение гендерных особенностей восприятия возраста незнакомого другого является одной из перспективных задач при изучении факторов и механизмов конструирования ВВ, которая в настоящее время не решена в полной мере ни в отечественной, ни в зарубежной науке, в том числе и из-за существующего на се-

годняшний день разрыва в исследованиях на молодых и пожилых выборках, а также имеющегося дефицита баз данных, включающих фотографии лиц пожилого возраста. Тем не менее нами обнаружен ряд интересных исследований, релевантных поставленной задаче. Так, в исследовании М.С. Воелкле и коллег [42] изучены детерминанты точности в оценке возраста, в том числе гендерные детерминанты. Ученые обнаружили ряд закономерностей: способность к оценке возраста другого человека снижалась с возрастом; и пожилые, и молодые респонденты более точно оценивали возраст представителей тех возрастных групп, к которым сами принадлежали; возраст пожилых лиц было труднее оценить, чем возраст более молодых лиц; на точность оценки возраста влияло выражение лица объекта восприятия. Учеными не было зафиксировано влияние пола на обнаруженные закономерности.

Исследование А. Гевирц-Мейдан и Л. Аялон [32], посвященное визуальным презентациям пола и возраста на сайтах знакомств для пожилых людей, показало, что ВВ большинства мужчин и женщин на фотографиях сайтов моложе 60 лет; пожилые женщины, по сравнению с мужчинами, в большей степени представлены как более молодые. Авторы, анализируя антивозрастные послания изображенных на фотографиях людей, делают вывод о социальной регуляции сексуальности в пожилом возрасте: любовь, близость и сексуальная активность предназначены для тех пожилых людей, которые «вечно молоды».

В серии исследований, проведенных Ф. Фламент и коллегами, посвященных изучению гендерных различий в старении лица китайских испытуемых и их связи с ВВ [29], французских испытуемых европейской расы и их связи с ВВ и усталостью [31], лицевых характеристик лица корейских мужчин и их связи с восприяти-

ем возраста и идентификации взгляда как усталого [30], сделан ряд выводов. В первом исследовании выделены пять основных возрастных признаков старения лица китайских испытуемых (морщины на лбу, «гусиные лапки», носогубная складка, линии марионетки (морщины, образованные губоподбородочными кожными складками), птоз нижней части лица); показано, что старение кожи лица у китайских испытуемых представляет собой линейную прогрессию с возрастом, характерную для обоих полов, за исключением линий марионеток, которые более выражены и быстрее прогрессируют у женщин; «оценщики» в большей степени фокусируются на состоянии верхней части лица при восприятии возраста у китайских женщин и на нижнюю часть лица — у мужчин.

Аналогичное исследование, проведенное на выборке французских граждан европейской расы, выявило сходные тенденции, а также показало, что восприятие усталости связано с ВВ у мужчин, но не у женщин старше 40 лет. Отдельное исследование, посвященное изучению вклада лицевых признаков и усталого взгляда в ВВ корейских мужчин разного возраста, показало, что 85% испытуемых были оценены старше на 1—15 лет; наиболее значительный вклад в ВВ делают «морщины/текстура» и «птоз/провисание» (81%), «пигментация» (19%); идентификация взгляда как усталого увеличивает ВВ.

В исследовании А. Нкенгне и коллег [35] выстроены регрессионные модели, показывающие вклад характеристик кожи лица европейских женщин в прогнозирование их ВВ (наибольший вклад у глаз, губ и однородного цвета кожи), также выявлено влияние гендера и возраста на восприятие возраста: женщины более точны, чем мужчины, молодые «оценщики» (моложе 35 лет) более точны, чем зрелые (старше 50).

В отечественной науке специальных работ, посвященных изучению гендерного фактора ВВ незнакомого человека, нами не обнаружено. При этом в исследовании А.А. Демидова, Д.А. Дивеева, А.В. Кутенева [10], посвященном изучению оценки возраста и индивидуально-психологических характеристик человека по выражению лица, был применен оригинальный дизайн с использованием в качестве стимульного материала фотографий мужчины и женщины-ровесников, сфотографированных в различных возрастных периодах. Авторы получили интересные данные о зависимости актуализируемых механизмов межличностного восприятия от возраста «натурщика». И хотя авторы специально не проводят гендерный анализ полученных данных, в работе приводятся средние оценки возраста, приписанные натурщикам «оценщиками» (что, собственно, и является их ВВ). Разница между ВВ мужчины и женщины (ВВм-ВВж) в различные возрастные интервалы составила: в возрасте 20 лет (мужчина)/19 лет (женщина) — 0,15 года; в возрасте 32/31 год — 0,8 года; в возрасте 43/42 года — 1,2 года; в возрасте 53/53 года разницы не было обнаружено; в возрасте 56/64 лет разница составляла уже 2,6 лет. По этим данным можно предположить, что существует некоторая гендерная асимметрия в восприятии возраста мужчин и женщин-ровесников (зрелые мужчины выглядят старше женщин).

Также в работе В.А. Барабанщикова и Е.В. Суворовой [4], посвященной гендерным различиям в распознавании эмоционального состояния стороннего человека, показано, что «гендерный фактор восприятия мультимодальных динамических эмоциональных состояний представляет собой гибкую систему детерминант, которая наряду с полом

и возрастом включает другие характеристики субъекта и объекта межличностного восприятия, а также контекст и формы реализуемой активности» [4, с. 114]. В работе В.Ф. Петренко и коллег [20], посвященной психосемантическому исследованию визуального восприятия женщин мужчинами, также показано, что оценка визуального объекта воспринимающим субъектом зависит как от особенностей объекта, так и от особенностей субъекта восприятия. Также отечественными учеными [18] изучались гендерные особенности восприятия возрастных изменений женщинами 40–60 лет.

Интерес представляет группа исследований, посвященных изучению образа мужчины и женщины в русских и английских пословицах и поговорках, касающихся возраста и ВО. Н.Э. Ахмедова [2] фиксирует возраст мужчины и женщины как один из критериев противопоставления их качеств в английской фразеологии. Так, в случае женщины большинство фразеологизмов имеет негативную эмоциональную окраску («старая ведьма», «старая кляча»), в случае с описанием возраста мужчины фразеологизмы не несут пренебрежительной эмоциональной окраски; также для английской фразеологии характерно акцентирование внешности женщины: «возраст мужчины определяется тем, как он себя чувствует, а женщины — как она выглядит». В работе К.А. Листраткиной [17], Э.А. Сайдашевой и Л.А. Нургалиевой [21] фиксируется, что такое противопоставление не характерно для носителей русского языка. Е. Диас и Е. Арсентьева [11] отмечают, что в обоих языках имеются фразеологизмы, пренебрежительно или презрительно характеризующие стариков, как мужчин, так и женщин.

Также в работах, выполненных в рамках гендерной методологии [9; 13; 14], внимание исследователей обращено на причины гендерных различий в восприятии и интерпретации возраста, возрастных изменений ВО, отношении к старению и практиках «контроля стареющего тела» [9]. И.А. Григорьева [9], анализируя особенности «предписанных» сценариев старения женщин в современной России, говорит о том, что «пожилые женщины подвергаются двойной стигматизации — как женщины и как пожилые» [9, с. 5]. И.С. Клецина, Е.В. Иоффе [14] выделяют заботу о своей внешности в качестве нормативного предписания относительно женского ролевого поведения. И.С. Клецина в работе, посвященной гендерной социализации в пожилом возрасте, обращает внимание на «двойной стандарт старения» [13, с. 27], характерный для традиционалистских гендерных норм: статус стареющей женщины в традиционном обществе значительно ниже, чем стареющего мужчины. Современный французский философ П. Брюкнер [6] также анализирует гендерный стереотип «женщина стареет, мужчина мужает» («женщина дурнеет с возрастом, мужчина становится прекраснее»), подчеркивая его влияние на сферу интимных отношений, позволяющий и даже предписывающий пожилому мужчине иметь сексуальные отношения с партнером значительно моложе его, и отказывающийся зрелой женщине в аналогичном поведении, равно как и в любовных отношениях вообще, предписывая ей сосредоточиться на домашнем хозяйстве и заботе о внуках. Женщина, реализующая иной сценарий, «бросает вызов гендерным ожиданиям» [28].

Таким образом, проведенный выше анализ позволяет констатировать: 1) в современных исследованиях при изучении

гендерного фактора конструирования возраста человека ученые анализируют переменные (как правило, пол и возраст), относящиеся как к объекту восприятия, так и к субъекту восприятия, что соответствует методологии отечественной психологии социального познания [1; 5] и коммуникативного подхода к исследованию когнитивных процессов в общении [3; 4]; 2) гендерные различия в конструировании возраста объекта восприятия в глазах субъекта восприятия детерминированы гендерными нормами, предписаниями, стереотипами и установками, что требует опоры на гендерную методологию как при обосновании гипотезы, так и при интерпретации полученных результатов; 3) в исследованиях гендерных аспектов социального восприятия активно используются фотовизуальные технологии; 4) изучены гендерные различия в старении лица, вклад компонентов лица в ВВ на китайских, корейских и французских выборках; 5) отсутствуют исследования, в которых бы анализировались гендерные факторы в сочетании с возрастными в процессе конструирования ВВ на российских выборках; 6) отсутствуют работы, в которых исследователи обращаются к анализу всех компонентов ВО и их вклада в ВВ.

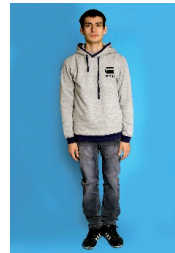
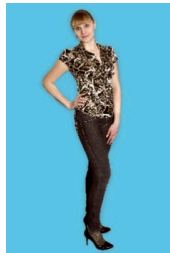
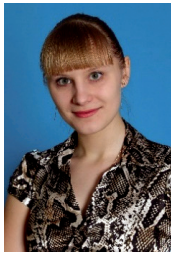
Целью нашего исследования стало изучение особенностей конструирования ВВ мужчин и женщин-ровесников. Гипотезой исследования выступило предположение, что при восприятии возраста мужчин и женщин-ровесников может быть обнаружена гендерная асимметрия, опосредованная возрастом и полом субъекта и объекта восприятия.

Исследование выполнено в рамках социально-психологического подхода к ВО [16; 23] и в опоре на гендерную методологию и идеи гендерного подхода [7; 9; 13; 14; 22].

Метод

Основным методом исследования выступила процедура «Фотовидеопрезентации ВО» Т.А. Воронцовой [24]. Из комплекта фотографий № 1 были отобраны портретные и ростовые фотографии трех женщин и трех мужчин, возраст которых в парах женщина/мужчина примерно одинаков, при этом пары относятся к различным возрастным группам (рисунок). Первая пара (м/ж, 23 года) относится к возрастному периоду «молодость» (в соответствии с возрастной

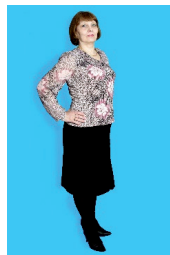
периодизацией Д.Б. Эльконина [27]), вторая пара (м/ж, 38/40 лет) относится к периоду «зрелость», к началу этого возрастного периода («зрелость — до 50 лет»); третья пара (м/ж, 59 лет) относится к «зрелому» возрасту, к окончанию этого периода («зрелость — после 50 лет»). От всех объектов восприятия, чьи фотографии использовались в эксперименте, было получено согласие на использование их фотоизображений в психологических исследованиях с последующей публикацией.

Первая пара женщина/мужчина (23 года)

Вторая пара женщина/мужчина (40/38 лет)

Третья пара женщина/мужчина (59 лет)

Рис. Фотографии женщин и мужчин-ровесников из процедуры «Фотовидеопрезентации ВО»

Выделение при выборе фотографий для оценки возраста вышеназванных подпериодов (до 50 и после 50 лет) обосновано тем, что именно во второй части этого периода нарастают возрастные изменения ВО, которые сопряжены с изменением человека в возрасте 50–60 лет. Некоторые ученые [6] говорят об этом возрасте как особом этапе жизни, как о новой возрастной категории, находящейся между зрелыми и пожилыми людьми.

В качестве основного способа определения ВВ нами было использовано сравнение. Этот способ заключался в сравнении респондентами фотоизображений мужчин и женщин-ровесников (портретная и ростовая фотографии мужчины и женщины экспонировались одновременно, в одном акте восприятия), результатом чего выступало заключение «оценщика», есть ли различие в их возрасте. Относительно каждой пары респонденты отвечали на два вопроса: 1) «Кто из предложенной Вам пары людей старше?», выбирая один вариант из трех: «женщина старше мужчины»; «мужчина старше женщины»; «возраст женщины и мужчины одинаков»; 2) «Что во ВО этих людей позволяет Вам сделать этот вывод?». Полученные в результате ответа на второй вопрос высказывания были проанализированы с помощью процедуры контент-анализа свободных описаний критериев оценки возраста воспринимаемых других Т.А. Воронцовой [26].

Дополнительно нами был использован также второй, более традиционный способ выявления ВВ другого человека, основанный на мировой практике его определения [24]. Второй способ (оценка) заключался в экспонировании фотографий «моделей» в случайном порядке, причем одновременно «оценщик» видел только одну фотографию «модели» (пор-

третные и ростовые фотографии предъявлялись отдельно). Относительно каждой фотографии респондентам был задан один вопрос: «Сколько лет человеку на фотографии?». В целом, выбор способов определения ВВ базируется на понимании оценки объекта восприятия и его сравнения с другими социальными объектами как основных механизмов социального восприятия и познания [1]. Для того, чтобы избежать влияния способа предъявления фотографий на приписывание возраста «моделям», а также выяснить, влияет ли способ актуализации процессов конструирования возраста незнакомого человека у субъекта восприятия на результирующую его восприятия (в качестве которой выступает в первом случае решение о том, кто старше в паре или возраст одинаков, а во втором случае — конкретная оценка возраста), первый и второй способ оценки возраста «моделей» был реализован на разных выборках.

Выборка исследования. В исследовании в качестве субъектов восприятия выступили 215 человек. Первую подвыборку («сравнение») составили 155 человек: 109 женщин и 46 мужчин в возрасте от 17 до 60 лет, $M=29,18$. Распределение респондентов по возрасту было следующим: 1) «второй период юности» (17–20 лет) — 44 человека; 2) «молодость» (21–34 года) — 65 человек; 3) «зрелость» (35–60 лет) — 46 человек. Вторую подвыборку («оценка») составили 60 человек (47 женщин, 13 мужчин в возрасте от 14 до 77 лет, $M=38$).

Результаты

Гендерно-возрастной анализ результатов оценки возраста мужчин и женщин-ровесников представлен в табл. 1 и 2. Нами был подсчитан процент выбора каждого из трех вариантов ответа в целом по выборке, а также отдельно

по женщинам и мужчинам (табл. 1) и по возрастным группам (табл. 2).

Анализ результатов показывает, что примерно треть всех «оценщиков» фиксируют, что возраст оцениваемых женщин и мужчин одинаков. Большинство же опрошенных фиксирует разницу в возрасте, причем эта разница меняется в зависимости от возрастного этапа, на котором находятся воспринимаемые мужчины и женщины.

Так, молодая женщина (23 лет) была оценена как «старше мужчины» того же возраста (41%, в 1,8 раза больше, чем противоположная оценка); зрелая женщина (40 лет) уже с перевесом в 2,3 раза (21% и 48% соответственно) оценивается как более молодая, чем мужчина аналогичного возраста; и «зрелая» женщина после 50 лет (59 лет) оценивается как более молодая уже 62% респондентов, что в 8 раз больше, чем количество респондентов, придерживающихся противоположной точки зрения.

То есть мы обнаруживаем гендерную асимметрию в восприятии возраста

мужчин и женщин: молодые женщины воспринимаются старше мужчин того же возраста, а зрелые (как до, так и после 50 лет) — моложе, причем чем старше женщина, тем более выражена эта гендерная асимметрия.

При сравнении подвыборок мужчин и женщин выявленная закономерность сохраняется с той лишь разницей, что среди мужчин несколько выше доля тех, кто оценивает женщину старше мужчины, а среди женщин — доля тех, кто оценивает мужчину старше женщины.

Сравнение результатов восприятия возраста женщин и мужчин-ровесников, полученных в подгруппах «юные», «молодые», «зрелые», показывает тот же переко в восприятии возраста мужчин и женщин-ровесников, что и на общей выборке, а именно:

1) при восприятии молодых мужчины и женщины-ровесников (первая пара, 23 года) большинство респондентов считают, что женщина старше мужчины (эта тенденция максимальна для «юных» и «молодых» респондентов — 47,7% и

Таблица 1
Особенности восприятия возраста ровесников — мужчин и женщин

Вариант ответа	1 пара М/Ж (23 года)	2 пара М/Ж (38/40 лет)	3 пара М/Ж (59 лет)
Выборка в целом			
1. женщина старше мужчины	43,2%	21,3%	7,1%
2. мужчина старше женщины	20,7%	50,3%	57,4%
3. возраст женщины и мужчины одинаков	36,1%	28,4%	35,5%
Женщины			
1. женщина старше мужчины	41,3%	21,1%	5,5%
2. мужчина старше женщины	22%	51,4%	58,7%
3. возраст женщины и мужчины одинаков	36,7%	27,5%	35,8%
Мужчины			
1. женщина старше мужчины	47,8%	21,8%	10,9%
2. мужчина старше женщины	17,4%	47,8%	54,3%
3. возраст женщины и мужчины одинаков	34,8%	30,4%	34,8%

Особенности восприятия взрослыми, принадлежащими к различным возрастным группам, возраста ровесников — мужчин и женщин

Вариант ответа	Первая пара мужчина/ женщина (23 года)	Вторая пара мужчина/ женщина (38/40 лет)	Третья пара мужчина/ женщина (59 лет)
Юные (17–20 лет)			
1. женщина старше мужчины	47,7%	18,2%	4,6%
2. мужчина старше женщины	18,2%	56,8%	47,7%
3. возраст женщины и мужчины одинаков	34,1%	25%	47,7%
Молодые (21–34 года)			
1. женщина старше мужчины	50,8%	18,5%	10,8%
2. мужчина старше женщины	24,6%	53,8%	60%
3. возраст женщины и мужчины одинаков	24,6%	27,7%	29,2%
Зрелые (35–60 лет)			
1. женщина старше мужчины	28,3%	28,3%	4,3%
2. мужчина старше женщины	17,4%	39,1%	63%
3. возраст женщины и мужчины одинаков	54,3%	32,6%	32,6%

50,8% и несколько снижается у «зрелых» респондентов);

2) при восприятии зрелых мужчин и женщин (вторая пара, 38/40 лет, третья пара, 59 лет) большинство респондентов считают, что женщина моложе мужчины. При этом относительно второй пары ровесников (40/38 лет) эта тенденция несколько снижается с возрастом респондентов (56,8% «юных» респондентов, 53,8% «молодых» респондентов и 39,1% «зрелых» респондентов считают, что мужчина старше женщины); относительно третьей пары ровесников (59 лет) эта тенденция растет (47,7% «юных» респондентов, 60% «молодых» респондентов и 63% «зрелых» респондентов считают, что мужчина старше женщины);

3) 47,7% респондентов подгруппы «юные» (по сравнению с 35,5% респондентов выборки в целом) правильно фиксируют одинаковый возраст более зрелой

пары (третья пара, 59 лет), а 54,3% подгруппы «зрелые» (по сравнению с 36,1% респондентов общей выборки) правильно фиксируют одинаковый возраст более молодой пары (первая пара, 23 года).

Иными словами, чем больше разница в возрасте субъекта и объекта восприятия, тем в меньшей степени он фиксирует разницу в возрасте мужчин и женщин-ровесников, относящихся к максимально отдаленной от субъекта восприятия возрастной группе.

Для подтверждения данных о гендерной асимметрии в восприятии возраста мужчин и женщин-ровесников, полученных с помощью метода «сравнения», обратимся к их возрасту, полученному с помощью традиционного способа прямого оценивания. К данным, полученным относительно возраста каждой пары мужчина/женщина в выборке из 60 «оценщиков» (60 оценок возраста по

каждой фотографии, 12 фотографий, всего 720 оценок возраста), был применен критерий Уилкоксона, который применяется к однородным данным в целях выявления так называемого «эффекта обработки» (табл. 3). Также по каждой из «моделей» (по ростовой и портретной фотографии отдельно) посчитаны средние значения оценок ее возраста или собственно ВВ «модели» (табл. 4).

Результаты сравнения оценок возраста мужчин и женщин-ровесников, полученных на другой выборке «оценщиков» и с применением другого способа конструирования ВВ незнакомого человека (прямая оценка), сходны с описанными выше. Возраст женщины из первой пары оценен как более зрелый по сравнению с мужчиной; возраст женщин из второй и третьей пар оценен как меньший по

Таблица 3
Сравнительный анализ воспринимаемого возраста ровесников – мужчин и женщин по критерию Уилкоксона

Ранги	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика критерия/уровень значимости	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика критерия/уровень значимости
1 пара (мужчина/женщина, 23 года)								
Сравнение ростовых фото				Сравнение портретных фото				
Отрицательные ранги (ВВ жен. < ВВ муж.)	12	20,83	250	-4,248 / 0,000	17	24,82	422	-2,926 / 0,003
Положительные ранги (ВВ жен. > ВВ муж.)	42	29,40	1235		38	29,42	1118	
Связи (ВВ жен. = ВВ муж.)	6				5			
2 пара (мужчина/женщина, 38/40 лет)								
Сравнение ростовых фото				Сравнение портретных фото				
Отрицательные ранги (ВВ жен. < ВВ муж.)	38	29,22	1110,50	-2,555 / 0,011	43	28,98	1246	-3,995 / 0,000
Положительные ранги (ВВ жен. > ВВ муж.)	18	26,97	485,50		12	24,50	294	
Связи (ВВ жен. = ВВ муж.)	4				5			
3 пара (мужчина/женщина, 59 лет)								
Сравнение ростовых фото				Сравнение портретных фото				
Отрицательные ранги (ВВ жен. < ВВ муж.)	45	27,93	1257	-5,197 / 0,000	39	24,03	937	-4,352 / 0,000
Положительные ранги (ВВ жен. > ВВ муж.)	7	17,29	121		7	20,57	144	
Связи (ВВ жен. = ВВ муж.)	8				14			

Примечание. N – количество рангов; ВВ жен. – воспринимаемый возраст женщины; ВВ муж. – воспринимаемый возраст мужчины.

Таблица 4

Воспринимаемый возраст ровесников – мужчин и женщин, полученный с помощью усредненной оценки их возраста, приписанного субъектами восприятия

ВВ	1 пара (рост)	1 пара (портрет)	2 пара (рост)	2 пара (портрет)	3 пара (рост)	3 пара (портрет)
мужчины	24,9	24,7	42,2	42,6	61,3	63,5
женщины	28,3	26,6	39,4	38,8	55,8	59,6
ВВ муж. – ВВ жен.	-3,4	-1,9	2,8	3,8	5,5	3,9
ВВ муж. – ВВ жен. (без учета типа фотографирования)	-2,65		3,3		4,7	

Примечание. ВВ муж. – ВВ жен. – разница между воспринимаемым возрастом мужчины и женщины в каждой паре.

сравнению с женщиной; данные различия зафиксированы как при оценивании возраста по ростовой фотографии, так и при экспонировании портретного фото; наибольшие различия в ВВ наблюдаются относительно третьей пары мужчина/женщина из возрастной группы «зрелость после 50».

Анализ средних оценок возраста показывает, что возраст и мужчины, и женщины из первой пары («молодость») переоценивается, но возраст женщины переоценивается в большей степени; возраст женщины из второй пары оценивается более приближенно к ее хронологическому возрасту, а возраст мужчины завышается в среднем на 4 года; возраст женщины из третьей пары занижается на ростовом фото и приближен к ее хронологическому возрасту на портретном, а возраст мужчины значительно завышается (от 2 лет на ростовом фото до 4 лет на портретном). В целом разница между возрастом мужчины и женщины (без учета типа фотографирования) изменяется от -2,65 (первая пара) до 3,3 (вторая пара) и 4,7 (третья пара).

Отдельной задачей нашего исследования было выявление того, на какие компоненты ВО «моделей» опирается

воспринимающий человек при оценке возраста ровесников. Нами было получено 507 содержательных высказываний при ответе на вопрос «Что во ВО этих людей позволяет Вам сделать этот вывод?» (171 – относительно первой пары, 169 – второй и 167 – третьей), которые были проанализированы с помощью процедуры контент-анализа свободных описаний критериев оценки возраста воспринимаемых других, предложенной в одной из наших работ [26]. Далее были подсчитаны доли единиц контент-анализа, в качестве которых выступают элементы ВО человека, в общем массиве высказываний относительно каждой пары (в %, округленных до целых чисел) и проранжированы. В табл. 5 представлены ранжированные критерии оценки возраста мужчин и женщин-ровесников.

При восприятии молодой пары участники исследования фиксируют старомодную одежду женщины (по сравнению с женщиной в молодежной одежде, который из-за этого выглядит как подросток), ее «взрослый» взгляд, отмечают, что ее «старит» прическа. При восприятии второй пары участники исследования отмечают, что у мужчины значительно боль-

Таблица 5

Сравнительный анализ критериев оценки возраста ровесников — мужчин и женщин

Ранги	1 пара мужчина/женщина (23 года)	2 пара мужчина/женщина (38/40 лет)	3 пара мужчина/женщина (59 лет)
1	«одежда» (20%)	«морщины» (17%)	«морщины» (25%)
2	«взгляд» (18%)	«лицо в целом» (11%), «телосложение» (фигура, полнота) (11%)	«лицо в целом» (11%), «одежда» (11%), «так вы- глядят» (11%)
3	«лицо в целом» (15%)	«одежда» (9%), «приче- ска» (9%)	«кожа лица» (8%)
4	«прическа» (9%)	«так выглядят» (8%)	«взгляд» (7%), «ВО в целом» (возрастные из- менения) (7%)
5	«так выглядят» (общее впечатление о ВО) (8%)	«кожа лица» (7%)	«прическа» (5%), «телос- ложение» (5%)
6	«кожа лица» (6%), «ВО в целом» (6%)	«взгляд» (6%)	«выражение лица» (3%)
7	«поза» (4%), «телосложе- ние» (4%)	«ВО в целом» (5%)	«поза» (2%), «лысина» (2%)
8—11	«выражение лица» (3%), «гендерно-возрастные и профессионально-ролевые стереотипы» (3%), «мор- щины» (2%), «шея» (1%), «макияж» (0,5%), «руки» (0,5%), «овал лица» (0,5%)	«выражение лица» (4%), «шея» (4%), «овал лица» (2%), «гендерно-возраст- ные и профессиональ- но-ролевые стереотипы» (2%), «поза» (2%), «лы- сина» (2%), «очки» (2%), «макияж» (1%)	«гендерно-возрастные и профессионально-ролевые стереотипы» (1%), «овал лица» (1%), «макияж» (0,5%)

ше морщин, его «лицо выдает возраст», значительное количество высказываний посвящено анализу особенностей телосложения моделей, причем одна и та же характеристика (полнота) выступает аргументом и «за» и «против» вывода о возрасте («полная — значит старше»; «полная — может выглядеть старше, значит, все-таки моложе»). При восприятии третьей пары наличие морщин аргументирует каждую из трех точек зрения на соотношение возраста, также большая доля высказываний содержит ссылку на состояние лица в целом, без выделения отдельных его характеристик, на одежду («сдержанный стиль в одежде», «одежда соответствует людям одного возраста» и т.п.), на состо-

яние кожи лица («сухая, дряблая кожа»), на взгляд («опять выдают глаза прожитую жизнь, хоть женщина выглядит супер»). В целом при восприятии возраста молодых мужчин и женщин-ровесников «оценщики» опираются, в первую очередь, на социальный ВО («одежда», «прическа») и динамический компонент ВО («взгляд»), а при восприятии возраста зрелых мужчин и женщин — на физический ВО («морщины», «телосложение и т.д.). Интересно, что значительная часть высказываний (около 15%) участников исследования не дифференцирована с точки зрения конкретных критериев возраста, есть только указание, что «ВО в целом» или то, что они «так выглядят», позволило сделать вывод о воз-

расте. Также в среднем около 20% участников исследования не смогли назвать ни одного критерия, на который они опирались при решении поставленной задачи.

Обсуждение результатов

В исследовании обнаружена гендерная асимметрия при сравнении ВВ мужчин и женщин-ровесников: молодая женщина воспринимается другими людьми старше мужчины аналогичного возраста, а зрелая женщина — моложе мужчины аналогичного возраста, при этом чем старше воспринимаемые мужчина и женщина-ровесники, тем эта тенденция значительнее. Полученные данные могут быть интерпретированы следующим образом. Во-первых, продолжительность жизни мужчин и женщин различается в среднем на 10 лет: по последним данным ООН [36], ожидаемая продолжительность жизни российских женщин в 2019 году составляла 77,54 года, мужчин — 66,81 года. В ряде работ [25; 41] показано, что ВВ в большей степени ассоциирован с биологическим возрастом, чем с хронологическим. Таким образом, мужчины и женщины одного хронологического возраста могут иметь разный биологический возраст и, как следствие, разный ВВ. Проведенный анализ демонстрирует, что в процессе социального познания и восприятия воспринимающий человек неосознанно фиксирует будущий «жизненный потенциал» мужчин и женщин, приписывая женщине более молодой возраст, чем ее ровеснику-мужчине. Однако эта линия рассуждений не объясняет перекося в ВВ молодых мужчины и женщины.

Во-вторых, полученные данные могут быть объяснены влиянием социального ВО на ВВ. На сегодняшний момент выявлено [8], что целостное оформление ВО женщин влияет на их ВВ, основная тенденция данного влияния — омоложение. Учеными показано, что целостное

оформление ВО влияет на социальное восприятие через восходящие маршруты, изменяя визуальные сигналы (контраст лица, однородность кожи, модная одежда, современная прическа и т.д.), а также через нисходящие маршруты, актуализируя социальные представления и нормы, связанные с использованием тех или иных элементов оформления ВО (например, применение макияжа у молодых женщин ассоциировано с отнесением их к более взрослой возрастной группе). У современных женщин имеется значительно больше социально приемлемых (и социально предписанных) инструментов трансформации их ВО, чем у мужчин. Так как все «модели»-женщины использовали макияж лица, хоть и в достаточно сдержанном варианте, это повлияло на особенности конструирования их возраста, в том числе и первой (молодой) пары мужчина/женщина.

Вторая линия интерпретации приводит нас к пониманию социальных и культурных причин обнаруженных гендерных различий. Так, несмотря на то, что нормативная обеспокоенность своим ВО на современном этапе развития общества фиксируется учеными как у мужчин, так и у женщин [23], к женщинам в современном обществе предъявляется гораздо больше требований, связанных с поддержанием более привлекательного и молодого ВО. Исследования, проведенные в России, Китае, европейских странах [23; 33], показывают, что молодой возраст и привлекательный ВО считаются активами для женщин, в то время как для мужчин капиталом считаются образование и более высокий доход. Женщины подвергаются влиянию сразу трех дискриминационных практик: лукизма, сексизма и эйджизма, приводящих к более высокому уровню переживаемого ими «стресса старения» [19]. Ученые обнаруживают пересечение

лукизма, сексизма и эйджизма по отношению к пожилым женщинам в различных сферах: от интимной жизни [28; 32] до электорального поведения [39]. Теневой стороной широко распространенной в настоящее время концепции «активного старения» является социальное конструирование «моложавости» как эталона в любом возрасте, что приводит к стремлению женщин скрывать свой возраст [9]. Это лишает современных пожилых женщин собственной возрастной идентификации, заставляет их возвращаться на предыдущий этап своего развития и конкурировать с молодыми за ресурсы и, в том числе, за молодой и привлекательный ВО. И.А. Григорьева пишет в этой связи: «в гендерном порядке в настоящее время сохраняются традиционные гендерные стереотипы, обосновывающие структурное социальное неравенство по принципу пола и возраста: женщина — товар, мужчина — покупатель, молодые женщины имеют право на выбор, а пожилые должны следовать традициям общества» [9, с. 11]. Проведенное исследование обнаруживает последствия вышеназванных гендерных стереотипов и связанных с ними практик ухода за своим ВО на уровне социального восприятия и познания: да, зрелые женщины выглядят моложе ровесников-мужчин, уравнивая свои возможности и ресурсы с помощью более молоджавого ВО; да, молодые женщины выглядят старше своих ровесников-мужчин, демонстрируя в противовес мужчинам зрелость и связанные с этим возрастным этапом компетентность, мудрость, профессионализм.

Полученные данные позволяют прогнозировать электоральное поведение [39] (исследования показывают, что намерение голосовать за кандидата-женщину последовательно снижается вслед за ее ВВ; за мужчину, напротив, повышается вплоть до 45 лет, затем не-

много снижается); специфику гендерной конкуренции на рынке труда «предпенсионеров» (мы предполагаем, что зрелая женщина может иметь некоторое преимущество при равных профессиональных компетенциях в сферах, где молоджавый ВО имеет значение); брачное поведение мужчин и женщин [28] (предполагаем, что асимметрия «зрелая женщина — молодой мужчина» будет все более распространена).

Заключение

Проведенное исследование проливает свет на гендерно-специфичные закономерности конструирования ВВ при восприятии мужчин и женщин-ровесников, обусловленные гендерными стереотипами и связанными с ними практиками ухода за своим ВО: зрелые женщины (как до, так и после 50 лет) выглядят моложе ровесников-мужчин, уравнивая свои возможности и ресурсы с помощью более молоджавого ВО; молодые женщины выглядят старше своих ровесников-мужчин, демонстрируя зрелость, ассоциированную с более старшим ВВ.

Также обнаружено, что на конструирование возраста мужчин и женщин-ровесников влияют возраст и пол субъекта восприятия: чем больше разница в возрасте субъекта и объекта восприятия, тем в меньшей степени он фиксирует разницу в возрасте мужчин и женщин-ровесников, относящихся к максимально отдаленной от субъекта восприятия возрастной группе; среди мужчин-субъектов восприятия выше доля тех, кто оценивает женщину (любой возрастной группы) старше мужчины, а среди женщин — доля тех, кто оценивает мужчину старше женщин. На наш взгляд, последний факт может свидетельствовать о взаимной возрастной стигматизации, возникающей уже в процессе социально-

го восприятия (мужчина стигматизирует женщину, а женщина — мужчину, так как и те и другие соперничают за моложавый ВО и связанные с ним ресурсы).

Процесс конструирования возраста незнакомого другого недостаточно осознается воспринимающим субъектом, что ставит перед исследователями задачу выявления неосознаваемых механизмов и стратегий конструирования возраста.

Ограничениями данного исследования являются достаточно узкий круг «моделей», а также тот факт, что в процессе восприятия возраста участвуют все компоненты ВО «моделей» («модели» не унифицированы с точки зрения одежды, аксессуаров, отсутствия макияжа и т.п.). При этом для нас интерес представляет «реально осуществляемые людьми повседневные практики общения в различных социальных контекстах» [7, с. 44], что соответствует современной гендерной ме-

тодологии [18]; изучение конструирования возраста в процессе «неочищенной» повседневности, ведь, как отмечала классик отечественной социальной психологии Г.М. Андреева, основной проблемой социального познания является выявление того, как обычный человек познает окружающий его повседневный мир [1].

Перспективами исследования является уточнение полученных данных на других мужчинах и женщинах-«моделях»; проведение сравнительного анализа вклада различных компонентов ВО в структуру восприятия возраста мужчин и женщин; отдельное изучение влияния оформления ВО мужчин на их ВВ и сравнение с полученными данными на женских выборках; разработка дизайна исследования по выявлению неосознаваемых воспринимающим субъектом механизмов и перцептивных стратегий конструирования возраста.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2000. 288 с.
2. Ахмедова Н.Э. Образ мужчины и женщины через призму английской фразеологии // Сборник трудов III Научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского» (г. Симферополь, 01–03 ноября 2017 г.). Симферополь: Издательство КФУ им. В.И. Вернадского, 2018. С. 162–166.
3. Барабанищikov В.А. Когнитивные механизмы невербальной коммуникации. М.: Когито-Центр, 2017. 359 с.
4. Барабанищikov В.А., Суворова Е.В. Гендерные различия в распознавании эмоционального состояния стороннего человека // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 6. С. 107–116.
5. Бодалев А.А. Восприятие человека человеком. СПб.: Мирь, 2015. 240 с.
6. Брюкнер П. Недолговечная вечность: философия долголетия. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. 312 с.
7. Воронцов Д.В. Создание пола, гендера и сексуальности в общении // Прикладная психология общения и межличностного познания: коллективная монография. М.: Кредо, 2015. С. 31–46.
8. Воронцова Т.А. Влияние целостного оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст женщин // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 141–160. DOI:10.17759/sps.2020110209
9. Григорьева И.А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1(86). С. 5–18.

10. Демидов А.А., Дивеев Д.А., Кутенев А.В. Оценка возраста и индивидуально-психологических характеристик человека по выражению лица // Экспериментальная психология. 2012. Том 5. № 1. С. 69–81.
11. Диас Е., Арсентьева Е. Фразеологические единицы, обозначающие старый возраст человека, в английском и русском языках // Филология и культура. 2018. № 1(51). С. 57–63.
12. Клепикова Е.А., Колосницына М.Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. 2017. Том 15. № 1. С. 69–88.
13. Клецина И.С. Гендерная социализация в пожилом возрасте // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 3. С. 22–34. DOI:10.17759/sps.2020110302
14. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 72–90.
15. Козина И.М., Зангиева И.К. Возрастная дискриминация при приеме на работу // Дискриминация на рынке труда: современные проявления, факторы и практики преодоления. М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 50–63.
16. Лабунская В.А., Дроздова И.И. Теоретико-эмпирический анализ влияния социально-психологических факторов на оценки, самооценки молодыми людьми внешнего облика // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 202–226. DOI:10.21702/grj.2017.2.12
17. Листраткина К.А. Репрезентация концепта «Старость» в паремиологическом фонде русского и английского языков // Известия ВГПУ. 2012. Том 72. № 8. С. 50–53.
18. Овсяник О.А. Гендерные особенности восприятия возрастных изменений женщинами 40–60 лет // Психологические исследования. 2012. № 2(22). С. 8. DOI:10.54359/ps.v5i22.788
19. Осминович А.А. Активность в омоложении внешнего облика как совладание со стрессом старения у женщин средней зрелости // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. № 3. С. 140–146. DOI:10.34216/2073-1426-2021-2
20. Петренко В.Ф., Супрун А.П., Янова Н.Г. Психосемантическое исследование визуального восприятия женщин мужчинами (российская ментальность) // Национальный психологический журнал. 2017. № 4(28). С. 67–74.
21. Сайдашева Э.А., Нургалиева Л.А. Сопоставительный анализ передачи гендерного признака фемининности в английских и русских пословицах и поговорках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10–3(64). С. 144–149.
22. Семенова Л.Э., Семенова В.Э. Гендерная методология научных исследований: новые возможности в познании объективной и субъективной реальности // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 239–243.
23. Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования. Коллективная монография / Под научной ред. В.А. Лабунской, Г.В. Серикова, Т.А. Шкурко. Ростов-на-Дону: Издательство Мини-Тайп, 2019. 456 с.
24. Шкурко Т.А. Фотовидеопрезентации внешнего облика как метод изучения воспринимаемого возраста человека // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 104–117. DOI:10.17759/sps.20180903113
25. Шкурко Т.А., Лабунская В.А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 450–457. DOI:10.18500/1819-7671-2018-18-4-450-456
26. Шкурко Т.А., Николаева Е.Г. Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 4. С. 78–90. DOI:10.17759/sps.2015060406
27. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психологического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.

28. *Alarie M.* Sleeping With Younger Men: Women's Accounts of Sexual Interplay in Age-Hypogamous Intimate Relationships // *Journal of Sex Research*. 2020. Vol. 57. Issue 3. P. 322–334.
29. *Flament F., Abric A., Amar D.* Gender-related differences in the facial aging of Chinese subjects and their relations with perceived ages // *Skin Research and Technology*. 2020. Vol. 26. Issue 6. P. 905–913. DOI:10.1111/srt.12893
30. *Flament F., Abric A., Prunel A., Cassier M., Delaunay C.* The respective weights of facial signs on the perception of age and a tired-look among differently aged Korean men // *Skin Research and Technology*. 2021. Vol. 27. Issue 5. P. 909–917. DOI:10.1111/srt.13041
31. *Flament F., Belkebla S., Adam A.S., Abric A., Amar D.* Gender-related differences in the facial aging of Caucasian French subjects and their relations with perceived ages and tiredness // *Journal of Cosmetic Dermatology*. 2021. Vol. 20. Issue 1. P. 227–236. DOI:10.1111/jocd.13446
32. *Gewirtz-Meydan A., Ayalon L.* Forever young: Visual representations of gender and age in online dating sites for older adults // *Journal of Women & Aging*. 2018. Vol. 30. Issue 6. P. 484–502. DOI:10.1080/08952841.2017.1330586
33. *Gui T.* «Devalued» Daughters Versus «Appreciated» Sons: Gender Inequality in China's Parent-Organized Matchmaking Markets // *Journal of family issues*. 2017. Vol. 38. Issue 13. P. 1923–1948. DOI:10.1177/0192513X16680012
34. *Lawrence J.H.* The effect of perceived age on initial impressions and normative role expectations // *International Journal of Aging and Human Development*. 1974. Vol. 5. Issue 4. P. 369–391.
35. *Nkengne A., Bertin C., Stamatas G.N., Giron A., Rossi A., Issachar N., Ferti B.* Influence of facial skin attributes on the perceived age of Caucasian women // *Journal of The European Academy of Dermatology and Venereology*. 2008. Vol. 22. Issue 8. P. 982–991. DOI:0.1111/j.1468-3083.2008.02698.x
36. *Population Dynamics World Population Prospects 2019* [Электронный ресурс]. URL: <https://population.un.org/wpp2019/Download/Standard/Mortality/> (дата обращения: 01.07.2022).
37. *Reeves M.D., Fritzsche B.A., Marcus J., Smith N.A., Ng Y.L.* Beware the young doctor and the old barber?: Development and validation of a job age-type spectrum // *Journal of Vocational Behavior*. 2021. Vol. 129. Article Number 103616. DOI:10.1016/j.jvb.2021.103616
38. *Russell R., Batres C., Courrèges S., Kaminski G., Soppelsa F., Morizot F., Porcheron A.* Differential effects of makeup on perceived age // *British Journal of Psychology*. 2019. Vol. 110(1). P. 87–100. DOI:10.1111/bjop.12337
39. *Shen Y.A., Shoda Y.* How Candidates' Age and Gender Predict Voter Preference in a Hypothetical Election // *Psychological Science*. 2021. Vol. 32. Issue 6. P. 934–943.
40. *Stypinska J., Turek K.* Hard and soft age discrimination: the dual nature of workplace discrimination // *European Journal of Ageing*. 2017. Vol. 14. Issue 1. P. 49–61. DOI:10.1007/s10433-016-0407-y
41. *Uotinen V., Rantanen T., Suutama T.* Perceived age as a predictor of old age mortality: A 13-year prospective study // *Age and Ageing*. 2005. Vol. 34. Issue 4. P. 368–372.
42. *Voelkle M.C., Ebner N.C., Lindenberger U., Riediger M.* Let Me Guess How Old You Are: Effects of Age, Gender, and Facial Expression on Perceptions of Age // *Psychology and Aging*. 2012. Vol. 27. Issue 2. P. 265–277.

References

1. *Andreeva G.M.* Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 2000. 288 p. (In Russ.).
2. *Akhmedova N.E.* Obraz muzhchiny i zhenshchiny cherez prizmu angliiskoi frazeologii [The image of a man and a woman through the prism of English phraseology]. Sbornik trudov III Nauchnoi konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov, studentov i molodykh uchenykh «Dni nauki Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo» (g. Simferopol, 01–03 noyabrya 2017 g.) [Proceedings of the III Scientific Conference of faculty, postgraduates, students and young scientists “Days of Science of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University”]. Simferopol: Publ. of the V.I. Vernadsky KFU, 2018, pp. 162–166. (In Russ.).

3. Barabanshchikov V.A. Kognitivnye mekhanizmy neverbal'noi kommunikatsii [Cognitive mechanisms of nonverbal communication]. Moscow: Kogito-Center Publ., 2017. 359 p. (In Russ.).
4. Barabanshchikov V.A., Suvorova E.V. Gendernye razlichiya v raspoznavanii emotsional'nogo sostoyaniya storonnogo cheloveka [Gender differences in the recognition of the emotional state of an outsider]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2021. Vol. 26, no. 6, pp. 107–116. (In Russ.).
5. Bodalev A.A. Vospriyatie cheloveka chelovekom [Perception of a person by a person]. Saint Petersburg: Mir Publ., 2015. 240 p. (In Russ.).
6. Bryukner P. Nedolgovechnaya vechnost': filosofiya dolgoletiya [Short-lived eternity: the philosophy of longevity]. Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 2021. 312 p. (In Russ.).
7. Vorontsov D.V. Sozdanie pola, gendera i seksual'nosti v obshchenii [Creating gender, gender and sexuality in communication]. *Prikladnaya psikhologiya obshcheniya i mezhlchnostnogo poznaniya: kollektivnaya monografiya [Applied psychology of communication and interpersonal cognition: a collective monograph.]*. Moscow: Kredo Publ., 2015, pp. 31–46. (In Russ.).
8. Vorontsova T.A. Vliyaniye tselostnogo oformleniya vneshnego oblika na vosprinimaemyi vozrast zhenshchin [The influence of holistic appearance design on the perceived age of women]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 141–160. DOI:10.17759/sps.2020110209 (In Russ.).
9. Grigor'eva I.A. Pozhilye zhenshchiny: "vниз po lestnitse" vozrasta i gendera [Elderly women: "down the ladder" of age and gender]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2018. Vol. 1, issue 86, pp. 5–18.
10. Demidov A.A., Diveev D.A., Kutenev A.V. Otsenka vozrasta i individual'no-psikhologicheskikh kharakteristik cheloveka po vyrazheniyu litsa [Assessment of age and individual psychological characteristics of a person by facial expression]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental psychology*, 2012. Vol. 5, no. 1, pp. 69–81. (In Russ.).
11. Dias E., Arsent'eva E. Frazеологические единицы, обозначающие старость человека, в английском и русском языках [Phraseological units denoting the old age of a person in English and Russian]. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, 2018, no. 1(51), pp. 57–63. (In Russ.).
12. Klepikova E.A., Kolosnitsyna M.G. Eidzhizm na rossiiskom rynke truda: diskriminatsiya v zarabotnoi plate [Ageism in the Russian labor market: wage discrimination]. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta = Russian Journal of Management*, 2017. Vol. 15, no. 1, pp. 69–88. (In Russ.).
13. Kletsina I.S. Gendernaya sotsializatsiya v pozhilom vozraste [Gender socialization in old age]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 22–34. DOI:10.17759/sps.2020110302
14. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Normy zhenskogo povedeniya: traditsionnaya i sovremennaya modeli [Norms of female behavior: traditional and modern models]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2019, no. 3, pp. 72–90.
15. Kozina I.M., Zangieva I.K. Vozrastnaya diskriminatsiya pri prieme na rabotu [Age discrimination in employment]. *Diskriminatsiya na rynke truda: sovremennye proyavleniya, faktory i praktiki preodoleniya [Discrimination in the labor market: modern manifestations, factors and practices of overcoming.]*. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2014, pp. 50–63. (In Russ.).
16. Labunskaya V.A., Drozdova I.I. Teoretiko-empiricheskii analiz vliyaniya sotsialnopsikhologicheskikh faktorov na otsenki, samootsenki molodymi lyudmi vneshnego oblika [Theoretical and empirical analysis of the impact of social and psychological factors on the assessment, self-assessment of young people's appearance]. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal = Russian psychological journal*, 2017. Vol. 14, no. 2, pp. 202–226. DOI:10.21702/rpj.2017.2.1214 (In Russ.).
17. Listratkina K.A. Reprezentatsiya kontsepta «Starost'» v paremiologicheskome fonde russkogo i angliiskogo yazykov [Representation of the concept of "Old Age" in the paremiological fund of

- Russian and English languages]. *Izvestiya VGPU = News of the VSPU*, 2012. Vol. 72, no. 8, pp. 50–53. (In Russ.).
18. Ovsyanik O.A. Gendernye osobennosti vospriyatiya vozrastnykh izmenenii zhenshchinami 40–60 let [Gender peculiarities of perception of age-related changes by women 40-60 years old]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*, 2012, no. 2(22), p. 8. (In Russ.).
19. Os'minina A.A. Aktivnost' v omolozhenii vneshnego oblika kak sovladanie so stressom stareniya u zhenshchin srednei vzroslosti [Activity in rejuvenation of appearance as coping with the stress of aging in middle-aged women]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2021. Vol. 27, no. 3, pp. 140–146. DOI:10.34216/2073-1426-2021-2
20. Petrenko V.F., Suprun A.P., Yanova N.G. Psikhosemanticheskoe issledovanie vizual'nogo vospriyatiya zhenshchin muzhchinami (rossiiskaya mental'nost') [Psychosemantic study of visual perception of women by men (Russian mentality)]. *Natsionalnyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2017, no. 4(28), pp. 67–74. (In Russ.).
21. Saidasheva E.A., Nurgalieva L.A. Sopostavitel'nyi analiz peredachi gendernogo priznaka femininnosti v angliiskikh i russkikh poslovitsakh i pogovorkakh [Comparative analysis of the transmission of the gender attribute of femininity in English and Russian proverbs and sayings]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2016, no. 10–3(64), pp. 144–149. (In Russ.).
22. Semenova L.E., Semenova V.E. Gendernaya metodologiya nauchnykh issledovaniy: novye vozmozhnosti v poznanii ob"ektivnoi i sub"ektivnoi real'nosti [Gender methodology of scientific research: new opportunities in cognition of objective and subjective reality]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Humanities and Social Sciences*, 2014, no. 2, pp. 239–243. (In Russ.).
23. Sotsial'naya psikhologiya vneshnego oblika: teoreticheskie podkhody i empiricheskie issledovaniya. Kollektivnaya monografiya [Social psychology of appearance: theoretical approaches and empirical research. Collective monograph]. In V.A. Labunskaya, G.V. Serikov, T.A. Shkurko. (ed.). Rostov-on-Don: Mini-Taip Publ., 2019. 456 p. (In Russ.).
24. Shkurko T.A. Fotovideoprezentatsii vneshnego oblika kak metod izucheniya vosprinimaemogo vozrasta cheloveka ["Photo-video presentation of appearance" as a method of a person's perceived age studying]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 104–117. DOI:10.17759/sps.2018090311.21 (In Russ.).
25. Shkurko T.A., Labunskaya V.A. Pochemu my vyglyadim molozhe ili starshe svoikh let: poisk psikhologicheskikh determinant [Why we look younger or older than our years: the search for psychological determinants]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = News of Saratov University. A new series. Philosophy series. Psychology. Pedagogy*, 2018. Vol. 18, no. 4, pp. 450–457. DOI:10.18500/1819-7671-2018-18-4-450-456 (In Russ.).
26. Shkurko T.A., Nikolaeva Ye.G. Komponenty vneshnego oblika v strukture vospriyatiya vizualnykh prezentatsiy vozrasta [Components of appearance in the structure of perception of visual presentations of age]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 78–90. DOI:10.17759/sps.201506040623 (In Russ.).
27. El'konin D.B. K probleme periodizatsii psikhologicheskogo razvitiya v detskom vozraste [To the problem of periodization of psychological development in childhood]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 1971, no. 4, pp. 6–20. (In Russ.).
28. Alarie M. Sleeping With Younger Men: Women's Accounts of Sexual Interplay in Age-Hypogamous Intimate Relationships. *Journal of Sex Research*, 2020. Vol. 57, issue 3, pp. 322–334.
29. Flament F, Abric A., Amar D. Gender-related differences in the facial aging of Chinese subjects and their relations with perceived ages. *Skin Research and Technology*, 2020. Vol. 26, issue 6, pp. 905–913. DOI:10.1111/srt.12893

30. Flament F., Abric A., Prunel A., Cassier M., Delaunay C. The respective weights of facial signs on the perception of age and a tired-look among differently aged Korean men. *Skin Research and Technology*, 2021. Vol. 27, issue 5, pp. 909–917. DOI:10.1111/srt.13041
31. Flament F., Belkebla S., Adam A.S., Abric A., Amar D. Gender-related differences in the facial aging of Caucasian French subjects and their relations with perceived ages and tiredness. *Journal of Cosmetic Dermatology*, 2021. Vol. 20, issue 1, pp. 227–236. DOI:10.1111/jocd.13446
32. Gewirtz-Meydan A., Ayalon L. Forever young: Visual representations of gender and age in online dating sites for older adults. *Journal of Women & Aging*, 2018. Vol. 30, issue 6, pp. 484–502. DOI:10.1080/08952841.2017.1330586
33. Gui T. «Devalued» Daughters Versus «Appreciated» Sons: Gender Inequality in China's Parent-Organized Matchmaking Markets. *Journal of family issues*, 2017. Vol. 38, issue 13, pp. 1923–1948. DOI:10.1177/0192513X16680012
34. Lawrence J.H. The effect of perceived age on initial impressions and normative role expectations. *International Journal of Aging and Human Development*, 1974. Vol. 5(4), pp. 369–391.
35. Nkengne A., Bertin C., Stamatias G.N., Giron A., Rossi A., Issachar N., Ferti B. Influence of facial skin attributes on the perceived age of Caucasian women. *Journal of The European Academy of Dermatology and Venereology*, 2008. Vol. 22, issue 8, pp. 982–991. DOI:0.1111/j.1468-3083.2008.02698.x
36. Population Dynamics World Population Prospects 2019 [Electronic resource]. URL: <https://population.un.org/wpp2019/Download/Standard/Mortality/> (Accessed 01.07.2022)
37. Reeves M.D., Fritzsche B.A., Marcus J., Smith N.A., Ng Y.L. Beware the young doctor and the old barber”: Development and validation of a job age-type spectrum. *Journal of Vocational Behavior*, 2021. Vol. 129, article Number103616. DOI:10.1016/j.jvb.2021.103616
38. Russell R., Batres C., Courrèges S., Kaminski G., Soppelsa F., Morizot F., Porcheron A. Differential effects of makeup on perceived age. *British Journal of Psychology*, 2019. Vol. 110(1), pp. 87–100. DOI:10.1111/bjop.12337
39. Shen Y.A., Shoda Y. How Candidates' Age and Gender Predict Voter Preference in a Hypothetical Election. *Psychological Science*, 2021. Vol. 32, issue 6, pp. 934–943.
40. Stypinska J., Turek K. Hard and soft age discrimination: the dual nature of workplace discrimination. *European Journal of Ageing*, 2017. Vol. 14, issue 1, pp. 49–61. DOI:10.1007/s10433-016-0407-y
41. Uotinen V., Rantanen T., Suutama T. Perceived age as a predictor of old age mortality: A 13-year prospective study. *Age and Ageing*, 2005. Vol. 34, issue 4, pp. 368–372.
42. Voelkle M.C., Ebner N.C., Lindenberger U., Riediger M. Let Me Guess How Old You Are: Effects of Age, Gender, and Facial Expression on Perceptions of Age. *Psychology and Aging*, 2012. Vol. 27, issue 2, pp. 265–277.

Информация об авторах

Воронцова Татьяна Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Академия психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, e-mail: shkurko@sfedu.ru

Information about the authors

Tatyana A. Vorontsova, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Social Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, e-mail: shkurko@sfedu.ru

Получена 16.07.2022

Принята в печать 18.10.2022

Received 16.07.2022

Accepted 18.10.2022

Развитие науки как личный проект: студентки и студенты о перспективах развития российской науки

Радина Н.К.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ФГАОУ ВО ННГУ),
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru**

Семенова Л.Э.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ФГАОУ ВО ННГУ),
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5077-394X>, e-mail: verunehka08@list.ru**

Козлова А.В.

**ООО «ХАРМАН», г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2629-9157>, e-mail: anastasia_kozlova94@mail.ru**

Цель. В исследовании на основе сравнительного анализа представлен ответ на вопрос об особенностях конструирования стратегий причастности к научной деятельности у юношей и девушек — студентов региональных университетов.

Контекст и актуальность. Традиционно наука считается мужской сферой деятельности, менее доступной для женщин. В статье представлена точка зрения, согласно которой основой гендерной асимметрии в науке являются гендерные стереотипы. Особая роль в трансляции гендерных норм на этапе первичной гендерной социализации отводится семье и школе, при этом констатируется факт конструируемой образованием гендерной стереотипизации в выборе профессии. Девушки, даже обладая академическими успехами, воспроизводят устаревшие гендерные стереотипы, считая науку сферой «мужской самореализации».

Дизайн исследования. Сбор данных о социальных представлениях и социальных установках студенчества происходил при помощи анкеты «Научные приоритеты» (25 утверждений о науке). Данная анкета заполнялась участниками исследования, исходя из 8 модальностей («важно для меня»/высокая личная значимость; «готов(а) участвовать»/готовность действовать; «важно для моего факультета»; «важно для моего университета»; «важно для российской науки»; «важно для развития науки и университетов в странах Востока»; «важно для развития науки и университетов в странах Запада»; «важно для развития мировой науки в целом»). Далее использовался сравнительный анализ 2 групп (студентов и студенток) с интерпретацией в русле гендерной методологии.

Участники. В исследовании приняли участие 387 студентов (321 девушка и 66 юношей), специализирующихся в области медицины, психологии и педагогики, из университетов Кирова, Курска и Нижнего Новгорода.

Методы. Использовалась опросная анкета «Научные приоритеты», ориентированная на задачи исследования. Утверждения в опросной анкете объединены в четыре блока: традиционные представления о развитии науки; ориентация на актуальные тенденции; блок социально-экономической депривированности; чувствительность к политическим изменениям.

Результаты. В региональных университетах студенты, обучающиеся на факультетах «помогающих профессий», определяя приоритеты научного развития, формулируют их согласованно с ценностями и приоритетами «мужской культуры»: технологический крен, высокая роль конкуренции и ориентация на высокий статус ученого в обществе. В региональных университетах студентки, обучающиеся на факультетах «помогающих профессий», демонстрируют заинтересованность в развитии науки, однако не рассматривают науку как «личный проект». Кроме того, при изучении социальных представлений и установок студентов в области развития науки был выявлен феномен позитивной оценки удаленного объекта. У опрошенных студентов и студенток наиболее схожими оказались социальные представления о российской науке.

Основные выводы. Заключается, что гендерные стереотипы, воспроизводимые на уровне Я-концепции студентов, ориентированы на поддержку привычного формата «маскулинизации науки». Однако для восстановления позиций девушек-студенток в области научной работы недостаточно только изменять гендерные стереотипы и социальные представления. Для поддержки женщин-исследовательниц необходимы социальные программы, помогающие девушкам объединять профессиональную жизнь в науке и материнство.

Ключевые слова: наука, научная деятельность, приоритеты развития науки, маскулинизация науки, социальные (гендерные) стереотипы.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Для цитаты: Радина Н.К., Семенова Л.Э., Козлова А.В. Развитие науки как личный проект: студентки и студенты о перспективах развития российской науки // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 68–89. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130405>

The Development of Science as a Personal Project: Male and Female Students about the Prospects of the Development of Russian Science

Nadezhda K. Radina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Lidia E. Semenova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5077-394X>, e-mail: verunechka08@list.ru

Anastasia V. Kozlova

Harman International Industries, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2629-9157>, e-mail: anastasia_kozlova94@mail.ru

Objective. *The study, based on a comparative analysis, provides an answer to the question about the features of designing strategies for involvement in scientific activities among male and female students at regional universities.*

Background. *Traditionally, science is considered a male field of activity, less accessible to women. The article presents a point of view according to which gender stereotypes are the basis of gender asymmetry in science. A special role in the transmission of gender norms at the stage of primary gender socialization is assigned to the family and school, while the fact of gender stereotyping constructed by*

education in the choice of profession is stated. Girls, even with academic success, reproduce outdated gender stereotypes, considering science as a sphere of “male self-realization”.

Study design. The collection of data on the social perceptions and social attitudes of the students was carried out using the “Scientific Priorities” questionnaire (25 statements about science). This questionnaire was filled in by the study participants based on 8 modalities (“important to me”/high personal importance; “ready to participate”/willingness to act; “important for my faculty”; “important for my university”; “important for the Russian science”; “important for the development of science and universities in the countries of the East”; “important for the development of science and universities in the countries of the West”; “important for the development of world science as a whole”). Next, a comparative analysis of 2 groups (male and female students) was used with interpretation in line with gender methodology.

Participants. Sample: 387 students (321 female students and 66 male students) specializing in medicine, psychology and pedagogy from the universities of Kirov, Kursk and Nizhny Novgorod.

Measurements. The survey questionnaire “Scientific priorities” focused on the objectives of the study was used. The statements in the questionnaire are combined into four blocks: traditional ideas about the development of science; current trends; block of socio-economic deprivation; sensitivity to political change.

Results. At regional universities, male students studying at the faculties of “helping professions”, defining the priorities of scientific development, formulate them in accordance with the values and priorities of “male culture”: a technological bias, a high role of competition and an orientation towards a high status of a scientist in society. At regional universities, female students studying at the faculties of “helping professions” demonstrate an interest in the development of science, but do not consider science as a “personal project”. In addition, when studying the social ideas and attitudes of students in the field of science development, the phenomenon of a positive assessment of a remote object was revealed. Among the male and female students surveyed, the social perceptions of Russian science turned out to be the most consimilar.

Conclusions. It is concluded that gender stereotypes reproduced at the level of students’ self-concept are oriented towards supporting the usual format of “masculinization of science”. However, to restore the positions of female students in the field of scientific work, it is not enough just to change gender stereotypes and social perceptions. To support women researchers, social programs are needed to help girls combine professional life in science and motherhood.

Keywords: science, scientific activity, science development priorities, science masculinization, social (gender) stereotypes.

Funding. The study was supported by the Strategic Academic Leadership Program “Priority 2030” of the Ministry of Education and Science of Russia.

For citation: Radina N.K., Semenova L.E., Kozlova A.V. The Development of Science as a Personal Project: Male and Female Students about the Prospects of the Development of Russian Science. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 68–89. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130405> (In Russ.).

Введение

Традиционно наука считалась мужской сферой деятельности, которая долгое время оставалась закрытой для женщин [33]. Официальный доступ в науку женщины в России получили сразу после

октябрьских событий 1917 года: в частности, в соответствии с Декретами Совета Народных Комиссаров от 2 августа и 1 октября 1918 года женщины были уравнены с мужчинами в правах на высшее образование и работу в вузах. Однако, как

показывают результаты исследований, на протяжении многих десятилетий в отечественной науке доминировали мужчины, тогда как женщины занимали и продолжают занимать в ней весьма скромные позиции, обусловленные как горизонтальной, так и вертикальной гендерной сегрегацией [4; 9; 19; 31; 32]. И хотя в настоящее время женщин, занимающихся научной деятельностью, в том числе в сфере точных наук, в России больше, чем в большинстве других стран [27], в научной среде по-прежнему сохраняется гендерный разрыв в пользу мужчин. Другими словами, эксперты приходят к выводу, что современное российское высшее образование и наука феминизированы, но при этом подавляющая часть женщин в этих сферах сосредоточены на более низких позициях и менее статусных должностях (феномен «маскулинизации» профессуры, преимущественно в так называемых «женских» областях научного знания: филология, педагогика, искусствоведение, а также биология, медицина и некоторые другие) [18; 32].

Изучение научного вклада женщин до сих пор остается в отечественной академической среде мало популярной темой, разработкой которой занимаются в основном гендерные исследователи, преимущественно женщины [3; 11; 14]. Соответственно, гендерный порядок науки как социального института далек от эгалитарности, к тому же происходящий в последние годы отток научных кадров, по имеющимся данным, характеризуется, прежде всего, сокращением численности женщин [8].

Изменится ли ситуация в будущем? Считают ли современные студентки науку сферой самореализации и планируют ли профессиональную карьеру в научной среде? Цель данной статьи — охарактеризовать представления современных

российских студенток и студентов о приоритетах развития науки, а также провести сравнительный анализ установок и притязаний студенчества в области участия в научной деятельности.

Роль гендерной социализации и гендерных стереотипов в выборе научной карьеры

Особая роль в трансляции гендерных норм на этапе первичной гендерной социализации отводится семье и школе, определяющим воспитательные практики и образовательные программы, ориентированные на девочек и мальчиков. При этом констатируется факт конструируемой образованием гендерной стереотипизации в выборе профессии, в частности, проявляющейся в малом предпочтении девочками (даже при условии образовательных успехов) STEM-дисциплин (математики, информационных технологий и др.), освоение которых оказывается необходимым для многих высокостатусных профессий современности [23; 24; 25].

В отличие от школьников школьницы демонстрируют более низкие показатели самооценки компетентности по математике, что не соответствует их реальным достижениям, причем с возрастом разрыв в показателях самооценки только увеличивается за счет ее снижения у девочек и роста у мальчиков [25]. Напротив, по сравнению с девочками мальчики демонстрируют гораздо большую уверенность при изучении естественных наук (в 39 странах) и больший интерес к широкому кругу тем и проблем, имеющих отношение к естественным наукам (в 51 стране) [35]. Другими словами, основной профессиональной сегрегации и гендерной асимметрии в науке в пользу мужчин являются предубеждения родителей и учителей, их стереотипное

представление о способностях девочек и мальчиков, приводящие к гендерной сегрегации и дифференциации интересов детей, гендерному неравенству в детском саду и школе [16; 30].

Именно позитивный опыт поддержки в школе, прежде всего, общение с учителями и гендерно нестереотипное отношение, отсутствие консервативных взглядов и стереотипного поведения в ближайшем социальном окружении оказывают положительное влияние на выбор девушками технических отраслей науки [24]. Также установлено, что на выбор девочками-подростками науки в качестве приоритетной профессиональной сферы может оказывать влияние медийный образ ученых, выступающий в качестве позитивных ролевых моделей поведения [34]. Медийные образы и сообщения служат эффективным средством формирования общественного мнения, технологией конструирования социальной действительности и личностной идентичности, однако до сих пор в российских СМИ образ ученого и образ матери остаются несовместимыми [14].

Сегодня становится очевидным, что без притока в науку молодых кадров ее будущее оказывается под большим вопросом. И это зависит не только от востребованности науки, но и от осознания привлекательности науки со стороны молодежи. При этом отход от гендерной асимметрии в науке и обеспечение в ней гендерного равенства признаются залогом экономического и социального развития как на уровне отдельной страны, так и на уровне всего мирового сообщества [16].

Начало XXI века ознаменовало существенные изменения гендерных норм и практик общемирового характера, затрагивающие также российское общество. В частности, по оценкам социологов, в настоящее время в России сложился новый

гендерный порядок, предполагающий синтез разных социальных норм жизни и деятельности женщин и мужчин [22]. Это созвучно психологическим исследованиям, согласно которым подавляющее большинство российских девушек и юношей ориентируются на смешанный вариант гендерных норм, включающий традиционалистские и эгалитарные модели поведения [12]. В то же время для многих студентов как гуманитарных, так и технических специальностей наука по-прежнему не является привлекательной сферой деятельности [21].

Результаты данного исследования позволяют ответить на вопрос, переносится ли тенденция эгалитарности, типичная для молодежи в целом, на область научной деятельности, другими словами, рассматривают ли девушки-студентки развитие российской науки как личный проект, а современную российскую науку как поле для самореализации.

Методы и методология

Теоретические рамки данного исследования — гендерная теория, представленная работами российских исследователей (И.С. Кона, И.С. Клециной, Н.К. Радиной, Л.Э. Семеновой и др.) [12; 13; 20; 26] в области гендерной социализации, а также результаты исследований в области социальных аспектов развития науки (А.В. Костина, Н.Л. Пушкарева и др.) [14; 18].

Цель исследования — на основе сравнительного анализа социальных представлений и социальных установок российских студентов в области развития науки ответить на вопрос об особенностях конструирования стратегий причастности к научной деятельности у юношей и девушек.

В данном исследовании социальные представления понимаются как идеи,

мысли, образы, ценности, знания и практики индивидов и групп, складывающиеся в процессе социальной коммуникации [10]. В качестве социальной установки (аттитюд) понимается состояние готовности, сложившееся на основе социального опыта и влияющее на реакции индивида относительно объектов или ситуаций, с которыми аттитюд связан [1].

Также в исследовании используются понятия «женская культура» и «мужская культура», то есть набор ценностей, установок и предпочтительных практик, формирующих особенности содержания гендерной социализации [20].

Сбор материала о социальных представлениях и социальных установках студенчества происходил при помощи анкеты «Научные приоритеты», состоящей из 25 утверждений о возможных направлениях развития науки. Данная анкета заполняется, исходя из 8 различных позиций (различных модальностей), а именно: «важно для меня» (высокая личная значимость); «готов(а) участвовать» (готовность действовать); «важно для моего факультета»; «важно для моего университета»; «важно для российской науки»; «важно для развития науки и университетов в странах Востока»; «важно для развития науки и университетов в странах Запада»; «важно для развития мировой науки в целом».

Утверждения в анкете содержательно объединены в четыре блока информации (25 утверждений разделены на четыре области приоритетов в развитии науки): 1) традиционные представления о развитии науки; 2) ориентация на актуальные тенденции; 3) блок социально-экономической депривированности; 4) чувствительность к политическим изменениям (см. приложение).

Участниками исследования стали студенты, специализирующиеся в области

медицины, психологии и педагогики, нескольких вузов в городах с развитой научно-образовательной инфраструктурой (Киров, Курск, Нижний Новгород). Общее число респондентов — 387 человек, из них 321 девушка и 66 юношей. В качестве программного обеспечения было использовано IBM SPSS Statistics 26.

Результаты исследования: личная заинтересованность в развитии науки

Наука как личностно-значимый проект студенчества в данном исследовании представлена через значимость различных аспектов развития сферы науки и посредством готовности принять участие в реализации каких-либо научных приоритетов. Как показывает рис. 1, юноши более активно демонстрируют личную заинтересованность в развитии науки.

Статистически значимые различия между студентами и студентками обнаружены в позициях «1 — форсайт-исследования (прогнозирование и конструирование будущего)» ($p < 0,01$), «2 — развитие фундаментальной науки» ($p < 0,001$), «5 — развитие стратегических компьютерных технологий и программного обеспечения» ($p < 0,001$), «12 — развитие технопарков для реализации инновационных проектов» ($p < 0,001$), «13 — экономическое благополучие ученых» ($p < 0,001$), «14 — свободное творчество и мобильность ученых вне рамок и границ» ($p < 0,001$), «15 — противодействие коррупции в обществе и науке» ($p < 0,001$), «16 — конкуренция в науке» ($p < 0,01$), «17 — научное международное сотрудничество исследовательских групп, центров и университетов» ($p < 0,001$), «19 — грантовая поддержка науки и заказы со стороны бизнеса» ($p < 0,01$) и «24 — обновление программного обеспечения и материально-техни-

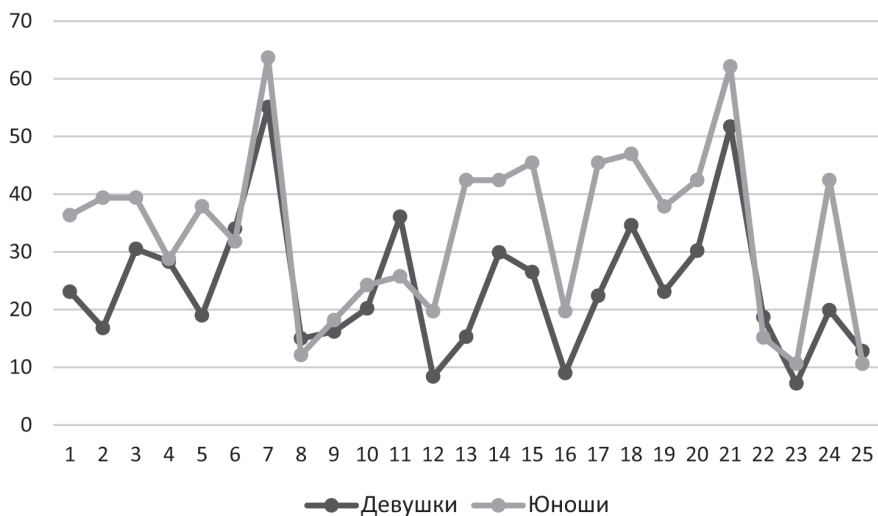

Рис. 1. Личностная значимость различных научных приоритетов

ческого оснащения научных подразделений» ($p < 0,001$).

Личная заинтересованность юношей-студентов проявляется во всех позициях, определяющих ценности мужской культуры (конкуренция, ориентация на высокий социальный статус, доминирование в технической сфере, экономическая успешность и претензии на стратегическое видение будущего) [13]. Следовательно, полученные результаты согласуются с репродуктивным характером гендерной социализации студентов, поскольку речь идет о воспроизводстве традиционных взглядов на науку как сферу деятельности, релевантную «мужским жизненным задачам». Более высокие показатели у девушек (статистически не значимые) – только в позиции 11 (решение экологических проблем).

Однако обобщение всех полученных данных по 4 блокам (традиционный взгляд на науку, актуальные тенденции, проблемы социально-экономической депривированности и политические про-

блемы) демонстрирует более сложную картину, нежели прямолинейное воспроизводство студентами гендерных социальных представлений о развитии науки (рис. 2).

Согласно рис. 2, статистически значимые различия между студентами и студентками сохраняются в тех случаях, когда они размышляют о традициях и социальных аспектах научной деятельности (конкуренция и экономический успех), в то же время показатели личностной значимости и «чувствительности» к современным формам развития науки (цифровизация, развитие креативных индустрий, экологии и т.п.), а также к политическим изменениям оказываются у юношей и девушек достаточно схожими. Что касается готовности действовать на поле науки, юноши-студенты на уровне установок действовать также проявляют незаурядную активность (рис. 3).

Как и в случае с признанием личной значимости научного поля, показатели готовности принимать участие в различных научных проектах и активностях у

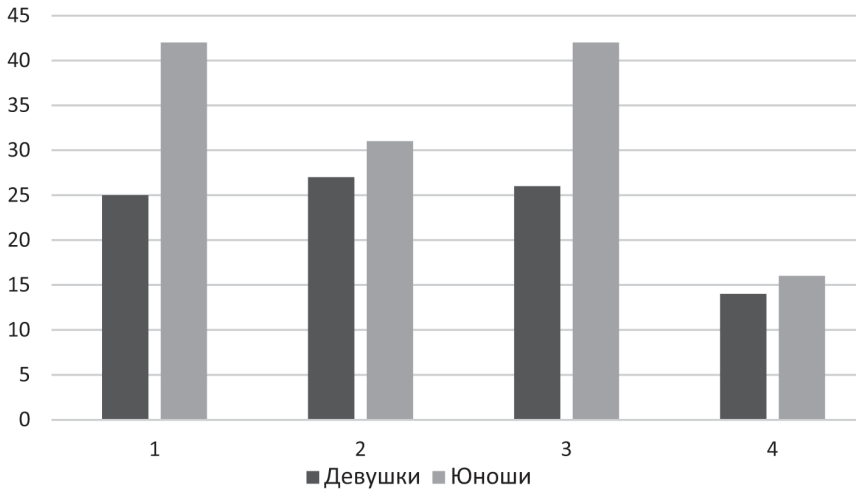

Рис. 2. Личностная значимость проектов развития науки: 1 — традиционные представления о развитии науки; 2 — ориентация на актуальные тенденции; 3 — проблемы социально-экономической депривированности; 4 — чувствительность к политическим изменениям

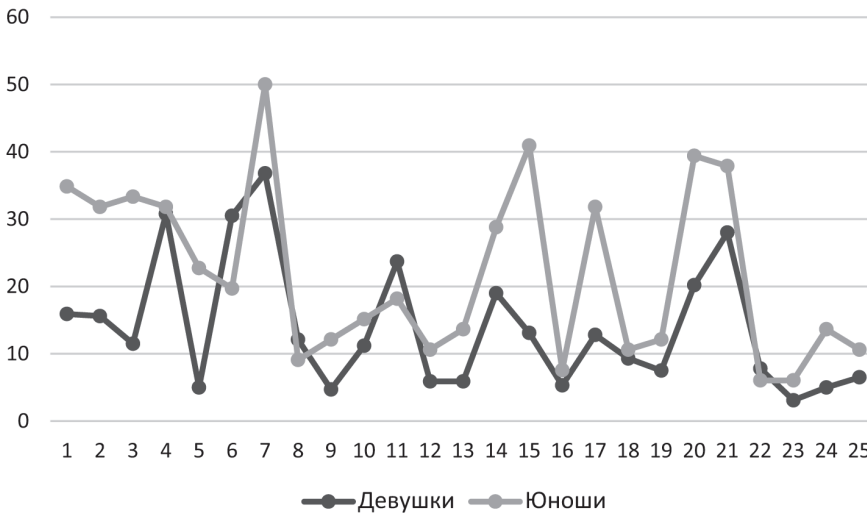

Рис. 3. Готовность участвовать в различных научных проектах и активностях

юношей выше, чем у девушек. Статистически значимые различия наблюдаются в позициях «1 — форсайт-исследования» ($p < 0,001$), «2 — развитие фундаментальной науки» ($p < 0,001$), «3 — развитие ин-

формационных технологий» ($p < 0,001$), «5 — развитие стратегических компьютерных технологий и программного обеспечения» ($p < 0,001$), «7 — развитие исследований в медицине и в области

биотехнологий» ($p < 0,01$), «9 — исследования, ориентированные на оборонную промышленность и безопасность своей страны» ($p < 0,05$), «13 — экономическое благополучие ученых» ($p < 0,05$), «15 — противодействие коррупции» ($p < 0,001$), «17 — научное международное сотрудничество» ($p < 0,001$), «20 — личностный рост ученого» ($p < 0,01$) и «24 — обновление программного обеспечения и материально-технического оснащения научных подразделений» ($p < 0,05$). Девушки активнее выбирают участие в исследованиях, ориентированных на решение экологических проблем (11 пункт), однако различия статистически не значимы.

Как и в случае с личностной значимостью, юноши-студенты готовы присоединяться к научным проектам в тех случаях, когда эти активности очевидно созвучны нормам мужской культуры (ориентация на статус, конкуренцию, технические компетенции и т.п.). Девушки-студентки, напротив, очень осто-

рожны в озвучивании своей возможной активности в научном поле.

Эта осторожность изменяет картину общей установки девушек-студенток на научную работу: если на уровне личной значимости они не уступают сокурсникам в принятии актуальных научных проблем, сопереживают политическим вызовам, с которыми сталкивается наука, то на уровне готовности действовать сдают все позиции (рис. 4).

Наиболее выражены различия между юношами и девушками в области готовности утверждать ценности традиционной науки, а также бороться за справедливость и экономическое благополучие на научной стезе.

Таким образом, если на уровне сопереживания девушки-студентки признают значимость и привлекательность научных проблем (по ряду позиций наравне с юношами), то на уровне включения в действие они проявляют осторожность, как бы уступая «позицию активности» другой гендерной группе.

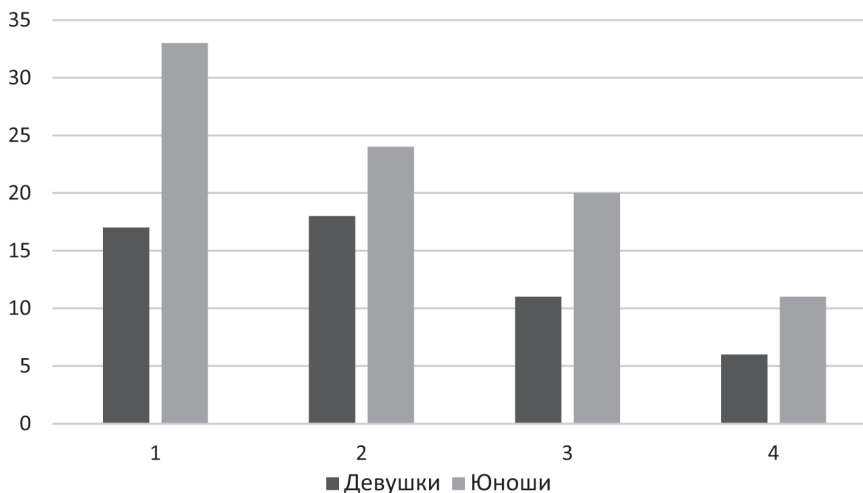

Рис. 4. Готовность участвовать в проектах развития науки: 1 — традиционные представления о развитии науки; 2 — ориентация на актуальные тенденции; 3 — проблемы социально-экономической депривированности; 4 — чувствительность к политическим изменениям

Результаты исследования: наука в университете обучения

Поскольку анкета собирала информацию о том, как респонденты воспринимают развитие науки с точки зрения различных субъектов, включая университеты и структурные подразделения университетов — факультеты, проанализируем мнения студентов и студенток о развитии науки из перспективы их «alma-mater».

Все участники опроса получали образование в областях социального знания (психология и педагогика) и естественно-научного знания (медицина), поэтому было ожидаемо, что в опросе проявятся акценты, связанные с гуманитарной сферой и медицинскими (био)технологиями (физическим и психическим здоровьем общества и т.п.). Данные ожидания оправдались лишь отчасти (см. рис. 5А и 5Б).

Рис. 5А и 5Б демонстрируют, что логика юношей-студентов при смещении размышлений о будущем науки из перспективы субъекта действия от индивида к институции (организации) принципиально не изменилась. Главная тенденция в представлении их мнения — усиление тех позиций науки, которые наиболее релевантны ценностям «мужской культуры». Юноши, как и в случае размыш-

лений из индивидуальной перспективы, статистически значимо чаще, чем девушки-студентки, считают, что факультет должен быть более ориентирован на формат-исследования ($p < 0,01$), должен развивать фундаментальную науку ($p < 0,01$) и цифровые технологии ($p < 0,001$), а также технопарки ($p < 0,01$), работать в направлении снижения коррупции и повышения международного сотрудничества ($p < 0,01$), искать грантовую поддержку от государства и бизнеса ($p < 0,01$), развивать космические и оборонные технологии и ориентироваться на импортозамещение ($p < 0,01$), обновляя на факультете программное обеспечение и техническое оснащение ($p < 0,01$).

Логика предметной специфики факультета угадывается в ориентации на развитие исследований в медицине и в области биотехнологий — юноши упоминают это чаще, чем девушки ($p < 0,001$), кроме того, юноши считают необходимым развивать исследования в области туризма и транспорта ($p < 0,05$).

Девушки-студентки, весьма осторожно формулирующие индивидуальные предпочтения в области развития науки (среди отличительных особенностей по сравнению с юношами — ориентация

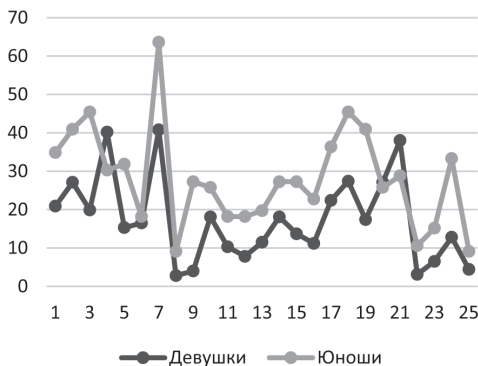

Рис. 5А. Приоритеты развития науки на alma-mater-факультете

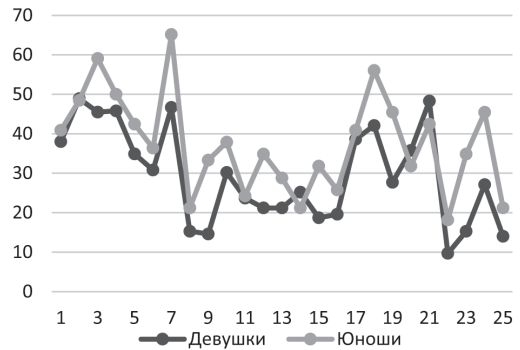

Рис. 5Б. Приоритеты развития науки в alma-mater-университете

на экологию), размышляя об интересах факультета, чаще, чем юноши, отмечают необходимость социогуманитарной поддержки цифровизации общества, важность оказания поддержки молодым исследователям и роль личностного развития ученого, однако различия не достигают уровня статистической значимости.

Относительно интересов университета в целом мнения студентов и студенток становятся более схожими. Юноши статистически значимо чаще, чем девушки, отмечают необходимость развития информационных технологий ($p < 0,01$), исследований в медицине ($p < 0,01$) и оборонной промышленности ($p < 0,01$), развития технопарков ($p < 0,05$) и наук о космосе ($p < 0,01$), поиск грантов от государства и бизнеса ($p < 0,001$), противодействие коррупции ($p < 0,01$), переориентацию науки на задачи импортозамещения ($p < 0,01$) и обновление программного обеспечения ($p < 0,01$). Девушки, размышляя об университете, чаще отмечают необходимость поддержки молодых ученых и личностного роста исследователей (различия статистически не значимы).

Также необходимо отметить, что при оценке университета девушки проявили активность, близкую к активности в суждениях у юношей, именно поэтому статистически значимых различий при оценке факультета у студентов и студенток значительно меньше.

Сравнительный анализ показателей студентов и студенток в области оценки развития науки из перспективы факультета и университета позволяет сформулировать две тенденции, которые требуют дальнейшей эмпирической проверки. Во-первых, юноши, изменяя фокус оценки событий, более вероятно сохраняют гендерно-центричные акценты (зависимые от критериев значимости, типичных для «мужской культуры»), то есть счита-

ют свою позицию, свои критерии оценки релевантными не только для себя (как индивида), но и для других (в данном случае — для институций). Следовательно, координаты «мужской культуры» в интерпретации юношей становятся как бы универсалиями для оценки окружающего мира.

Во-вторых, активность суждений у студентов выше в тех случаях, когда они выбирают для оценки удаленный субъект. Так, оценивая перспективы науки со своей точки зрения и даже с точки зрения факультета, студенты, особенно девушки, значительно реже помечают те или иные приоритеты. Однако при оценке развития науки с точки зрения университета вместе с дистанцией (между индивидом и институцией) растет и активность студентов в оценке потребностей университетской науки.

В обобщенном виде эта тенденция представлена на рис. 6А и 6Б.

При размышлении о развитии науки на уровне факультета показатели юношей-студентов статистически значимо чаще превышают показатели девушек во всех сферах анализа, а при оценке будущего науки в университете — только в области чувствительности к политическим изменениям.

На рисунке эти изменения очевидны, особенно значительное повышение показателей у девушек-студенток, которые, размышляя о судьбе университета, активнее указывают на различные приоритеты для развития университетской науки.

Результаты исследования: перспективы развития российской и мировой науки

Кроме позиций факультета и almaty-университета студенты оценивали приоритеты развития науки из

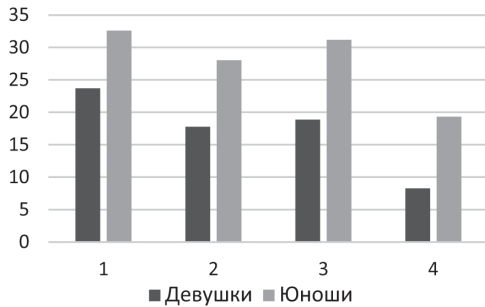

Рис. 6А. Как развивать научные проекты на alma-mater-факультете:

- 1 – традиционные представления о развитии науки; 2 – ориентация на актуальные тенденции; 3 – проблемы социально-экономической депривированности; 4 – чувствительность к политическим изменениям

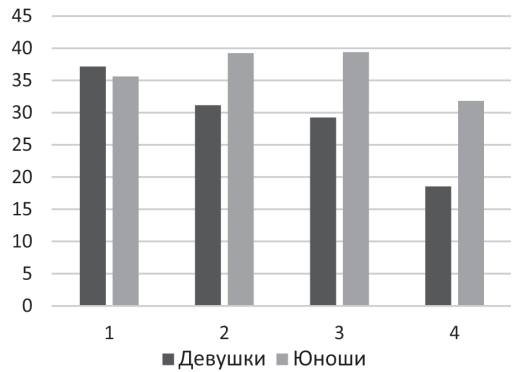

Рис. 6Б. Как развивать научные проекты в alma-mater-университете:

перспектив – национальной, российской науки (рис. 7А), мировой науки (рис. 7Б), а также разделенной науки – стран Запада (рис. 8А) и стран Востока (рис. 8Б). Поскольку статистически значимые различия по пунктам опросника у студентов и студенток обнаружили в единичных позициях, проанализируем основные тенденции суждений на обобщенном материале четырех изучаемых областей: 1) традиционные представления о развитии науки; 2) ориентация на актуальные тенденции; 3) блок социально-экономической депривированности; 4) чувствительность к политическим изменениям.

Согласно рис. 7, о перспективах развития российской науки студенты и студентки высказывались заинтересованнее, особенно девушки-студентки, что проявилось в более высоких показателях по трем измеряемым областям – актуальные тенденции (различия статистически значимы; $p < 0,05$), проблемы социально-экономической депривированности и политизированности науки (различия статистически значимы; $p < 0,05$).

Что касается перспектив развития мировой науки, совпадения с российской наукой студенты видят только в традиционном контексте – в вопросах свободы и личностного роста ученого, свободы научной коммуникации, в развитии фундаментальной науки. Принципиальных различий между наукой стран Запада и Востока студенты не видят, отмечая примерно одинаковые позиции без статистически значимых различий (см. рис. 9).

При переходе на рассуждения о противопоставлении наук стран Запада и Востока различия между позициями девушек и юношей как бы стираются, отсутствие понятных усвоенных стереотипов о том, «что надо считать по данному вопросу», приводит к воспроизводству общего мнения о науках Востока и Запада.

Поскольку в процессе данного исследования изучалась тенденция у студентов рассматривать развитие науки как личный проект, в конце сумма всех выборов, которые сделали юноши и девушки в процессе опроса, раскрыла личную заинтересованность в развитии науки у студентов и студенток (рис. 9).

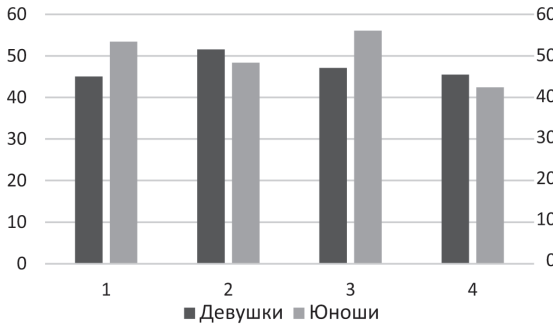

Рис. 7А. Представления о развитии российской науки:

1 – традиционные представления о развитии науки; 2 – ориентация на актуальные тенденции; 3 – проблемы социально-экономической депривированности; 4 – чувствительность к политическим изменениям

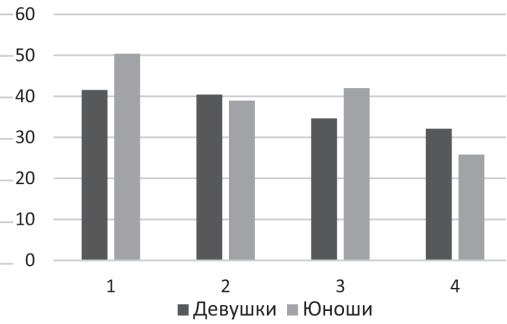

Рис. 7Б. Представления о развитии мировой науки:

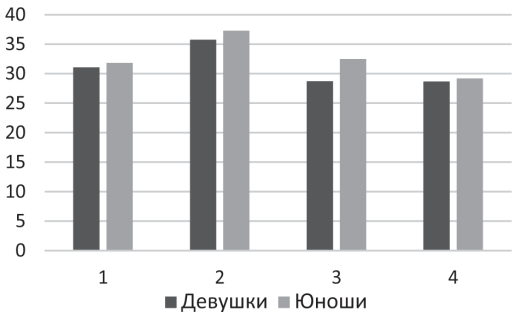

Рис. 8А. Представления о развитии российской науки:

1 – традиционные представления о развитии науки; 2 – ориентация на актуальные тенденции; 3 – проблемы социально-экономической депривированности; 4 – чувствительность к политическим изменениям

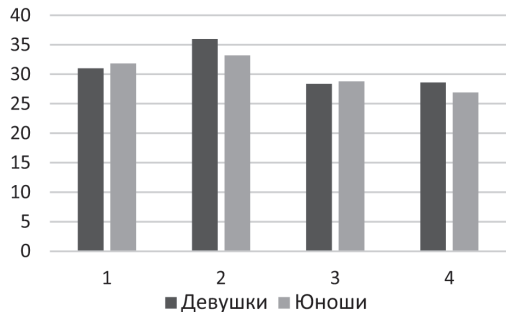

Рис. 8Б. Представления о развитии мировой науки:

На уровне собственной жизни («личная значимость», «готовность действовать») юноши охотнее, чем девушки, делают отметки, определяя приоритеты развития науки. Размышляя о своем факультете и университете, студентки становятся активнее и менее значительно отстают от студентов. На уровне развития российской и мировой науки активность в заполнении позиций опросника у юношей и девушек практически совпадает. Таким образом, девушки не менее,

чем юноши, заинтересованно транслируют свои позиции в отношении развития науки вообще, однако они не воспринимают науку именно как личный проект, поэтому предпочитают отмалчиваться, когда речь заходит о связи науки с собственной жизнью.

Развитие науки как личный проект: дискуссии

Высокий интерес студентов к перспективным научным изысканиям и инноваци-

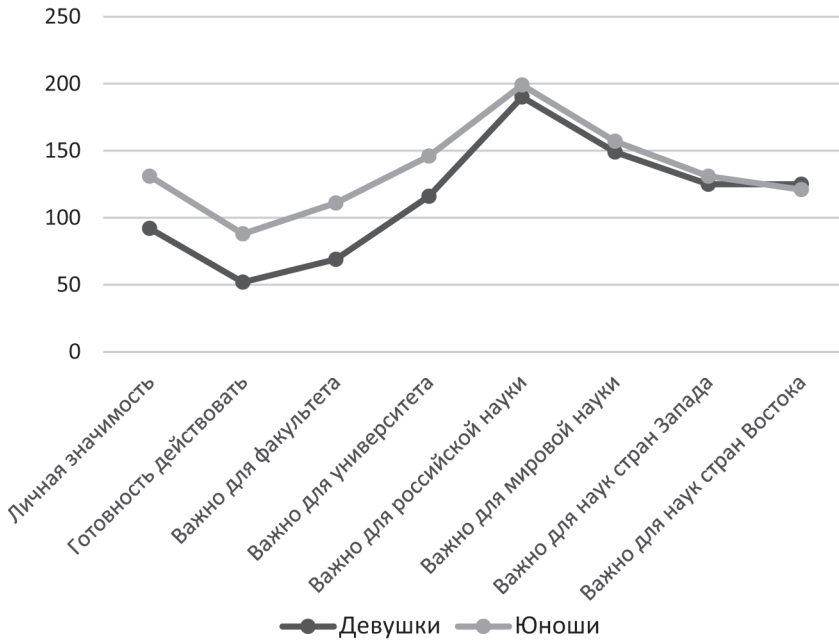

Рис. 9. Общая активность (частота выборов) в оценке развития науки

ям, по мнению социологов, сосредоточен в области медицинских (био)технологий, включая разработку средств для активного долголетия, и в области прикладных космических исследований [7].

Представленные результаты не противоречат ранее обнаруженным закономерностям, а конкретизируют их: представления о приоритетах развития науки сопряжены с социальным мировосприятием, поэтому у юношей размышления о будущем науки коррелируют с ценностями мужской культуры (ориентация на статус, обеспечение конкуренции через преодоление nepотизма (семейственность) в науке, технические компетенции и т.п.), а девушки проявляют большую заинтересованность в экологических проектах, что исследователями связывается с заботой о будущем детей [15].

Также проблемы воспроизводства научных кадров и мотивация к научной

деятельности у студентов и аспирантов постоянно находятся в фокусе исследований развития науки [2; 21; 28], и итоги, как правило, согласуются с результатами данного научного проекта о более активной демонстрации юношами планов возможного участия в научной деятельности.

Заинтересованность в научной карьере связывается с миграционными планами у юношей-аспирантов [29], что созвучно и данному исследованию, поскольку высокие показатели в области социально-экономической депривированности, указывающие на недофинансирование науки, коррупцию или nepотизм (более половины юношей считают это актуальным для российской науки), могут быть связаны с миграционными намерениями.

В целом, результаты проведенного исследования показывают достаточно традиционную картину воспроизводства науки (научной жизни) как проекта

мужской жизни: юноши не только более активно указывают на различные аспекты развития научных приоритетов, но и чаще считают науку близкой, значимой для своих целей, демонстрируют готовность личного участия в различных научных проектах.

Что же касается девушек-студенток, обучающихся на факультетах «помогающих профессий» (психологов, врачей, педагогов), они транслируют интерес к науке вообще, однако эта наука имеет весьма далекое отношение к их планам и профессиональной жизни.

В то же время, согласно исследованиям, в последние годы обнаруживается обнадеживающая тенденция предпочтения россиянами науки как сферы развития карьеры не только для своих сыновей, но и дочерей [11], при этом мнение семьи и широкого социума среди причин выбора девушками академической карьеры — одна из современных популярных тем [5; 6; 17].

Сказывается ли это на изменении отношения девушек к выбору академической карьеры?

Результаты данного исследования показывают, что студентки могут активно участвовать в обсуждении проблем науки, иметь в чем-то схожие, в чем-то различные суждения в сравнении с юношами-студентами, однако их активность угасает, как только речь заходит о личном вкладе и личном участии. Образование, кругозор и эмпатия девушек поддерживают их интерес к проблемам «академического мира», но у них по-прежнему сохраняется установка, что «академический мир — не для меня».

Действительно, гендерная социализация формирует границы горизонта индивидуального предназначения [12; 25; 26], а современные образованные родители предпринимают усилия для разрушения стереотипов, блокирующих развитие ин-

дивидуальных способностей. И если бы только стереотипы управляли установками девушек, возможно, движение в сторону сближения мужских и женских стереотипов о научной работе чаще бы фиксировалось при анализе эмпирики.

Однако кроме «ментальных стереотипов» повседневно формируется сложившимися практиками — как на уровне индивида, так и на уровне сообществ, и согласно этим практикам в последнее время по-прежнему наблюдается отток женщин из научной сферы [8], в том числе за счет прерывания обучения в аспирантуре по причинам семейного характера [4].

Таким образом, только изменения гендерных стереотипов в области науки недостаточно, необходимо усиление Я-концепции девушек, имеющих способности к научной деятельности, а также различного рода социальные программы, помогающие девушкам без драматичного выбора объединять профессиональную жизнь в науке, семью и материнство.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют заключить следующее:

1. В региональных университетах студентки, обучающиеся на факультетах «помогающих профессий», демонстрируют заинтересованность в развитии науки вообще, однако не рассматривают науку как «личный проект», ориентированы на воспроизводство традиционного взгляда на науку (как «неженское» пространство самореализации).

2. Студенты, обучающиеся на факультетах «помогающих профессий», определяя приоритеты научного развития, формулируют их согласованно с ценностями и приоритетами «мужской культуры»: технологический крен в содержательном определении приоритетов развития науки дополняется пониманием роли

конкуренции в научном поле (проблема-тизируются экономическая уязвимость, коррупционные преграды, включая nepotизм) и ориентацией на высокий статус ученого в обществе.

3. При изучении социальных представлений и установок студентов в области развития науки был выявлен феномен позитивной оценки удаленного объекта. На индивидуальном уровне все участники исследования более сдер-

жанно формулировали свои установки и притязания в области научной сферы, особенно это было характерно для девушек. Однако при смещении фокуса оценивания (от индивида к институтам и институтам) студенты увереннее и активнее проявляли социальные установки в области развития науки. Наиболее общие социальные представления (разделенные большинством) у опрошенных студентов — о российской науке.

Приложение

Анкета «Научные приоритеты» (Радина Н.К.)

Инструкция: Перед Вами — возможные приоритеты развития науки в ближайшем будущем. Отметьте, пожалуйста, те позиции, которые, на Ваш взгляд, наиболее точно отражают реальность сегодняшнего дня (с учетом различных мнений и позиций). Вы можете отметить любое число приоритетов (на Ваше усмотрение).

Позиции (приоритеты)

1. Форсайт-исследования (прогнозирование и конструирование будущего).
2. Развитие фундаментальной науки.
3. Развитие информационных технологий и обустройство российской цифровой информационной среды.
4. Социогуманитарная поддержка цифровизации общества (исследования в области социальных и гуманитарных наук).
5. Развитие стратегических компьютерных технологий и программного обеспечения.
6. Научное сопровождение развития креативных индустрий (литературного творчества, дизайна, телевидения, музыкального искусства, моды, архитектуры, разработки программного обеспечения для креативных индустрий и др.).
7. Развитие исследований в медицине и в области биотехнологий для улучшения человеческой жизни.
8. Развитие исследований в области туризма и транспорта.
9. Исследования, ориентированные на оборонную промышленность и безопасность своей страны.
10. Развитие социогуманитарных исследований в области противодействия современным информационным, биологическим и т.д. угрозам.
11. Исследования, ориентированные на решение экологических проблем (включая все возможные научные поля).
12. Развитие технопарков для реализации инновационных проектов.
13. Экономическое благополучие ученых.
14. Свободное творчество и мобильность ученых вне рамок и границ.
15. Противодействие коррупции в обществе и науке.

16. Конкуренция в науке: построение карьеры с опорой на достижения, противодействие «кастовости» и семейственности в науке, блокирующим исследователей без «связей».

17. Научное международное сотрудничество исследовательских групп, центров и университетов.

18. Грантовая поддержка науки со стороны государства.

19. Грантовая поддержка науки и заказы со стороны бизнеса.

20. Личностный рост ученого.

21. Поддержка молодых (начинающих) исследователей.

22. Развитие наук о космосе, космических аппаратах и исследования в космосе.

23. Переориентация научных исследований на задачи импортозамещения.

24. Обновление программного обеспечения и материально-технического оснащения научных подразделений.

25. Развитие исследований в области противодействия санкциям недружественных стран (право, экономика, финансы и т.д.).

Модальности:

1. Важно для меня

2. Готов участвовать

3. Важно для моего факультета

4. Важно для моего университета

5. Важно для российской науки

6. Важно для развития науки и университетов в странах Востока

7. Важно для развития науки и университетов в странах Запада

8. Важно для развития науки вне границ и времен.

Анализ анкеты проводится на основе следующих блоков информации:

- *Традиционные представления о развитии науки* (п. 2, 14, 17, 20).
- *Ориентация на актуальные тенденции* (п. 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12, 22).
- *Блок социально-экономической депривированности* (п. 13, 15, 16, 18, 19, 21, 24).
- *Чувствительность к политическим изменениям* (п. 9, 10, 23, 25).

Литература

1. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия. М.: Аспект Пресс, 2002. 288 с.
2. Бажин К.С., Шкурихина В.М. Актуальность студенческой научной деятельности: результаты анкетирования // Вестник ВятГУ. 2006. № 14. С. 255–258.
3. Богданова И.Ф. Женщины в науке: вчера, сегодня, завтра // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 103–112.
4. Брушкова А.Л., Прохорова И.Г. Гендерное равенство в науке: достижения и проблемы // Вестник РГГУ. 2021. № 1 (ч. 2). С. 209–217. DOI:10.28995/2073-6401-2021-1-209-217
5. Вилкова К.А., Лебедева Н.В. Динамика академической мотивации в университете: есть ли гендерные различия? // Психологические исследования. 2020. Том 13. № 74. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.08.2022).
6. Гаврилова Е.В., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Трансляция научного опыта и личностное знание // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 28–35.

7. Гордеева И.В. Анализ мнений студентов экономического вуза о перспективах научно-технического прогресса // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 1. С. 57–62.
8. Доброхлеб В.Г. Женщины в российской науке как потенциал ее развития // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 80–89. DOI:10.21064/WinRS.2021.2.6
9. Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 97–107. DOI:10.31857/S013216250004014-8
10. Зубковская О.Н., Сивуха С.В. Социальные представления // Социология: Энциклопедия. Минск: Книжный ДОМ, 2003. 1312 С.
11. Индикаторы науки 2020: Стат. сб. / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 496 с. DOI:10.17323/978-5-7598-2184-7
12. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Нормы мужского и женского поведения в оценках студенческой молодежи // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. 2016. Т. 17(3). С. 61–72.
13. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
14. Костина А.В. Женщина в науке и философии: доминирующие мифы и действительность // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 66–78. DOI:10.17805/zpu.2017.1.3
15. Лепорту Д. Женщины больше озабочены экологическими вопросами, чем мужчины? // Иностранная пресса о России и не только. Press digest 26 ноября 2021 г. URL: <https://www.inopressa.ru/article/27Aug2020/slatefr/ecology.html> (дата обращения: 12.08.2022).
16. Мальшева М.М. Естественные и технические науки для женщин в XXI веке // Народонаселение. 2016. № 3. С. 76–85.
17. Попова И.П. Формирование карьерного старта в науке: влияние семьи и социального контекста // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 101–112. DOI:10.31857/S013216250017245-2
18. Пушкарева Н.Л. Женщины в российской науке конца XX–начала XXI века: обобщение количественных характеристик // Женщина в российском обществе. 2010. № 3(56). С. 24–35.
19. Пушкарева Н.Л. Женщины в советской науке. 1917–1980-е гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 92–102.
20. Радина Н.К., Никитина А.А. Социальная психология мужественности: социально-конструктивистский подход. М.: Боргес, 2011.
21. Разинская В.Д., Жирякова Е.С., Кузьмина Н.В. Проблемы формирования образа науки у современных студентов // Дискуссия. 2013. № 11(41). С. 78–82.
22. Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 306 с.
23. Савинская О.Б. Гендерное равенство в STEM-программах дошкольного образования как фактор успешного технологического развития России // Женщина в российском обществе. 2016. № 3(80). С. 16–25.
24. Савинская О.Б., Лебедева Н.В. Почему женщины уходят из STEM: роль стереотипов // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 62–75. DOI:10.21064/WinRS.2020.2.6
25. Савинская О.Б., Мхитарян Т.А. Технические дисциплины (STEM) как девичий профессиональный выбор: достижения, самооценка и скрытый учебный план // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 34–48. DOI:10.21064/WinRS.2018.3.4
26. Семенова Л.Э., Семенова В.Э. Гендерная психология. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2021. 309 с.
27. Силласте Г. Гендерная асимметрия как фактор карьерного роста женщин // Высшее образование в России. 2004. № 3. С. 122–133.
28. Силласте Г.Г. Наука как сфера самореализации женщин и социогендерный потенциал ее развития // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 3–17. DOI:10.21064/WinRS.2021.4.1

29. Собкин В.С., Смылова М.М., Коломиец Ю.О. Миграционные установки аспирантов: к вопросу об «утечке мозгов» [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 3. С. 61–79. DOI:10.17759/psyedu.2020120304
30. Хоткина З.А., Доброхлеб В.Г., Русанова Н.Е. Гендерные проблемы в современной России и методология их анализа // Народонаселение. 2018. Том 21. № 4. С. 135–149. DOI:10.26653/1561-7785-2018-21-4-12
31. Швецова А.В. Барьеры профессионального развития молодых ученых в гендерно-дифференцированной среде научного сообщества // Женщина в российском обществе. 2021. № 1. С. 83–93. DOI:10.21064/WinRS.2021.1.7
32. Шевченко И.О. Занятость в научной сфере в гендерном контексте // Вестник РГГУ. 2021. № 1(2). С. 218–230. DOI:10.28995/2073-6401-2021-1-218-230
33. Barnett R.C., Sabatini L. A Short History of Women in Science: From Stone Walls to Invisible Walls // Women and Science / American Enterprise Institute (ed.). Washington: DC, 2010. P. 1–10.
34. Steinke J. Adolescent Girls' STEM Identity Formation and Media Images of STEM Professionals: Considering the Influence of Contextual Cues // Front Psychol. 2017. 8: 716. DOI:10.3389/fpsyg.2017.00716
35. Stoet G., Geary D.C. The gender-equality paradox in science, technology, engineering, and mathematics education // Psychological science. 2018. Vol. 29(4). P. 581–593. DOI:10.1177/0956797617741719

References

1. Andreeva G.M., Bogomolova N.N., Petrovskaya L.A. Zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya XX stoletiya [Foreign social psychology of the XX century]. Moscow: Aspekt Press, 2002. 288 p. (In Russ.).
2. Bazhin K.S., Shkurikhina V.M. Aktual'nost' studencheskoy nauchnoy deyatel'nosti: rezul'taty anketirovaniya [The relevance of student scientific activity: the results of a survey]. *Vestnik VyatGU = Herald of Vyatka State University*, 2006, no. 14, pp. 255–258. (In Russ.).
3. Bogdanova I.F. Zhenshchiny v nauke: vchera, segodnya, zavtra [Women in Science: Yesterday, Today, Tomorrow]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*, 2004, no. 1, pp. 103–112. (In Russ.).
4. Brushkova A.L., Prokhorova I.G. Gendernoye ravenstvo v nauke: dostizheniya i problemy [Gender equality in science: achievements and problems]. *Vestnik RGGU = RSUH/RGGU Bulletin*, 2021, no. 1(2), pp. 209–217. DOI:10.28995/2073-6401-2021-1-209-217 (In Russ.).
5. Vilkoва K.A., Lebedeva N.V. Dinamika akademicheskoy motivatsii v universitete: yest' li gendernyye razlichiya? [Elektronnyi resurs] [Dynamics of academic motivation at the university: are there gender differences?]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2020. Vol. 13, no. 74, pp. 1–19. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 12.08.2022). DOI:10.54359/ps.v13i74.167 (In Russ.).
6. Gavrilova E.V., Ushakov D.V., Yurevich A.V. Translyatsiya nauchnogo opyta i lichnostnoye znaniye [Translation of scientific experience and personal knowledge]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*, 2015, no. 9, pp. 28–35. (In Russ.).
7. Gordeeva I.V. Analiz mneniy studentov ekonomicheskogo vuza o perspektivakh nauchno-tekhnicheskogo progressa [Analysis of the opinions of students of an economic university on the prospects for scientific and technological progress]. *Sovremennyye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*, 2020, no. 1, pp. 57–62. (In Russ.).
8. Dobrokhleb V.G. Zhenshchiny v rossiyskoy nauke kak potentsial yeye razvitiya [Women in Russian science as a potential for its development]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*, 2021, no. 2, pp. 80–89. DOI:10.21064/WinRS.2021.2.6 (In Russ.).
9. Dolgova E.A., Streltsova E.A. «Dobro pozhalovat' v klub»: polozheniye zhenshchin v sovetskoy nauke 1920-kh godov [“Welcome to the club”: the position of women in Soviet science in the 1920s].

- Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*, 2019, no. 2, pp. 97–107. DOI:10.31857/S013216250004014-8 (In Russ.).
10. Zubkovskaya O.N., Sivukha S.V. Sotsial'nyye predstavleniya [Social representations]. *Sotsiologiya: Entsiklopediya = Sociology: Encyclopedia*. Minsk: Knizhnyi DOM, 2003. 1312 p. (In Russ.).
 11. Gokhberg L.M. et al. Indikatory nauki 2020: statisticheskiy sbornik [Science and Technology Indicators in the Russian Federation: 2020: Data Book]. In Gokhberg L.M. (eds.) Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2020. 496 p. DOI:10.17323/978-5-7598-2184-7 (In Russ.).
 12. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Normy muzhskogo i zhenskogo povedeniya v otsenkakh studencheskoy molodezhi [Norms of male and female behavior in student youth assessments]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. Nauchno-informatsionnyi zhurnal = Human. Community. Management. Scientific Journal*, 2016. Vol. 17(3), pp. 61–72. (In Russ.).
 13. Kon I.S. Muzhchina v menyayushchemsya mire [A man in a changing world]. Moscow: Vremya, 2009. 496 p. (In Russ.).
 14. Kostina A.V. Zhenshchina v nauke i filosofii: dominiruyushchiye mify i deystvitel'nost' [Woman in Science and Philosophy: Dominant Myths and Reality]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2017, no. 1, pp. 66–78. DOI:10.17805/zpu.2017.1.3 (In Russ.).
 15. Leportois D. Zhenshchiny bol'she ozabocheny ekologicheskimi voprosami, chem muzhchiny? [Elektronnyi resurs] [Are women more concerned about environmental issues than men?]. *Inostrannaya pressa o Rossii i ne tol'ko = InoPressa. Press digest*. URL: <https://www.inopressa.ru/article/27Aug2020/slatefr/ecology.html> (Accessed 12.08.2022). (In Russ.).
 16. Malysheva M.M. Estestvennyye i tekhnicheskiye nauki dlya zhenshchin v XXI veke [Natural and technical sciences for women in the XXI century]. *Narodonaselenie = Population*, 2016, no. 3, pp. 76–85. (In Russ.).
 17. Popova I.P. Formirovaniye kar'yernogo starta v nauke: vliyaniye sem'i i sotsial'nogo konteksta [Formation of a career start in science: the influence of family and social context]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*, 2021, no. 12, pp. 101–112. DOI:10.31857/S013216250017245-2 (In Russ.).
 18. Pushkareva N.L. Zhenshchiny v rossiyskoy nauke kontsa XX–nachala XXI veka: obobshcheniye kolichestvennykh kharakteristik [Women in Russian science in the late XX–early XXI century: generalization of quantitative characteristics]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*, 2010, no. 3(56), pp. 24–35. (In Russ.).
 19. Pushkareva N.L. Zhenshchiny v sovetskoy nauke. 1917–1980-ye gg. [Women in Soviet science. 1917–1980s]. *Voprosy istorii = Issues of History*, 2011, no. 11, pp. 92–102. (In Russ.).
 20. Radina N.K., Nikitina A.A. Sotsial'naya psikhologiya muzhestvennosti: sotsial'no-konstruktivistitskiy podkhod [Social psychology of masculinity: social constructivist approach]. Moscow: Borges, 2011. 168 p. (In Russ.).
 21. Razinskaya V.D., Zhiryakova E.S., Kuzminova N.V. Problemy formirovaniya obraza nauki u sovremennykh studentov [Problems of formation of the image of science among modern students]. *Diskussiya = Discussion*, 2013, no. 11(41), pp. 78–82. (In Russ.).
 22. Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskiy podkhod [Russian gender order: a sociological approach]. Zdravomyslova E. (eds.). Saint-Petersburg: EUSP Press, 2007. 306 p. (In Russ.).
 23. Savinskaya O.B. Gendernoye ravenstvo v STEM-programmakh doshkol'nogo obrazovaniya kak faktor uspeshnogo tekhnologicheskogo razvitiya Rossii [Gender Equality in STEM Preschool Education Programs as a Factor of Russia's Successful Technological Development]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*, 2016, no. 3(80), pp. 16–25. (In Russ.).
 24. Savinskaya O.B., Lebedeva N.V. Pochemu zhenshchiny ukhodyat iz STEM: rol' stereotipov [Why women leave STEM: the role of stereotypes]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*, 2020, no. 2, pp. 62–75. DOI:10.21064/WinRS.2020.2.6 (In Russ.).

25. Savinskaya O.B., Mkhitaryan T.A. Tekhnicheskiye distsipliny (STEM) kak devichiy professional'nyy vybor: dostizheniya, samootsenka i skrytyy uchebnyy plan [Technical disciplines (STEM) as a girl's professional choice: achievements, self-assessment and hidden curriculum]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*, 2018, no. 3, pp. 34–48. DOI:10.21064/WinRS.2018.3.4 (In Russ.).
26. Semenova L.E., Semenova V.E. Gendernaya psikhologiya [Gender psychology]. Moscow: INFRA-M, 2021. 309 p. (In Russ.).
27. Sillaste G. Gendernaya asimmetriya kak faktor kar'yernogo rosta zhenshchin [Gender Asymmetry as a Factor of Women's Career Growth]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2004, no. 3, pp. 122–133. (In Russ.).
28. Sillaste G.G. Nauka kak sfera samorealizatsii zhenshchin i sotsiogensdernyy potentsial yeye razvitiya [Science as a sphere of self-realization of women and the socio-gender potential of its development]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*, 2021, no. 4, pp. 3–17. DOI:10.21064/WinRS.2021.4.1 (In Russ.).
29. Sobkin V.S., Smyslova M.M., Kolomiets Yu.O. Migratsionnyye ustanovki aspirantov: k voprosu ob «utechke mozgov» [Elektronnyi resurs] [Migration installations of graduate students: on the issue of “brain drain”]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2020. Vol. 12, no. 3, pp. 61–79. DOI:10.17759/psyedu.2020120304 (In Russ.).
30. Khotkina Z.A., Dobrokhleb V.G., Rusanova N.E. Gendernyye problemy v sovremennoy Rossii i metodologiya ikh analiza [Gender problems in modern Russia and methodology of their analysis]. *Narodonaselenie = Population*, 2018. Vol. 21, no. 4, pp. 135–149. DOI:10.26653/1561-7785-2018-21-4-12 (In Russ.).
31. Shvetsova A.V. Bar'yery professional'nogo razvitiya molodykh uchenykh v gendernodifferentsirovannoy srede nauchnogo soobshchestva [Barriers to the professional development of young scientists in a gender-differentiated environment of the scientific community]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*, 2021, no. 1, pp. 83–93. DOI:10.21064/WinRS.2021.1.7 (In Russ.).
32. Shevchenko I.O. Zanyatost' v nauchnoy sfere v gendernom kontekste [Employment in the scientific field in a gender context]. *Vestnik RGGU = RSUH/RGGU Bulletin*, 2021, no. 1(2), pp. 218–230. DOI:10.28995/2073-6401-2021-1-218-230 (In Russ.).
33. Barnett R.C., Sabattini L. A Short History of Women in Science: From Stone Walls to Invisible Walls / Women and Science. American Enterprise Institute (ed.). Washington: DC, 2010. pp. 1–10.
34. Steinke J. Adolescent Girls' STEM Identity Formation and Media Images of STEM Professionals: Considering the Influence of Contextual Cues. *Frontiers in Psychology*, 2017, no. 8, Article 716. DOI:10.3389/fpsyg.2017.00716
35. Stoet G., Geary D.C. The gender-equality paradox in science, technology, engineering, and mathematics education. *Psychological science*, 2018. Vol. 29(4), pp. 581–593. DOI:10.1177/0956797617741719

Информация об авторах

Рафина Надежда Константиновна, доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ФГАОУ ВО ННГУ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Семенова Лидия Эдуардовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижего-

родский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ФГАОУ ВО ННГУ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5077-394X>, e-mail: verunehka08@list.ru

Козлова Анастасия Владимировна, магистр лингвистики, инженер-исследователь, Департамент разработки и тестирования программного обеспечения, ООО «ХАРМАН», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2629-9157>, e-mail: anastasia_kozlova94@mail.ru

Information about the authors

Nadezhda K. Radina, Doctor of Political Science, PhD in Psychology, Professor, Professor of the Department of General and Social Psychology, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Lidia E. Semenova, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General and Social Psychology, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5077-394X>, e-mail: verunehka08@list.ru

Anastasia V. Kozlova, Master in Linguistics, Research Engineer, Software Development and Testing Department, Harman International Industries, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2629-9157>, e-mail: anastasia_kozlova94@mail.ru

Получена 18.09.2022

Received 18.09.2022

Принята в печать 14.11.2022

Accepted 14.11.2022

Стереотипизация как оружие пропаганды холодной войны: воинская маскулинность в советской песне

Рябова Т.Б.

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена),**

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5270-7911>, e-mail: riabova2001@inbox.ru

Цель. Исследовать, как советская пропаганда холодной войны использовала стереотип маскулинности в репрезентациях военнослужащих СССР и США.

Контекст и актуальность. Актуальность обусловлена необходимостью изучения приемов и ресурсов создания образа врага. Впервые в качестве ресурса пропаганды холодной войны анализируется такой источник, как песня.

Дизайн исследования. Для проверки гипотезы о том, что советская песня о военных содержит два модуса стереотипа маскулинности (мужской стереотип как таковой и стереотип советского мужчины), сначала изучались характеристики военных СССР и США, далее они соотносились с мужским стереотипом, затем — со стереотипом советской маскулинности.

Методы (инструменты). Массивом информации для анализа выступили тексты 190 советских песен (1946–1991), в которых присутствуют образы военнослужащих СССР и США. Метод исследования — контент-анализ: количественный и качественный. Смысловые единицы анализа: качества и социальные роли, приписываемые мужчине и советскому мужчине.

Результаты. Дана оценка роли гендерной стереотипизации в репрезентациях «своих» и «чужих» на материале такого источника, как песня. Показано влияние советской идеологии на корректировку содержания стереотипа мужчины. Установлено, что для создания репрезентаций военнослужащих СССР и США привлекались два модуса стереотипа маскулинности: и «свои», и «чужие» оценивались через призму, с одной стороны, стереотипа настоящего мужчины (сила, отвага, выдержка и др.), с другой — стереотипа советского мужчины (коллективизм, патриотизм, отзывчивость и др.).

Выводы. 1) Песня выступала одним из ресурсов конструирования образа врага. 2) Гендерная стереотипизация являлась востребованным приемом пропаганды холодной войны. 3) Подтверждены основные закономерности стереотипизации: «свои» репрезентируются более нюансировано и позитивно, чем «чужие».

Ключевые слова: стереотипизация, гендерные стереотипы, маскулинность, пропаганда, советская песня, холодная война, образ врага.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/> в ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена.

Для цитаты: Рябова Т.Б. Стереотипизация как оружие пропаганды холодной войны: воинская маскулинность в советской песне // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 90–106. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130406>

Stereotyping as a Weapon of Cold War Propaganda: Military Masculinity in Soviet Songs

Tatiana B. Riabova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5270-7911>, e-mail: riabova2001@inbox.ru

Objective. *The article examines how the Cold War propaganda employed the male stereotype in the representations of the Soviet and U.S. militaries.*

Background. *The relevance is determined by necessity to study the methods and resources, which are used in creating the image of the enemy. For the first time the Soviet songs have been analyzed as a weapon of the Cold War propaganda.*

Study design. *The research hypothesis was that the Soviet songs about the militaries contained two components related to masculinity. First, the identified characteristics of the militaries have been compared to the male stereotype per se; then – to the stereotype of Soviet masculinity.*

Measurements. *The research materials consist of 190 Soviet songs (1946–1991) which contain the images of Soviet and U.S. militaries. Content analysis serves as the research method. The units for analysis: features and social roles attributed to a man and to a Soviet man.*

Results. *The role of gender stereotyping in representations of “us” and “them”, in creating the image of the enemy has been examined on the data of the songs. The influence of the Soviet ideology on correcting male stereotype has been investigated. It was established that two modes of male stereotype used for creating the representations of Soviet and US militaries: both “us” and “them” were estimated through the light of stereotype of “real man”, on the one hand (strength, courage, self-control, and others), and through the light of stereotype of Soviet man, on the other hand (collectivism, patriotism, mercy, and others).*

Main conclusions. *First, Song served one of resources in creating the image of Enemy; second, gender stereotyping functioned as an important method of the Cold War propaganda; third, main regularities of social stereotyping have been confirmed: “us” were represented in more detailed and more positive ways, then “them”.*

Keywords: *stereotyping, gender stereotypes, masculinity, propaganda, soviet song, Cold war, image of enemy.*

Funding. *The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 22-18-00305, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/> at the Herzen State Pedagogical University of Russia.*

For citation: Riabova T.B. Stereotyping as a Weapon of Cold War Propaganda: Military Masculinity in Soviet Songs. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 90–106. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130406> (In Russ.).

Введение

Стереотипизация является эффективным оружием пропаганды (см. об этом, например: [20]). Предполагающая навязывание определенной точки зрения и установление того, что есть норма и что есть девиация, пропаганда по самой своей сути связана с дискурсивным производ-

ством «своих» (тех, кто этой норме следует) и «чужих» (тех, кто ее нарушает). Подобный бинаризм пропагандистского дискурса включает в себя формирование оценок и на их основе иерархических отношений между «своими» и «чужими». В политической пропаганде эта дифференциация наиболее важна; напомним,

что, по оценке К. Шмитта, разделение на друзей и врагов выражает саму сущность политического [13]. Особую значимость имеет такой модус репрезентаций «чужих», как образ врага.

Богатый материал для исследования того, как пропаганда при помощи стереотипов создавала образы «своих» и «чужих», дает эпоха холодной войны, когда СССР и США репрезентировали друг друга в качестве «врага номер один». Мы остановимся на использовании советской пропагандой такого вида стереотипов, как гендерные — тем более, что вопросы гендерных и семейных отношений занимали важное место в советско-американской конфронтации, как показано в работах многих отечественных и зарубежных исследователей (например, [8; 21; 22; 26]). Стереотип маскулинности имеет особое значение, что связано с тем, что в ходе военно-политических конфликтов наиболее востребованными оказываются стереотипно мужские черты. Кроме того, те характеристики, которые являются атрибутами образа врага (прежде всего, опасность), ассоциируются, в первую очередь, с образом мужчины¹.

В качестве источников в нашем исследовании выступает такой вид массовой культуры, как песня. В отличие от кинематографа, роль которого в холодной войне анализируется интенсивно (см. о кинематографической холодной войне: [30, с. 123; 33]), музыка в контексте конфронтации сверхдержав изучается пока недостаточно (среди работ, заслуживающих отдельного упоминания, отметим: [14; 19; 31]). Еще меньше «повезло» песне, исследование функций которой как оружия холодной войны только начинается. Между тем роль песни в советской

пропаганде сложно переоценить [2]; она выступала важным инструментом формирования идейных убеждений и нравственных качеств советского человека [3; 11]. С одной стороны, песни в большей или меньшей степени отражали официальную точку зрения; они, подвергаясь всем формам идеологического контроля, выполняли пропагандистские функции. С другой стороны, песня обладает рядом специфических свойств, которые отличают ее от других видов массовой культуры, используемых в создании образов «своих» и «чужих». Прежде всего, это интерактивность: советский человек не только слушал песни, но и исполнял их, а иногда и сочинял. Далее, это массовость: песни звучали не только со сцены, но также по радио и телевидению, на танцплощадках, на строевом плацу, за праздничным столом. Затем это эмоциональность: песни были ориентированы на особый отклик человека. Кроме того, необходимо принимать во внимание, что некоторые поджанры песни (например, авторская и так называемая дворовая песня) в меньшей степени контролировались властями, чем, скажем, кинематограф. Наконец, это синтетический характер создания образа в песнях, объединение в них стихотворного текста и музыки, что делало их особенно эффективным инструментом убеждения; при этом следует учитывать и связанные с этим ограничения: при создании идеологических меседжей на выбор авторами слов влияют как жанр музыки, так и закономерности поэтического творчества (рифмы, стихотворный размер и т.д.). Материалом для анализа выступают тексты советских песен, содержащие репрезентации военнослужащих СССР и США.

¹ Показательно, что и в межличностных отношениях опасность в большей степени ассоциируется с врагом-мужчиной [6].

Методология исследования

Чем определяется интерес пропаганды к стереотипам? Социальные стереотипы можно характеризовать как восприятие кого-либо в категориях группового членства. Представление о группе считается стереотипным, если оно устойчиво, схематично, широко разделяется в обществе и содержит в себе оценку (см. подробнее: [24; 27; 32; 35]). Стереотипизацию можно рассматривать в качестве дискурсивной практики производства значений, а стереотипы — как элемент дискурса и репрезентаций [9]. Будучи пластичными и гибкими, репрезентации включают в себя общепринятые устойчивые коды, использование которых облегчает восприятие; к числу таких кодов относятся стереотипы. Объект стереотипизации представляется с определенной точки зрения, и репрезентация — это всегда интерпретация, содержащая оценку.

Таким образом, стереотипизация предполагает выработку системы значений и оценок, выступая в качестве формы символического насилия и механизма продуцирования символической власти. Она не только определяет «своих» и «чужих», но и устанавливает иерархические отношения между ними. Это обуславливает связь стереотипизации с созданием образа врага². Подобно прочим социальным стереотипам этот образ глубоко укоренен как в когнитивных процессах, так и в социальных практиках. Как отметил О. Цур, стереотипизация представляет собой один из основных способов представить врага как воплощение зла и первую ступень его дегуманизации, позволяющую в дальнейшем убивать его безо всякого чувства вины [36].

Важным ресурсом пропаганды, используемым в создании образов «своих»

и «чужих», являются гендерные стереотипы, которые известный теоретик стереотипизации Д. Шнайдер включил в «большую тройку» наиболее значимых видов социальных стереотипов [32, с. 437]. Изучение проблемы гендерной стереотипизации, которой посвящены сотни трудов, началось с работ психологов в 1970-х гг. (среди важнейших отметим: [15; 16; 18]); в России тематика разрабатывается лишь с 1990-х гг. (например, [4; 5; 9]). Эффективность гендерной стереотипизации как оружия пропаганды обусловлена тем, что, во-первых, пол легко идентифицируется человеком, представления о характеристиках мужчин и женщин соотносятся с его или ее личным опытом; значимо и то, что отношения полов воспринимаются как едва ли не самые очевидные, понятные, а потому легитимные (см. подробнее: [9]). Во-вторых, в самой оппозиции «мужское-женское» заключена возможность использовать ее для продуцирования отношений неравенства и контроля.

Роль гендерных стереотипов в политической пропаганде особенно заметна в период военных конфликтов, что определяется сущностной связью маскулинности с военной сферой. Армия относится к тем социальным институтам, в рамках которых активно транслируются гендерные нормы [9; 17, с. 83]. Военная сфера — это то социальное пространство, где необходимо проявлять качества, традиционно атрибутируемые мужчине, включая силу (как физическую, так и силу духа), стремление к победе [23] (см. подробнее: [9]). Кроме того, функция защиты женщин и детей, которая составляет краеугольный камень в легитимации гендерного поряд-

² В исследованиях обращалось внимание на то, что образ врага может быть рассмотрен как негативный стереотип, и он подчиняется закономерностям стереотипизации (например, [28; 36]).

ка обществ модерности, имеет решающее значение для оправдания войны, невозможной без готовности убивать других и жертвовать собственной жизнью [9].

Все это обуславливает то, что гендерная стереотипизация является одним из важных приемов пропаганды, и ее эффективность в немалой степени зависит от того, насколько точно она учитывает стереотипы, функционирующие в ее целевой группе. При этом следует принимать во внимание, что пропаганда не только эксплуатирует существующие в обществе стереотипы, но и создает новые.

В настоящей статье мы ставим целью исследовать, как советская пропаганда холодной войны использует стереотипы маскулинности в репрезентациях «своих» и «чужих». Помимо стереотипа мужчины как такового, в обществе существуют различные модусы стереотипа маскулинности, которые обусловлены национально-культурной принадлежностью, расой, конфессией, социальным статусом, возрастом, партийными пристрастиями, идеологическими предпочтениями и другими дифференцирующими признаками. В связи с этим структура исследования определяется гипотезой, согласно которой советская песня содержала два модуса стереотипа маскулинности: один связан с мужским стереотипом как таковым, второй — с теми характеристиками, которые составляли стереотип советской маскулинности.

Методика исследования. Массивом информации для анализа выступили тексты советских песен периода холодной войны (1946–1991), в которых в той или иной форме присутствуют образы военнослужащих СССР и США³. Выборка была сплошной. Материал собирался на специализированном сайте «Советская

музыка», на интернет-платформах и в социальных сетях (Youtube.com, «ВКонтакте», «Одноклассники»). Были учтены наиболее полные коллекции текстов песен (на сайтах «Гуру песен», «Популярные тексты песен» и др.). Всего было выявлено 190 песен, созданных в исследуемый период и позволяющих судить об образах советских и американских военных; подавляющее большинство из них посвящено советским военнослужащим (168 песен): от маршей и гимнов различных родов войск до авторской песни, в том числе созданной советскими военными специалистами, помогавшими вьетнамской армии в период войны с США. Композиции, в которых появляется образ американских военнослужащих (22 песни), чаще принадлежали к жанру авторской и «дворовой» песни.

Методом исследования был избран контент-анализ: для изучения репрезентаций советских военных — количественный и качественный, для изучения репрезентаций американских военных — качественный (поскольку круг источников, в которых фигурировали военные США, был ограничен). Смысловыми единицами в исследовании выступили персональные характеристики, составляющие стереотипный набор характеристик мужественности, и социальные роли мужчин. Персональные характеристики были сгруппированы в четыре группы: 1) качества, связанные с деятельностью и активностью (единицами счета в этом случае стали решительность, твердость, отвага, самоконтроль, уверенность в своих силах и др.); 2) качества, связанные с позициями власти и управления (единицы счета — властность, сила и др.); 3) качества, характеризующие когнитивную

³ Из массива анализируемых источников были исключены песни о советских военных, посвященные Великой Отечественной войне.

сферу (единицы счета — ум, рациональность, находчивость и др.); 4) качества, характеризующие эмоциональную сферу (единицы счета — самообладание, отзывчивость и др.). Для исследования значимости репрезентаций социальных ролей мужчины как «защитника» и «кормильца», выступающих смысловыми единицами, единицами счета служили в первом случае защита Родины, дома, мира, во втором — проявления профессиональной состоятельности («ратный труд»). Кроме того, смысловыми единицами анализа выступала советская специфика маскулинности, связанная с коммунистической идеологией (единицы счета — коллективизм, интернационализм, преданность делу коммунизма и др.).

Результаты исследования и их интерпретация

Контент-анализ показал, что характеристики, атрибутируемые советскому

военнослужащему и его противнику, во-первых, подчиняются основным закономерностям стереотипизации: «свои» изображаются более нюансировано и оцениваются позитивно. Во-вторых, в образах «своих» и «чужих» различают две составляющие. Одна связана с оценкой наличия у советских и американских военнослужащих характеристик, составляющих ядро традиционной мужественности, другая — характеристик, составляющих стереотип советской мужественности.

«Свои» и «чужие» сквозь призму мужского стереотипа

Рассмотрим подробнее, каким образом гендерная стереотипизация использовалась для репрезентаций военнослужащих СССР и США. Тенденции репрезентаций маскулинности советских и американских военных представлены в табл. 1.

Таблица 1
Репрезентации маскулинности военнослужащих СССР и США в советской песне периода холодной войны

Характеристики	Советские военные	Американские военные
Стереотип мужчины: персональные характеристики		
Характеристики деятельности и активности	Смелость, твердость, героизм, доблесть, решительность, верность долгу, самоотверженность	Трусость
Характеристики власти и управления	Сила, нацеленность на победу, самоконтроль, уверенность в своих силах, ответственность	Эти характеристики не упоминаются
Характеристики когнитивной сферы	Ум, смекалка, находчивость	Эти характеристики не упоминаются
Характеристики эмоциональной сферы	Выдержка, спокойствие, самообладание	Паникерство
Стереотип мужчины: социальные роли		
«Защитник»	Мотивация — защита своей страны, семьи, мира на Земле, женщин и детей	Мотивация — личное обогащение, карьерный рост. Убийцы женщин и детей
«Кормилец»	Военная компетентность, трудолюбие, победа	Военная некомпетентность, поражение

В текстах песен встречается прямая маркировка советских воинов как носителей образцовой мужественности, например: «Отчизна свободе верна, / Настоящим мужчинам / Вручила оружие она!» («Армейский марш», 1976, муз.: В. Газарян, сл.: Ю. Полухин). Чаще использование мужского стереотипа осуществлялось при помощи приписывания им атрибутов маскулинности. Как уже упоминалось, в стереотипный набор характеристик мужественности входят определенные персональные черты и социальные роли.

Наиболее востребованными являются характеристики деятельности и власти: в репрезентациях «своих» воинов фигурирует смелость — 14%⁴, доблесть — 16,1%, сила — 12,5% (в том числе «сила духа» — 4,7%), верность долгу, самоотверженность — 18%, героизм, нацеленность на победу — 9,6%, решительность — 7,5%; например, «Если мы уцепились за землю, / Нас не сдвинуть с нее ни на шаг» («Мы — морская пехота», б.г., муз.: П. Ермишев, сл.: М. Владимиров).

Оценки когнитивной сферы военных встречаются гораздо реже, чем оценки их мужества, силы и самоотверженности (они фигурировали в виде единичных ссылок на «мекалку» и находчивость советского солдата). Значительное место занимают эмоциональные характеристики (10,4%): персонажи песни предстают выдержанными и спокойными, честными и прямыми; например: «Наш солдат суров и честен» («Армия моя родная», 1970, муз.: С. Кац, сл.: Е. Рябов); «Стоим мы на посту, / Повзводно и поротно, / Бесмертны, как огонь, / Спокойны, как гранит» («Мы — армия народа», 1982, муз.: Г. Мовсесян, сл.: Р. Рождественский).

Стереотипизации подвергается круг социальных ролей. Способность мужчины выполнять роль защитника является одним из главных критериев традиционной мужественности. Советские воины чаще всего характеризовались через роль защитника своей страны, Родины, отчего дома (37%), защитника мира, дружбы и счастья на планете (24,7%).

Другая социальная роль мужчины — роль кормильца (15,5%) — проявляется в акцентировании профессиональных умений и навыков. Как известно, труд занимал одно из основных мест в советской системе ценностей. Примечательно, что воинская служба представлена как «ратный труд» во многих песнях; например: «Ратный труд любовью к Родине согрет» («Гимн Группы Советских Войск в Германии (ГСВГ)», б.г., муз.: М. Блантер, сл.: В. Андрианов). Собственно, главным критерием профессиональной состоятельности является победа над врагом; способность советских воинов защитить страну от агрессора подчеркивается в большинстве музыкальных композиций.

Теперь обратимся к вопросу, как мужской стереотип использовался для репрезентаций «чужих», каковыми выступала пресловутая «американская военщина». Враг упоминается в четверти всего массива исследуемых песен (26,2%). США редко называют врагом прямо (эта осторожность отличала все формы пропаганды — например, кинематограф), однако и авторы, и слушатели прекрасно понимали, кто именно является «врагом номер один» Страны Советов. Иногда идентифицировать врага можно по косвенным признакам — например, при помощи таких характеристик, как «заморский враг» или враг, который «использует ядерный

⁴ Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, за 100% берется массив песен, в которых содержатся репрезентации советских военных.

атом для разжигания войны»: «И где бы заморский налетчик он ни был, / Он будет всегда под огнем. / На страже родного советского неба / Ракеты и ночью, и днем» («Марш ракетчиков», б.г., муз.: А. Новиков, сл.: М. Вершинин). В ряде случаев встречаются более явные указания на национальную принадлежность врага; например, в песне, упоминающей войну США в Корее: «Слышишь, в Корее снаряды свистят! / Так помни об этом, советский солдат!» («Помни, советский солдат», 1952, муз.: П. Акуленко, сл.: Я. Шведов).

Образ врага не столь нюансирован в текстах песен, как образ советских военных; это отвечает закономерностям стереотипизации «своих» и «чужих». При этом враг наделяется негативными характеристиками, которые рассмотрим подробнее.

Одной из задач пропаганды была дискредитация маскулинности военнослужащих противника, демонстрация того, что они не соответствуют канону мужественности. Демаскулинизация военнослужащих США стала характерной чертой их репрезентаций в советской песне; их изображают как лишенных силы, самообладания, отваги, воли, ума, решительности, способности к подвигу и других качеств, составляющих стереотипный канон мужественности.

Особенно выразительно отсутствие мужества выглядит на фоне приписываемого им бахвальства; тем самым обеспечивается достижение эффекта комичности, что является весьма ценным при создании образа врага⁵. В песнях не-

редко встречается образ самоуверенного «янки», который в итоге оказывается побежденным (как правило, советским военным); он погибает, становится инвалидом или попадает в плен. Так, в «дворовой» песне «16 тонн/Летим бомбить Союз!» получившие приказ атаковать советский город летчики ВВС США сначала хвастливо заявляют: «Мы летим бомбить Союз»; однако после встречи с ракетами советских ПВО мужество их покидает, и заканчивается песня словами «А мы летим кормить медуз». Незавидна судьба и персонажей других песен — американцев, вступивших в схватку с советскими солдатами или их союзниками. «Но однажды утром рано / Он был сбит в бою тараном, / И он бредит на рассвете, / Погребенный в груди лома: / “О, как ярко солнце светит / У меня в Кентукки дома!”», — так выглядит итог участия в Корейской войне жизнерадостного американского юноши в песне «Парень из Кентукки», написанной Ю. Визбором в 1953 г.

Девиантность маскулинности «американской военщины» связана и с демонстрацией жестокости; военнослужащим США приписываются чрезмерная агрессивность, безжалостность, бессердечие, равнодушные к чужому горю. Это самый частотный маркер, он встречается в половине песен, содержащих образ американских военных. «Я теперь палач, а не пилот», — так в песне «Фантом» характеризует свою миссию во Вьетнаме персонаж, от лица которого ведется рассказ. Американские летчики бомбят вьетнамские деревни («Во имя Джона») или собираются атаковать со-

⁵ В этом плане представляет интерес образ морского пехотинца, созданный В. Высоцким в фильме «713-й просит посадку» (реж. Г. Никулин, 1962). Между тем как в американской культуре холодной войны морской пехотинец служил воплощением эталона маскулинности, герой В. Высоцкого окарикатурен. Он ведет себя вызывающе (пристает к девушке, задирает пассажиров самолета, выступает инициатором лишения одного из них), но в ситуации опасности оказывается трусом [7].

ветский город («Шестнадцать тонн — нелегкий груз, / А мы летим бомбить Союз. / Шестьсот смертей, шестнадцать тонн / Несем мы сегодня под крылом» («16 тонн/Летим бомбить Союз»)⁶. Военнослужащие США получают и такую характеристику, как «пираты двадцатого века» в песне «Руки прочь от Вьетнама!»; вот как их «подвиги» показаны в этой композиции: «В небе гудят самолеты, / В землю швыряя напалмом. / Пламя сжигает посевы, / Школы, селенья и пальмы» («Руки прочь от Вьетнама!» 1969, муз.: Б. Карамышев, сл.: О. Гаджикасимов). Представленные в песнях образы США периода Вьетнамской войны коррелируют с теми, которые использовались в советских СМИ⁷.

Наконец, примечательны песни, написанные советскими специалистами во Вьетнаме — теми, кто непосредственно участвовал в боях с американцами. Обращает на себя внимание сравнение военнослужащих США с гитлеровцами. Прием символической нацификации «врага номер один» активно использовали пропагандистские машины обеих сверхдержав; он, акцентируя такие черты образа врага, как аморальность и опасность, способствовал политической мобилизации, оправдывал негативные чувства к врагу, помогал легитимировать насилие над ним [7]. Параллели между ВС США и вермахтом позволяли представить противостояние во Вьетнаме как продолжение Великой Отечественной. Например, в песне «Прощание» есть такие слова: «И от стер-

вятников воздушных, / И на земле, в любом бою / Мы, как ветераны войны прошлой, / Всегда дадим отпор врагу» [7]. Используемые в этих песнях образы напоминали поэтику песен периода Великой Отечественной войны; так, в «Боевой дружбе» говорится о «борьбе с ордой американской», «В шесть часов вечера после войны» была сочинена на мотив песни к одноименной советской кинокартине, вышедшей в 1944 г., «У Тхайнгуенского моста» — на мотив песни «На безымянной высоте» из фильма «Тишина» (1964) [7].

«Свои» и «чужие» сквозь призму стереотипа советского мужчины

Таким образом, в советской песне стереотип маскулинности использовался для противопоставления «своих» и «чужих» и для создания образа врага. Поскольку негативный образ «американской военщины» формировался как антипод идеалу военнослужащих СССР, то, кроме типичных для пропаганды изображений врага как отклоняющегося от канонов традиционной мужественности, ему приписывались те черты, которые противопоставляли его именно советским воинам. Тенденции репрезентаций советской и американской маскулинности в образе военных представлены в табл. 2.

Помимо черт традиционной маскулинности, «своих» наделяли чертами советской маскулинности: любовь к Советской Родине (29%), взаимопомощь (16,7%), отзывчивость и сердечность

⁶ Все три песни — «Фантом», «Шестнадцать тонн», «Во имя Джона» — написаны, предположительно, в конце 1960-х гг.; авторы слов и музыки не известны.

⁷ Советские СМИ периода войны США во Вьетнаме привлекали для характеристики «американской военщины» такие термины, как «варвары, подлые цивилизованные варвары, преступники, насильники, палачи; одетые в униформы банды; военные маньяки из Пентагона, заокеанские убийцы, головорезы, звери в пентагоновских мундирах, “крестоносцы”, ландскнехты, ландскнехты Пентагона, воздушные пираты, заокеанские людоеды, поджигатель войны, миссионеры огня и меча, пираты XX века, сеятели смерти» [1].

Таблица 2

**Репрезентации маскулинности военнослужащих СССР и США
в советской песне периода холодной войны**

Характеристики	Советские военные	Американские военные
Стереотипы советского и американского мужчины		
Специфика персональных характеристик и социальных ролей	Коллективизм, товарищество, взаимопомощь; интернационализм; любовь к Родине; миролюбие, сердечность; скромность, моральность	Индивидуализм, эгоизм, восприятие ближнего только в контексте конкуренции; расизм, вера в американскую исключительность; агрессивность, культ насилия, жестокость, варварство; хвастовство; аморальность

(7,8%)⁸. Одной из важнейших черт кано́на советской маскулинности был коллективизм, товарищество; эта черта вытекала из самой сути советской идеологии. В докладе Н. Хрущева на XXI съезде КПСС (1959) говорилось: «Дух индивидуализма, личной корысти, жажда наживы, вражда и конкуренция — такова суть морали буржуазного общества. Эксплуатация человека человеком, на которой построено буржуазное общество, представляет собой самое грубое попрание нравственности. Недаром мораль эксплуататорских классов характеризуется жестокой формулой: “Человек человеку волк”. Социализм утверждает иную мораль — сотрудничества и коллективизма, дружбы и взаимопомощи. Здесь на первое место выдвигается забота об общем благе народа, о всестороннем развитии человеческой личности в условиях коллектива, где человек человеку не враг, а друг и брат» [12, с. 55–56].

Взаимопомощь, товарищество, воинское братство советских солдат — все эти черты подчеркивались в их репрезентациях, например: «Родной мой полк — Мой дом, моя семья» («Родной мой полк», 1967, муз.: Г. Светов, сл.: В. Андрианов); «На военной нашей службе / Мы верны солдатской дружбе. / Нам застава дом родной, — / Боевой живем семьей» (песня из к/ф «Воинская честь», 1961, муз.: В. Мурадели, сл.: Ф. Лаубе).

Поскольку негативный образ «американской военщины» формировался как антипод идеалу военнослужащих СССР, то, помимо типичных для пропаганды изображений врага как отклоняющегося от кано́нов традиционной мужественности, ему приписывались те черты, которые противопоставляли его именно советским воинам. Американский образ жизни основан на «законе джунглей»⁹. Одиночество американцев является главной темой фильма «По-

⁸ Несмотря на то, что отзывчивость и сострадательность являются стереотипно женскими характеристиками, они составляют специфику национального стереотипа мужественности и нередко приписываются русскому (и советскому) мужчине [8]. Приведем фрагмент из песни, интересной еще и тем, как врага ассоциируют с ядерным оружием: «Коварен атом их незрячий, / Но знаем мы наверняка: / Живое сердце больше значит, / Отнем командует рука!» («Песня объединенных армий», 1956, муз.: Б. Александров, сл.: Л. Ошанин).

⁹ Эта враждебность между людьми, приписываемая американскому обществу, эксплицировалась через различные образы. Например, одним из них был образ небоскреба, который позволял представить города США как «каменные джунгли» [30].

следний дюйм» (реж. Т. Вульфович, Н. Курихин, 1958), экранизации рассказа Дж. Олдриджа; в нем это одиночество символизирует история пилота Бена Энсли: единственный человек, на которого он может рассчитывать в своей жизни, это его сын Дэви [8]. В контексте нашего исследования фильм примечателен песней, центральным в которой стал образ американского военнослужащего, Боба Кеннеди. Ее лейтмотивом являются такие слова: «Какое мне дело до всех до вас, / А вам до меня», которые, очевидно, были призваны иллюстрировать враждебные отношения между людьми в американском обществе. Песня тем не менее вызывала интерес, по крайней мере, у части советских слушателей — хотя бы потому, что главный герой в ней демонстрировал презрение к смерти. В другом же произведении, песне «Во имя Джона», одиночество, индивидуализм, готовность к жесткой конкуренции по принципу «выживает сильнейший» лишены ореола романтики и какой бы то ни было героизации. В песне рассказывается, как ведут себя американцы в ситуации, когда их самолет был подбит ракетой: «В глазах приборы, а парашют один: / Дерутся двое, а я слабей других. <...> // Я “вальтер” вынул, два раза спуск нажал, / Один мой друг упал, другой совсем не встал»¹⁰.

Другая заметная черта образа военнослужащих США в советской песне — примитивизм их мировоззрения. Примечательный образ американского солдата создал Ю. Визбор в песне «Парень из Кентукки», упомянутой выше:

«Этот летчик был мальчишка / Из далекого Кентукки. / Дул в бейсбол, зевал над книжкой, / Продавал бананов штуки» (1953, муз. и сл.: Ю. Визбор). Узость его кругозора обуславливает готовность не задумываясь выполнить любой приказ, в том числе преступный («Где прикажут — там войю, / А помрешь — так не горюй»). В этой песне акцентируются и такие черты картины мира американцев, как этноцентризм и идея американской исключительности; очевидно, в данном ключе можно трактовать следующие слова: «Мир для парня очень прост — / В мире сорок восемь звезд»¹¹. Эти характеристики проявляют себя и в расистских предрассудках, что также отражено в исследуемых источниках; вот так воспринимает «цветные народы» герой песни «Фантом»: «Желтолицые вьетнамцы / Верещат в кустах, как зайцы». Необходимо подчеркнуть, что этот порок американского общества был особенно важен в «борьбе за сердца и умы» людей, и советская пропаганда постоянно обращала на него внимание.

Напротив, советских воинов отличает высокая сознательность, политическая грамотность, образованность, что проявлялось, в частности, в их интернационализме, солидарности с народами Земли, борющимися против колониализма и расизма.

Еще одна характеристика военнослужащих — мотивация их участия в войне — также использовалась для противопоставления «своих» и «чужих». В образе советского воина акцентируется такой элемент стереотипа маску-

¹⁰ Культ насилия в американском обществе в целом — одна из важных черт американского образа жизни в советской пропаганде, получившая отражение в том числе в песне. Например, в песне «Американцы, где ваш президент?», исполняемой М. Бернесом, речь идет об американской «свободе убивать» (1964, муз.: Э. Колмановский, сл.: Е. Евтушенко).

¹¹ Речь, очевидно, идет о звездах на американском флаге, символизирующих количество штатов США на тот период.

линности, как функция защитника. Это, как было отмечено выше, является составляющей традиционного стереотипа маскулинности, однако в советской пропаганде солдат защищал, прежде всего, Советскую Родину; защита Родины-матери — это не только важная черта советской идентичности, но и ключевой компонент военной мобилизации [Рябов, 2020]; например, «Храня от врагов нашу Родину-мать, / Ни сил не щадя и ни жизни, / Мы будем все выше, все дальше летать, / Служа беззаветно Отчизне!» («Песня летчиков», 1954, муз.: Б. Александров, сл.: С. Михалков).

Другой важнейший элемент мотивации советских военнослужащих, как уже упоминалось выше — защита мира во всем мире. Как известно, после Великой Отечественной войны «мир» занял ведущее место в пантеоне советских ценностей. Послевоенный СССР превратил «борьбу за мир» в своеобразную «визитную карточку» внешней политики и краеугольный камень коллективной идентичности, что вполне объяснимо, принимая во внимание потери страны во время Второй мировой войны. Глобальная миссия советского солдата подчеркивается во многих песнях: например, «И в жизни нам дана единственная служба: / От смерти заслонить грядущее Земли» («Мы — армия народа», 1975, муз.: Г. Мовсесян, сл.: Р. Рождественский); «Мы в ответе / За мир и солнце на всей планете» («Родной мой полк»)¹².

Американские же военные сражаются не за родину и уж тем более не за мир. В «Песне американского парня», которую исполнил Э. Хиль, мотивация новобранца армии США описана следующим образом: «Мне дарят дом, а к дому сад, /

А рядом в два ряда стоят / И магазин, и лимузин, / И вертолет, и самолет, / И в банке счет давно нас ждет...» (1966, муз.: А. Петров, сл.: Л. Норкин). То есть здесь привлекается такая стереотипная черта американцев в советской пропаганде, как меркантилизм, культ денег (об основных чертах американцев в советской пропаганде см.: [8; 30]).

Таким образом, анализ репрезентаций военнослужащих США в советской песне показывает, что качества, им приписываемые, соответствуют содержанию негативного стереотипа маскулинности. При этом данные качества противопоставляются тем, которыми наделялись советские воины. Вместе с тем этот вывод необходимо дополнить следующей оговоркой. Важнейшей чертой советского антиамериканизма была идея «двух Америк»: «реакционной» и «прогрессивной». К первой относились политики, «военщина», капиталисты, продажные журналисты, деятели церкви, ку-клукс-клановцы, ко второй — коммунисты, борцы за мир, представители рабочего класса, афроамериканцы [6]. Виновниками войн, которые ведут США, объявляются именно представители реакционной Америки. Например, в песне «Во имя Джона» так показаны причины эскалации военного вмешательства США в гражданскую войну во Вьетнаме: «...Генерал не хочет пост бросать, / Двадцатилетних он гонит умирать». Кроме того, в «неофициальной» советской песне прослеживается мотив определенной профессиональной солидарности с военнослужащими США — они такие же солдаты, так же идут под пули, как и советские воины. То есть привлекается такой модус образа врага, известный с древних времен [25], как «враг

¹² Иногда подчеркивание миссии советского солдата защитить мир на всей Земле выглядит несколько курьезно: например, «Для мира народов, для счастья народов / Ракета у нас рождена!» («Марш ракетчиков»).

достойный». Вероятно, именно так можно трактовать слова из композиции Ю. Визбора «Базука»: «Я на святую Русь / Базукой обопрусь, / По планке выверю прицел... // Вот это красота — / Поджег один я танк, / Ничуть не изменясь в лице. // Но где-то, черт возьми, / За десять тысяч миль, / Другой солдат, в других местах / В полуденном луче / С базукой на плече / Шагает поджигать свой танк» (1963, муз. и сл. Ю. Визбора).

Заключение

Подводя итоги, отметим, что стереотипизация — как показал анализ использования мужского стереотипа — являлась востребованным оружием пропаганды холодной войны. Мы рассмотрели, как советская пропаганда привлекала гендерные стереотипы для конструирования образов «своих» и «чужих» на материале советской песни, у которой есть как общие черты с другими видами массовой культуры, так и специфические: интерактивность, массовость, эмоциональность и др.¹³

Наша гипотеза о том, что в создаваемых образах «своих» и «чужих» было две составляющих, подтвердилась: одна связана с традиционно мужскими чертами, другая — с теми качествами, которые

составляли стереотип советской маскулинности. Те характеристики, которые расцениваются как атрибуты стереотипа — устойчивость, схематичность, эмоциональная нагруженность — обнаруживаются и в образе врага. «Враг номер один» наделялся такими чертами, как аморальность, бесчеловечность, жестокость, трусость, расизм, враждебное отношение к ближнему, в котором видят только конкурента¹⁴.

Завершая статью, отметим, что в полной мере выявить закономерности использования гендерной стереотипизации в пропаганде холодной войны сложно вне компаративного анализа. В последние годы все большее внимание обращается на необходимость сравнительных исследований для понимания советско-американской конфронтации (например: [34]). Это тем более ценно, что в массовой культуре США также создавались песни, в которых был представлен основной геополитический соперник — Советский Союз; например, «Россия, Россия» Прескотта Рида (1958, P. Reed), «Разве я неправ?» Марти Роббинса (1966, M. Robbins), «В Россию с осторожностью» Гарольда Уикли (1966, H. Weakley), «Русские» Стинга (1985) и др. В этом мы видим перспективы развития исследуемой темы.

Литература

1. *Вепрева И.Т., Уонг Минь Туан.* Стратегия позитивной медиатизации войны во Вьетнаме (по материалам «Правды» и «Комсомольской правды» 1965 г.) // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 2. С. 351–364.

¹³ Кроме того, необходимо учитывать специфику проанализированных песен, большинство из которых было написано для армейской аудитории. В частности, обращает на себя внимание, что, несмотря на изменения в стереотипе советского мужчины, происходящие за почти полувековой период холодной войны, в военной песне образы «своих» (равно как и «чужих») оставались неизменными; какой-либо заметной динамики обнаружить не удалось.

¹⁴ Следует подчеркнуть, что данный образ военнослужащих США в значительной степени сохраняется в современном российском обществе, что показали результаты проведенных нами фокус-групп, участники которых смотрели отрывки из фильмов периода холодной войны и высказывали свое мнение о них [10].

2. *Гюнтер Х.* Поющая Родина: Советская массовая песня как выражение архетипа матери // Вопросы литературы. 1997. № 4. С. 46–61.
3. *Иванова Е.Ю., Бережной Д.А.* Образная сфера советской эстрадной песни середины XX века как отражение социокультурных ценностей советского общества // Ученые записки. 2020. Т. 19. № 1. С. 122–128.
4. *Клецина И.С.* Самореализация личности и гендерные стереотипы // Психологические проблемы самореализации личности: сборник статей. Вып. 2. / Под ред. А.А. Реана, Л.А. Коростылевой. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 188–202.
5. *Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 494 с.
6. *Лабунская В.А.* Образ врага в межличностном общении // Социальная психология и общество. 2013. Том 4. № 3. С. 52–64.
7. Прощание [Электронный ресурс] // Стихи из воспоминаний Батаева С.Г. URL: <http://www.nhat-nam.ru/forum/viewtopic.php?t=68> (дата обращения: 13.07.2022).
8. *Рябов О.В.* «Мистер Джон Ланкастер Пек»: американская маскулинность в советском кинематографе Холодной войны (1946–1963) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4. С. 44–57.
9. *Рябова Т.Б.* Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: дис. ... докт. социол. наук. Нижний Новгород, 2009. 385 с.
10. *Рябова Т.Б., Папкратова Е.В.* «Cold warriors» глазами современных россиян: рецепция кинообразов маскулинности американских военных периода Холодной войны // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 29–40.
11. *Степанова Е.А.* «Все проходит. Остается Родина — то, что не изменит никогда»: образ Родины в советской песне // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 28–42.
12. *Хрущев Н.С.* Доклад и заключительное слово на внеочередном XXI съезде КПСС 27 января и 5 февраля 1959 г. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы. М.: Госполитиздат, 1959. 174 с.
13. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35–67.
14. *Юдин К.А.* Аккорды «Холодной войны»: музыка как ресурс для репрезентации «образа другого» в англо-американском кинематографе // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 353–358.
15. *Ashmore R.D., Del Boca F.K., Wohlers A.J.* Gender Stereotypes // The Social Psychology of Female-Male Relations: A Critical Analysis of Central Concepts / Ed. by R.D. Ashmore, F.K. Del Boca. Orlando: Academic Press, 1986. P. 69–119.
16. *Basow S.A.* Gender Stereotypes and Roles. Pacific Grove, 1992. 447 p.
17. *Bourdieu P.* Masculine Domination. Stanford: Stanford Univ.press, 2001. 133 p.
18. *Broverman I., Vogel S.R., Broverman D.M., Clarkson F.E., Rosenkrantz P.S.* Sex Role Stereotype: A Current Appraisal // Journal of Social Issues. 1972. Vol. 28. № 2. P. 59–78.
19. *Davenport L.* Jazz Diplomacy: Promoting America in the Cold War Era. Univ. press of Mississippi, 2013. 208 p.
20. *Diesen G.* The Foundational Stereotypes of Anti-Russian Propaganda [Электронный ресурс] // Diesen G. Russophobia. Singapore: Palgrave Macmillan, 2022. P. 45–82. DOI:10.1007/978-981-19-1468-3_3
21. *Dowling R.* Communism, Consumerism, and Gender in Early Cold War Film: The Case of *Ninotchka* and *Russkii vopros* // Aspasia: The International Yearbook of Central, Eastern, and Southeastern European Women's and Gender History. 2014. Vol. 8. P. 117–132.
22. *Enloe C.H.* The Morning After: Sexual Politics at the End of the Cold War. Berkeley, etc.: Univ. of California Press, 1993. 239 p.
23. *Goldstein J.S.* War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa. Cambridge: Cambr. University Press, 2001. 523 p.

24. Hinton P.R. Stereotypes, Cognition, and Culture. East Sussex, 2000. 208 p.
25. Keen S. Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination. San Francisco: Harper & Row, 1986. 200 p.
26. May E.T. Homeward Bound: American Families in the Cold War Era. N.Y.: Basic Books, 1988. 290 p.
27. Oakes P.J., Haslam S.A., Turner J.C. Stereotyping and Social Reality. Oxford, 1994. 255 p.
28. Oppenheimer L. The development of enemy images: A theoretical contribution. Peace and Conflict // Journal of Peace Psychology. 2006. Vol. 12. № 3. P. 269–292.
29. Riabov O. The Symbol of the Motherland in the Legitimation and Delegation of Power in Contemporary Russia // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48. № 4. P. 752–767.
30. Riabov O., Riabova T. The Images of Urban Space in Constructing the Cold War Enemy: US Skyscrapers in Soviet Animation // Studies in Russian and Soviet Cinema. 2021. № 2. P. 122–138.
31. Schmelz P.J. Introduction: Music in the Cold War // Journal of Musicology. 2009. Vol. 26. P. 13–16.
32. Schneider D.J. The psychology of stereotyping. New York; London: The Guilford press, 2004. 704 p.
33. Shaw T., Youngblood D.J. Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Heart and Minds. Lawrence: Univ. Press of Kansas, 2010. 301 p.
34. Shorten R. The Cold War as comparative political thought // Cold War History. 2018. Vol. 18. № 4. P. 385–408.
35. Stereotypes and Stereotyping / Ed. by C.N. Macrae, C. Stangor, M. Hewstone. New York: Guilford Press, 1996. 462 p.
36. Zur O. The love of hating: The psychology of enmity // History of European Ideas. 1991. Vol. 13. № 4. P. 345–369.

References

1. Vepreva I.T., Uong Min' Tuan. Strategiya pozitivnoi mediatizatsii voyny vo V'etname (po materialam «Pravdy» i «Komsomol'skoi pravdy» 1965 g.) [Strategy of positive mediatization of war in Vietnam (based on newspapers “Pravda” and “Komsomol'skaya pravda”, 1965)]. *Kommunikativnye issledovaniya = Communication studies*, 2020. Vol. 7(2), pp. 351–364. (In Russ.). DOI:10.26170/pl19-01-11
2. Gyunter Kh. Poyushchaya Rodina: Sovetskaya massovaya pesnya kak vyrazhenie arkhetaipa materi [Singing Motherland: Soviet mass song as an expression of the mother archetype]. *Voprosy literatury = Russian Studies in Literature*, 1997, no. 4, pp. 46–61. (In Russ.).
3. Ivanova E.Yu., Berezhnoi D.A. Obraznaya sfera sovetskoi estradnoi pesni serediny XX veka kak otrazhenie sotsiokul'turnykh tsennostei sovetskogo obshchestva [The Figurative Sphere of the Soviet Variety Song of the Mid-20th Century As a Reflection of the Sociocultural Values of Soviet Society]. *Uchenye zapiski = Scientific notes*, 2020. Vol. 19, no. 1, pp. 122–128. (In Russ.).
4. Kletsina I.S. Samorealizatsiya lichnosti i gendernye stereotipy [Self-realization of person and Gender stereotypes]. In: A.A. Rean, L.A. Korosteleva (Eds). *Psikhologicheskie problemy samorealisatsii lichnosti [Psychological problems of self-realization of Person]*. Saint-Petersburg: Saint Petersburg university, 1998. Vol. 2, pp. 88–202. (In Russ.).
5. Kon I.S. Muzhchina v menyayushchemsya mire [Man in changing world]. Moscow: Vremia Publ., 2009. 494 p.
6. Labunskaya V.A. Obraz vraga v mezhluchnostnom obshchenii [Image of Enemy in interpersonal communication]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2013. Vol. 4, no. 3, pp. 52–64. (In Russ.).
7. Proshchanie [Elektronnyi resurs] [Farewell]. *Stikhi iz vospominanii Bataeva S.G. [Poems from S.G. Bataev's memory]*. URL: <http://www.nhat-nam.ru/forum/viewtopic.php?t=68>. (Accessed 13.07.2022). (In Russ.).

8. Riabov O.V. «Mister Dzhon Lankaster Peck»: amerikanskaya maskulinnost' v sovetskom kinematografe Kholodnoi voiny (1946–1963) [«Mr. John Lancaster Peck»: American masculinity in Soviet Cold War cinema (1946–1963)]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2012, no. 4, pp. 44–57. (In Russ.).
9. Riabova T.B. Gendernye stereotipy v politicheskoi sfere sovremennogo rossiiskogo obshchestva: sotsiologicheskii analiz. Diss. dokt. sotsiol. nauk. [Gender stereotypes in contemporary Russian Politics: sociological analysis. Dr. Sci. (Sociology). diss.], Nizhniy Novgorod, 2009. 385 p. (In Russ.).
10. Riabova T.B., Pankratova E.V. “Cold warriors” glazami sovremennykh rossiian: retseptsiya kinoobrazov maskulinnosti amerikanskikh voennykh perioda Kholodnoi voiny [The “Cold warriors” in the eyes of contemporary Russians’: today’s reception of Cold War cinematic images of U. S. militaries’ masculinity]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2019, no. 4, pp. 29–40. DOI:10.21064/WinRS.2019.4.3 (In Russ.).
11. Stepanova E.A. “Vse prokhozhit. Ostaetsya Rodina – to, chto ne izmenit nikogda”: obraz Rodiny v sovetskoj pesne [“Everytning passes. Only Motherland remains, the one which would never be unfaithful”: image of motherland in Soviet song]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii = Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies*, 2015, no. 4, pp. 28–42. (In Russ.).
12. Khrushchev N.S. Doklad i zaklyuchitel'noe slovo na vnocherednom XXI s'ezde KPSS 27 yanvarya i 5 fevralya 1959 g. O kontrol'nykh tsifrakh razvitiya narodnogo khozyaistva SSSR na 1959–1965 gody [Control Figures for the Economic Development of the U.S.S.R. for 1959–1965: Report Delivered at the 21st Extraordinary Congress of the CPSU. January 27 and February 5, 1959]. Moscow: Gospolitizdat, 1959. 174 p.
13. Schmitt K. Ponyatie politicheskogo [The concept of the Political]. *Voprosy sotsiologii = Sociology Issues*, 1992, no. 1, pp. 35–67. (In Russ.).
14. Yudin K.A. Akkordy “Kholodnoi voiny”: muzyka kak resurs dlya reprezentatsii “obraza drugogo” v anglo-amerikanskom kinematografe [Chords of the “Cold War”: Music as a resource for representing the “image of the other” in Anglo-American cinema]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser.: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021. Vol. 21(3), pp. 353–358. DOI:10.18500/1819-4907-2021-21-3-353-358 (In Russ.).
15. Ashmore R.D., Del Boca F.K., Wohlers A.J. Gender Stereotypes. In: Ashmore R.D., Del Boca F.K. (Eds.). *The Social Psychology of Female-Male Relations: A Critical Analysis of Central Concepts*. Orlando: Academic Press, 1986, pp. 69–119.
16. Basow S.A. Gender Stereotypes and Roles. Pacific Grove, 1992. 447 p.
17. Bourdieu P. Masculine Domination. Stanford: Stanford University press, 2001. 133 p.
18. Broverman I., Vogel S.R., Broverman D.M., Clarkson F.E., Rosenkrantz P.S. Sex Role Stereotype: A Current Appraisal. *Journal of Social Issues*, 1972. Vol. 28, no. 2, pp. 59–78.
19. Davenport L. Jazz Diplomacy: Promoting America in the Cold War Era. University press of Mississippi, 2013. 208 p. DOI:10.14325/mississippi/9781604732689.001.000
20. Diesen G. The Foundational Stereotypes of Anti-Russian Propaganda [Elektronnyi resurs]. In: Diesen G. *Russophobia*. Palgrave Macmillan, Singapore, 2022, pp. 45–82. DOI:10.1007/978-981-19-1468-3_3
21. Dowling R. Communism, Consumerism, and Gender in Early Cold War Film: The Case of *Ninotchka* and *Russkii vopros*. *Aspasia: The International Yearbook of Central, Eastern, and Southeastern European Women's and Gender History*, 2014. Vol. 8, pp. 117–132. DOI:10.3167/ASP.2014.080103
22. Enloe C.H. The Morning After: Sexual Politics at the End of the Cold War. Berkeley, etc.: University of California Press, 1993. 239 p.
23. Goldstein J.S. War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 523 p.

24. Hinton P.R. Stereotypes, Cognition, and Culture. East Sussex, 2000. 208 p.
25. Keen S. Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination. San Francisco: Harper & Row, 1986. 200 p.
26. May E.T. Homeward Bound: American Families in the Cold War Era. New York: Basic Books, 1988. 290 p.
27. Oakes P.J., Haslam S.A., Turner J.C. Stereotyping and Social Reality. Oxford, 1994. 255 p.
28. Oppenheimer L. The development of enemy images: A theoretical contribution. Peace and Conflict. *Journal of Peace Psychology*, 2006. Vol. 12(3), pp. 269–292. DOI:10.1207/s15327949pac1203_4
29. Riabov O. The Symbol of the Motherland in the Legitimation and Delegitimation of Power in Contemporary Russia. *Nationalities Papers*, 2020. Vol. 48(4), pp. 752–767. DOI:10.1017/nps.2019.14
30. Riabov O., Riabova T. The Images of Urban Space in Constructing the Cold War Enemy: US Skyscrapers in Soviet Animation. *Studies in Russian and Soviet Cinema*, 2021. Vol. 2, pp. 122–138. DOI:10.1080/17503132.2021.1905792
31. Schmelz P.J. Introduction: Music in the Cold War. *Journal of Musicology*, 2009. Vol. 26, pp. 13–16. DOI:10.1525/JM.2009.26.1.3
32. Schneider D.J. The psychology of stereotyping. New York; London: The Guilford press, 2004. 704 p.
33. Shaw T., Youngblood D.J. Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Heart and Minds. Lawrence: Univ. Press of Kansas, 2010. 301 p.
34. Shorten R. The Cold War as comparative political thought. *Cold War History*, 2018. Vol. 18, no. 4, pp. 385–408. DOI:10.1080/14682745.2018.1434508
35. Stereotypes and Stereotyping. In Macrae C.N., Stangor C., Hewstone M. (Eds.). New York: Guilford Press, 1996. 462 p.
36. Zur O. The love of hating: The psychology of enmity. *History of European Ideas*, 1991. Vol. 13, no. 4, pp. 345–369. DOI:10.1016/0191-6599(91)90004-1

Информация об авторах

Рябова Татьяна Борисовна, доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5270-7911>, e-mail: riabova2001@inbox.ru

Information about the authors

Tatiana B. Riabova, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5270-7911>, e-mail: riabova2001@inbox.ru

Получена 16.07.2022

Received 16.07.2022

Принята в печать 18.10.2022

Accepted 18.10.2022

Психологическое благополучие и приверженность нормам фемининности студенток, овладевающих помогающими профессиями в региональном и столичном вузах

Семенова Л.Э.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Николая Ивановича Лобачевского» (ФГАОУ ВО ННГУ им. Н.И. Лобачевского), г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5077-394X>, e-mail: verunechka08@list.ru

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Цель. *Определение специфики взаимосвязи психологического благополучия и приверженности нормативной модели фемининности у девушек-студенток, овладевающих помогающими профессиями в ходе обучения на медицинских и психологических факультетах вузов Москвы и Нижнего Новгорода.*

Контекст и актуальность. *В условиях социальной нестабильности и постоянного роста негативных воздействий на человека возникает необходимость более детального изучения психологического благополучия и специфики связи с ним других социально-психологических и личностных феноменов. При этом изменившийся социокультурный контекст развития личности как гендерного субъекта, обусловленный наряду с традиционными появлением новых эгалитарных норм, в частности, фемининности, актуализирует проблему взаимосвязи психологического благополучия личности современной женщины со степенью приверженности традиционным гендерным стандартам.*

Дизайн исследования. *Исследовалась взаимосвязь между уровнем психологического благополучия и степенью приверженности нормативной модели фемининности у студенток психологических и медицинских факультетов вузов Москвы и Нижнего Новгорода. Для анализа данных применялись *t*-критерий Стьюдента, *U*-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ (коэффициент Спирмена), коэффициент углового преобразования Фишера.*

Участники. *В исследовании принимали участие 92 человека, все — женского пола: 42 студентки психологических факультетов, 50 студенток медицинских факультетов 1 и 2 курсов вузов Москвы и Нижнего Новгорода в возрасте от 18 до 23 лет ($M=19,53$; $SD=1,11$).*

Методы (инструменты). *Опросник «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф в модификации Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко. Опросник «Нормы женского поведения» (И.С. Клецина, Е.В. Иоффе).*

Результаты. *Обнаружен средний уровень психологического благополучия по всей выборке, при этом есть различия у студенток-психологов и студенток-врачей по шкалам «Управление окружением» и «Личностный рост». Девушки, обучающиеся на медицинских факультетах регионального вуза, показывают большую приверженность традиционным нормам женского поведения, а также их благополучие в большей степени связано с традиционной моделью фемининности.*

Основные выводы. Установлена взаимосвязь между психологическим благополучием и приверженностью нормам феминности у студенток, осваивающих помогающие профессии в вузах Москвы и Нижнего Новгорода.

Ключевые слова: психологическое благополучие, позитивное функционирование личности, нормы женского поведения, традиционная и эгалитарная модель феминности, студентки столичного и регионального вузов.

Для цитаты: Семенова Л.Э., Сачкова М.Е. Психологическое благополучие и приверженность нормам феминности студенток, овладевающих помогающими профессиями в региональном и столичном вузах // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 107–123. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130407>

Psychological Well-Being and Adherence to the Norms of Femininity of Female Students Mastering Helping Professions in a Regional and Metropolitan University

Lidiya E. Semenova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5077-394X>, e-mail: verunechka08@list.ru

Marianna E. Sachkova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Objective. *Determination of the specifics of the relationship between psychological well-being and adherence to the normative model of traditional femininity based on the example of female students mastering helping professions at the medical and psychological faculties of Moscow and Nizhny Novgorod universities.*

Background. *In the context of social instability and the constant growth of negative impacts on a person there is a need for detail study of psychological well-being and the specifics of the connection with it of other socio-psychological and personal phenomena. At the same time, the changed socio-cultural context of personality development as a gender subject, caused along with the traditional emergence of new egalitarian norms, in particular, femininity, actualizes the problem of the relationship between the psychological well-being of a woman's personality and the degree of adherence to traditional gender standards.*

Study design. *The relationship between the level of psychological well-being and the degree of adherence to the traditional model of femininity among female students of psychological and medical faculties of Moscow and Nizhny Novgorod universities was studied. To analyze the data the Student's t-test, the Mann-Whitney U-test, correlation analysis (Spearman's coefficient), and the Fisher coefficient were used.*

Participants. *Sample: 92 female persons, 42 students of psychological faculties and 50 students of medical faculties of the 1st and 2nd years of higher education in Moscow and Nizhny Novgorod aged 18 to 23 years ($M=19,53$; $SD=1,11$).*

Measurements. *Questionnaire "Scale of psychological well-being" by K. Riff (adaptation by T.D. Shevelenkova and P.P. Fesenko), Questionnaire "Norms of female behavior" by I.S. Kletsina, E.V. Joffe.*

Results. *The average level of psychological well-being was found in the entire sample, while there are differences in female students of psychology and medicine between the scales of “Environment Management” and “Personal growth”. The sample of female students of medical faculties of regional university shows a greater commitment to traditional norms of female behavior, and their well-being is more associated with traditional femininity.*

Conclusions. *The relationship between psychological well-being and adherence to the norms of femininity in female students mastering helping professions in Moscow and Nizhny Novgorod universities is established.*

Keywords: *psychological well-being, positive functioning of the personality, norms of female behavior, traditional and egalitarian model of femininity, students of the metropolitan and regional universities.*

For citation: Semenova L.E., Sachkova M.E. Psychological Well-Being and Adherence to the Norms of Femininity of Female Students Mastering Helping Professions in a Regional and Metropolitan University. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 107–123. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130407> (In Russ.).

Введение

Вполне закономерно, что в условиях социальной нестабильности и дискомфорта, когда для многих людей жизненные трудности стали непомерно тяжелы [26], резко возрос научный интерес к проблеме психологического благополучия личности. В «обществе постоянного риска» именно психологическое благополучие признается значимым внутренним ресурсом, позволяющим человеку сохранять внутреннюю стабильность, жизнестойкость и устойчивость к стрессу, высокую (само)эффективность и успешность в различных социальных сферах [7; 28].

На сегодняшний день при разработке проблемы психологического благополучия особой популярностью пользуется многомерная модель К. Рифф, теоретической основой которой стали концепции, ориентированные на понимание благополучия, прежде всего, как позитивного функционирования и личностного роста индивида [31]. При этом установлено, что, будучи сложным феноменом, оно детерминируется целым комплексом различных факторов, среди которых важнейшая

роль отводится личностным ресурсам. Как правило, к их числу относят эмоциональный интеллект и оптимизм [1; 8]; когнитивную гибкость [17]; рефлексивность [23]; экстраверсию [27; 30]; интернальность [1]; проактивные и просоциальные копинг-стратегии [16; 24]; осведомленность в семейной истории [5] и др.

Перечисленные факторы были изучены преимущественно на обучающихся в школах и вузах, и это неслучайно, поскольку, с одной стороны, все происходящее в обществе трансформации отражаются, прежде всего, на молодом поколении и его психологическом благополучии, тогда как с другой — именно с молодежью как наиболее мобильной, социально активной и восприимчивой к инновациям группой обычно связывают все перспективные социальные изменения [21]. Однако в ряде исследований констатируется факт несформированности у молодежи основных психологических новообразований юношеского возраста, что негативно сказывается на их психологическом благополучии [11].

В последние годы одним из новых и перспективных направлений исследо-

ваний психологического благополучия становится проблема гендерной специфики этого феномена [20; 24]. В условиях современного общества неопределенности изменились не только контекст и процесс становления личности как гендерного субъекта, но и позиция самого научного сообщества в плане признания факта вариативности развития женской и мужской идентичности, появления новых — нетрадиционных нормативных моделей фемининности и маскулинности [12; 29]. Другими словами, применительно к культуре постмодерна гендер и все его феномены признаются уже не статичными, а постоянно становящимися, реконструирующимися, несущими в себе потенциал изменения [2].

Так, в ряде исследований отмечается факт наличия в современном российском обществе двух типов норм женского поведения — традиционного и эгалитарного, а также производного от них смешанного типа [12; 13; 15]. Основными характеристиками первого из них являются значимость привлекательной внешности и предписания необходимости ее сохранения; приоритет семейных ролей — установка на замужество и материнство как основную сферу самореализации; стремление быть хорошей хозяйкой; готовность заботиться о семье и близких; ориентация на сферу межличностных отношений и др. Эгалитарная модель фемининности базируется на важности ухода за внешностью в контексте заботы о своем здоровье и поддержании активной физической формы; понимании материнства как всего лишь одной из сторон жизни современной женщины и значимости для нее профессиональных ролей, т.е. предполагает установку на совмещение семейной и профессиональной самореализации, что основывается на идее взаимозаменяемости женских со-

циальных ролей с мужскими и партнерских отношений между лицами разного пола [13]. При этом имеются данные, свидетельствующие о том, что отход от традиционной гендерной модели и ориентацию на эгалитарный тип норм ролевого поведения чаще демонстрируют жители крупных, особенно столичных городов в отличие от провинциальных и малых [3; 10; 14; 22] и, прежде всего, женщины, нежели мужчины, поэтому в целом гендерного ролевого равноправия пока не наблюдается [10; 12]. Вместе с тем в работах некоторых авторов встречаются утверждения, что именно эгалитарные нормы поведения позволяют женщинам продуктивно преодолевать гендерные внутрилличностные конфликты и способствуют их благополучию [15]. Поэтому ориентацию на определенный тип гендерных норм можно рассматривать в качестве личностного фактора психологического благополучия. Однако эмпирическое подтверждение этому факту применительно к лицам женского пола мы не встретили. Более того, на сегодняшний день научные сведения о психологическом благополучии личности с разными вариантами развития гендерной идентичности, т.е. с учетом степени приверженности традиционным либо эгалитарным нормам в отечественной психологии остаются единичными [19].

В своем исследовании мы остановились на анализе психологического благополучия и норм женского поведения у студенток, осваивающих помогающие профессии врача и психолога. Мы исходили из того, что именно для представителей помогающих профессий, работающих, как правило, в эмоционально напряженных условиях длительного и интенсивного общения с высокой степенью личной ответственности, психологическое благополучие приобретает особое значение не

только с субъективной точки зрения, но и в контексте эффективности профессиональной деятельности. Кроме того, поскольку ситуации делового общения психолога и врача с клиентами/пациентами затрагивают много личностных проблем, связанных с ценностями, образом жизни и поведением, не меньшую роль для этих профессионалов приобретают разделяемые ими гендерные нормы как компонент их гендерной ментальности.

Исходя из изложенного выше, целью настоящего исследования стало изучение специфики взаимосвязи психологического благополучия и приверженности нормативной модели фемининности у девушек, осваивающих помогающие профессии, на примере студенток медицинских и психологических факультетов вузов столицы и региона.

В качестве гипотез в исследовании проверялись два предположения:

1. У студенток медицинских факультетов регионального вуза и психологических факультетов столичных вузов существуют различия как по показателям психологического благополучия, так и по степени приверженности традиционным и эгалитарным нормам женского поведения.
2. Психологическое благополучие взаимосвязано с приверженностью нормам фемининности. При этом у студенток медицинских и психологических факультетов вузов Москвы и Нижнего Новгорода характер взаимосвязи компонентов психологического благополучия и норм женского поведения будет различен.

Методы

Схема проведения исследования.

Участникам исследования было предложено на добровольной основе анонимно заполнить онлайн два опросника и анкету с социально-демографическими данными посредством Google-формы.

Выборка исследования. В исследовании участвовали 92 студентки 1 и 2 курсов вузов Москвы и Нижнего Новгорода, возраст респонденток от 18 до 23 лет ($M=19,53$; $SD=1,11$). Из них 42 студентки — учащиеся психологических факультетов московских вузов РАНХиГС и МГППУ, 50 студенток — учащиеся лечебного, педиатрического и стоматологического факультетов нижегородского вуза ПИМУ.

Методы исследования. Показатели психологического благополучия измерялись с помощью опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф в модификации Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко [25]. Методика включает в себя 6 шкал, отражающих такие показатели, как позитивность отношений с окружающими, уровень автономии и управления, личностный рост, жизненные цели и самопринятие. Опросник также позволяет выявить общий уровень психологического благополучия респондентов.

Второй использованной методикой стал опросник «Нормы женского поведения», разработанный И.С. Клециной и Е.В. Иоффе для выявления системы установок, связанных с нормами фемининности [12]. Шкалы данного опросника соответствуют основным гендерным нормам ролевого поведения женщин, а именно: установка на брак и материнство; значимость привлекательной внешности; важность заботы о семье и близких людях; стремление быть хорошей хозяйкой; эмоциональная чувствительность, мягкость, уступчивость, слабость и незащитность. При этом опросник сконструирован таким образом, что высокая степень согласия с утверждениями всех шкал свидетельствует о приверженности нормам традиционной модели фемининности, низкая степень — о приверженности нормам эгалитарной модели

фемининности, а средняя степень — о приверженности смешанному типу норм женского поведения. В результате можно определить тех, кто придерживается традиционной модели фемининности, и тех, кто ориентирован на смешанный тип или эгалитарную модель.

При заполнении анкеты респондентки должны были указать свой возраст, курс обучения, факультет (направление обучения).

Описательная статистика, различия и корреляции между переменными вычислялись с помощью статистического пакета SPSS 26.0. В ходе статистического анализа были применены t-критерий Стьюдента, U-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ (коэффициент Спирмена), коэффициент углового преобразования Фишера.

Результаты

В исследовании были получены данные, показывающие, что студентки 1 и 2 курсов имеют в целом средний уровень психологического благополучия (см. табл. 1). Соответственно, это позволяет

говорить о сбалансированной системе отношений респонденток с окружающим миром. Студентки достаточно удовлетворены своими взаимоотношениями с другими людьми, считают себя вполне компетентными в управлении повседневными делами, способными контролировать ситуацию и реализовывать жизненные цели, демонстрируют свою склонность к независимому образу мышления и возможность личностного саморазвития, а также имеют вполне позитивную самооценку.

Сравнивая результаты студенток-психологов и студенток-врачей вузов столицы и региона, можно отметить, что их показатели достаточно близки. Статистические различия были обнаружены только по двум шкалам: «управление окружением» и «личностный рост». Эмпирические данные были подвергнуты проверке на нормальность распределения по критерию Колмогорова-Смирнова, результат которой по всем шкалам методики ($p > 0,05$) позволил применить в качестве статистического коэффициента различий t-критерий Стьюдента.

Таблица 1

Основные структурные компоненты и общий уровень психологического благополучия респонденток разных групп

Шкалы	Студентки-психологи столичных вузов (N=42)	Студентки-врачи регионального вуза (N=50)	t-критерий Стьюдента
	M / SD	M / SD	
Позитивные отношения с другими	60,33 / 12,78	62,80 / 11,01	0,99 (p=0,32)
Автономия	57,57 / 10,71	58,58 / 9,61	0,48 (p=0,64)
Управление окружением	51,93 / 12,82	56,52 / 8,77	2,03 (p=0,05)
Личностный рост	68,00 / 8,57	64,32 / 9,19	-1,97 (p=0,05)
Цели в жизни	60,57 / 10,18	63,58 / 11,51	1,32 (p=0,19)
Самопринятие	56,10 / 12,69	59,32 / 11,19	1,30 (p=0,20)
Общий уровень ПБ	352,79 / 53,44	365,12 / 50,39	1,14 (p=0,26)

Условные обозначения. M — среднее значение, SD — стандартное отклонение.

На основе проведенного анализа было установлено, что студентки медицинских факультетов нижегородского вуза демонстрируют большую уверенность в своей способности использовать жизненные обстоятельства и условия для достижения личных потребностей ($p=0,05$), тогда как студентки-психологи московских вузов более ориентированы на личностный рост и саморазвитие, на раскрытие своего индивидуального потенциала ($p=0,05$). В целом, согласно результатам исследования, студентки медицинского регионального вуза несколько выше оценивают свое благополучие и принимают себя, хотя данная тенденция не достигает уровня статистической значимости.

Результаты исследования показали, что почти три четверти девушек, обучающихся на психологических факультетах столичных вузов, практически не ориентируются на традиционную модель фемининности, т.е., по сути, являются сторонницами эгалитарных норм, четверть имеют средний уровень приверженности нормам женского поведения, что соответствует смешанному типу норм фемининности, в то время как высокий уровень приверженности традиционной модели фемининности практически отсутствует (см. табл. 2).

В отличие от этого их ровесницы, обучающиеся в медицинском региональном вузе, в большинстве своем имеют средний уровень ориентации на традиционные гендерные нормы ролевого поведения женщин (смешанный тип), тогда как низкий и высокий уровни приверженности традиционным нормам встречаются реже (у одной четверти респонденток по каждому уровню). Зафиксированные в этом плане различия по ϕ -критерию Фишера имеют высокую степень статистической значимости.

Было обнаружено, что по всем шкалам степень приверженности гендерным нормам преобладает у студенток-врачей из регионального вуза. Так, студентки-психологи, обучающиеся в московских вузах, оказались мало ориентированы на замужество, материнство и ведение домашнего хозяйства и, напротив, считают значимой для своей самореализации профессиональную карьеру. Кроме того, они придерживаются эгалитарных установок на выстраивание с партнером паритетных отношений при решении хозяйственных проблем, склонны демонстрировать уверенное и независимое поведение и не рассматривают привлекательную внешность в качестве важного ресурса современной женщины. В свою очередь учащиеся нижегородского медицинского универ-

Таблица 2

Общий уровень приверженности традиционным нормам женского поведения респонденток разных групп

Общий уровень	Студентки-психологи столичных вузов (N=42)	Студентки-врачи регионального вуза (N=50)	ϕ -критерий Фишера
	кол. чел. / %	кол. чел. / %	
Низкий	31 / 73,8%	13 / 26%	4,76**
Средний	10 / 23,8%	25 / 50%	2,64**
Высокий	1 / 2,4%	12 / 24%	3,41**

Условное обозначение. ** — $p < 0,01$.

ситета ориентированы на совмещение семейных и профессиональных ролей, признают значимость в жизни женщины привлекательной внешности, но вместе с тем полагают, что она не должна серьезно влиять на самооценку. У них ярче выражена готовность заботиться о семье и близких, а также выше степень принятия своего зависимого положения в отношениях с партнером. Другими словами, для студенток-врачей регионального вуза характерен смешанный тип норм фемининности, в котором сочетаются традиционные и эгалитарные установки.

Поскольку полученные данные по опроснику показали отклонение от нормального распределения по критерию Колмогорова-Смирнова, для выявления различий был применен U-критерий Манна-Уитни, подтвердивший наличие статистических различий между двумя группами респонденток по всем шкалам при $p < 0,001$ (см. табл. 3).

Далее по каждой группе респонденток были проанализированы взаимосвязи между показателями психологического благополучия и компонентами нормативной модели фемининности. Результаты корреляционного анализа нашли свое отражение в табл. 4 и 5.

В частности, было установлено, что у студенток психологических факультетов московских вузов существуют значимые взаимосвязи между ощущением возможности управлять жизненными обстоятельствами и стремлением быть хорошей хозяйкой, заботиться о близких, а также отрицательные взаимосвязи показателей личностного роста с установкой на замужество и материнство и с такими стандартами женского поведения, как мягкость и чувствительность (см. табл. 4). Иначе говоря, студентки-психологи признают свою компетентность в решении повседневных вопросов и создании условий для

Таблица 3

Различия в степени приверженности традиционной модели фемининности респонденток разных групп

Шкалы	Средний ранг – студентки-психологи (N=42)	Средний ранг – студентки-врачи (N=50)	Критерий U Манна-Уитни
Установка на замужество и материнство	33,70	57,25	512,50***
Стремление быть хорошей хозяйкой	33,01	57,83	483,50***
Значимость привлекательной внешности	33,67	57,28	511,00***
Готовность заботиться о семье и близких	33,63	57,31	509,50***
Мягкость, чувствительность	32,94	57,89	480,50***
Зависимость в отношениях с мужчинами	34,17	56,86	532,00***
Общая степень приверженности традиционной модели фемининности	31,89	58,77	436,50***

Условное обозначение. *** – $p < 0,001$.

удовлетворения личных потребностей в том случае, когда демонстрируют свою ориентированность на выполнение роли домашней хозяйки и готовность проявлять заботу, и, напротив, признают наличие чувства самореализации внутреннего потенциала и самосовершенствования при ориентации на карьеру. Остальные корреляции у данной группы респондентов оказались статистически незначимыми.

В то же время у студенток медицинских факультетов регионального вуза большая часть взаимосвязей между показателями психологического благополучия и установками на нормы фемининности оказалась статистически значимой (см. табл. 5).

Только по шкале автономии не было зафиксировано ни одной корреляции с гендерными нормами, тогда как самопринятие, жизненные цели респонденток имеют ярко выраженные значимые

связи с ними. Четко прослеживается положительная взаимосвязь между готовностью к заботе о семье и близких и их общей степенью приверженности традиционной модели фемининности со всеми показателями психологического благополучия, за исключением автономии. При этом наименее выраженными оказались связи психологического благополучия с установками на поддержание привлекательной внешности, мягкостью и чувствительностью. В целом полученные данные свидетельствуют о подтверждении гипотезы о наличии взаимосвязи между показателями психологического благополучия и компонентами нормативной модели фемининности, что в первую очередь характерно для студенток нижегородского медицинского университета и только частично для учащихся психологических факультетов вузов Москвы.

Таблица 4

Корреляционные связи показателей психологического благополучия и приверженности традиционной модели фемининности студенток-психологов столичных вузов (по Спирмену), N=42

Шкалы	Установка на замужество и материнство	Стремление быть хорошей хозяйкой	Значимость привлекательной внешности	Готовность заботиться о семье и близких людях	Мягкость, чувствительность	Зависимость в отношениях с мужчинами	Общая степень приверженности традиционной модели
Позитивные отношения с другими	-0,08	0,10	0,08	0,19	-0,04	0,08	0,06
Автономия	-0,10	0,07	-0,06	-0,10	-0,11	0,01	-0,02
Управление окружением	0,17	0,43**	0,29	0,34*	0,18	0,30	0,32*
Личностный рост	-0,41**	-0,08	-0,21	-0,10	-0,31*	-0,08	-0,25
Цели в жизни	-0,17	0,10	-0,03	0,01	-0,27	-0,01	-0,08
Самопринятие	0,10	0,25	0,16	0,21	0,06	0,15	0,17
Общий уровень ПБ	-0,10	0,15	0,01	0,11	-0,10	0,05	0,02

Условные обозначения. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

**Корреляционные связи показателей психологического благополучия
и приверженности традиционной модели фемининности студенток-врачей
регионального вуза (по Спирмену), N=50**

Шкалы	Установка на замужество и материнство	Стремление быть хорошей хозяйкой	Значимость привлекательной внешности	Готовность заботиться о семье и близких людях	Мягкость, чувствительность	Зависимость в отношениях с мужчинами	Общая степень приверженности традиционной модели
Позитивные отношения с другими	0,28*	0,42**	0,11	0,54**	0,20	0,30*	0,40**
Автономия	-0,03	0,05	-0,16	0,23	-0,05	-0,11	0,01
Управление окружением	0,31*	0,36*	0,16	0,34*	0,20	0,15	0,32*
Личностный рост	0,23	0,27	0,07	0,49**	0,22	0,18	0,29*
Цели в жизни	0,45**	0,48**	0,34*	0,59**	0,43**	0,36*	0,53**
Самопринятие	0,36*	0,53**	0,34*	0,46**	0,39**	0,40**	0,53**
Общий уровень ПБ	0,34*	0,44**	0,19	0,54**	0,27	0,30*	0,44**

Условные обозначения. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Обсуждение результатов

В предпринятом исследовании на примере двух выборок – студенток, обучающихся на психологических и медицинских факультетах вузов Москвы и Нижнего Новгорода, – были обнаружены статистически значимые взаимосвязи между показателями психологического благополучия и компонентами нормативной модели фемининности. При этом большая часть такого рода корреляций была констатирована в группе учащихся медицинского регионального вуза. У этих респонденток прослеживается ориентация на смешанный тип нормативной модели фемининности. Что же касается учащихся психологических факультетов столичных вузов, то для этих девушек традиционная модель фемининности оказывается еще менее привлекательной и, следовательно, не рассматривается в качестве значимого ориентира.

Стоит отметить, что эти результаты хорошо сочетаются с данными, полученными в ряде других исследований по проблематике гендерной идентичности и гендерных идеалов современной молодежи. Так, в частности, ранее было показано, что подростки обоих полов чаще всего имеют андрогинную идентичность, и она в большей степени обеспечивает успешное поведение в группе и обществе [18]. Кроме того, во многом аналогичные данные были констатированы и относительно эгалитарных гендерных ориентиров преимущественно у девушек [9]. Однако постепенный отход от традиционных гендерных норм и стандартов маскулинности наблюдается также и у юношей. Так, было установлено, что у старшеклассников наблюдаются разные варианты развития мужской идентичности, среди которых помимо компенсаторного типа, относящегося к тради-

ционному (патриархатному) варианту, в числе доминантных оказывается и эгалитарный тип [19]. Наконец, обнаруженная нами региональная специфика ориентации девушек-студенток, осваивающих помогающие профессии, на нормативные модели фемининности в целом соответствует обозначенным рядом авторов тенденциям гендерной трансформации ментальности современной российской молодежи, согласно которым имеет место востребованность эгалитарных гендерных норм, прежде всего, столичными жителями и частично жителями мегаполисов, а склонность к традиционным идеалам фемининности и маскулинности в большей степени характерна для провинциальной молодежи [3; 10; 14; 22]. Несмотря на то, что участницами нашего исследования стали респондентки из городов-миллионников, в плане приверженности нормам фемининности вполне могли проявиться отличия в системе ценностей и установок столичных респонденток от провинциальных.

Обращает на себя внимание также факт выявленных различий в показателях психологического благополучия студенток медицинского и психологического факультетов вузов Москвы и Нижнего Новгорода. Во-первых, они касаются большей уверенности девушек — будущих врачей в своей возможности управлять окружением и, во-вторых, более высоких оценок своего личностного роста и внутренней направленности на саморазвитие девушек — будущих психологов. Полагаем, что эти различия, скорее всего, могут быть обусловлены не столько региональным фактором, сколько включенностью респонденток в освоение разных видов профессиональной деятельности: медицинской помощи, предполагающей высокую степень ответственности за жизнь и здоровье людей и,

как следствие, требующей уверенности в своих действиях и способности контролировать ситуацию, и психологической помощи, делающей акцент на принятие другого человека как уникального субъекта и создающей условия для его саморазвития. Другими словами, профессиональные задачи разных «помогающих» профессий задают разные ориентиры: у врачей в большей степени на контроль ситуации, у психологов — на личностное развитие. Во многом похожие результаты были получены ранее в сравнительном исследовании студентов-психологов со студентами-юристами, где, в частности, у будущих психологов была констатирована выраженная потребность в познании жизни, анализе противоречий окружающего мира и собственной личности, поиске причин и смысла происходящего [4]. Однако имеются и иные данные, иллюстрирующие более низкие показатели личностного роста у студентов-психологов по сравнению со студентами-управленцами [6]. В то же время если говорить об общем уровне психологического благополучия, то, согласно полученным нами результатам, у студенток психологических факультетов он оказался несколько ниже, чем у студенток медицинских факультетов. Объясняя подобный факт, мы можем согласиться с аргументами, приводимыми М.В. Бучацкой и М.В. Капрановой, подчеркивающими особую направленность профессионального обучения студентов-психологов на развитие рефлексии и самоанализа, включая его критические аспекты [6].

Заключение

В ходе эмпирического исследования были сделаны следующие **выводы**:

1. Между психологическим благополучием и приверженностью нормам

фемининности у студенток 1–2 курсов вузов существует взаимосвязь, определяемая как региональной спецификой, так и направленностью осваиваемой ими профессии.

2. Практически все показатели психологического благополучия положительно связаны с нормами фемининности у студенток — будущих врачей, обучающихся в региональном вузе. У будущих психологов, обучающихся в столичном вузе, традиционная модель фемининности положительно связана с показателем «управление окружающими», тогда как с «личностным ростом» она «входит в конфликт», что отражается в отрицательной корреляции.

3. Между студентками, обучающимися в столичном и региональном вузах, существуют различия по таким показателям благополучия, как «управление окружением», «личностный рост», а также по всем параметрам приверженности нормам фемининности.

4. Студентки-врачи из регионального вуза имеют средний уровень приверженности традиционной модели женского поведения, что соответствует смешанному типу нормативной модели фемининности, в то время как студентки-психологи столичных вузов показывают низкий уровень приверженности нормам традиционной фемининности и больше ориентируются на эгалитарную модель. В целом полученные результаты позволяют говорить о большей степени соотнесенности благополучия и норм женского поведения у студенток медицинских факультетов регионального вуза и прак-

тически об отсутствии подобного рода связей у студенток психологических факультетов столичных вузов.

Полагаем, что полученные в исследовании результаты позволяют не только расширить спектр видения проблемы благополучия современных молодых женщин, чье личностное развитие приходится на период смены гендерных норм, но и выйти на осмысление возможной психологической помощи им в плане сопровождения процесса личностного и профессионального становления с целью оптимизации психологического благополучия. Перспективы дальнейших исследований в области обозначенной проблематики мы видим в нескольких направлениях. Во-первых, в расширении линий сравнительного анализа с учетом факторов региональной специфики и профессионального обучения, т.е. с включением еще нескольких групп респондентов, а именно — студенток-психологов из региональных вузов и студенток-врачей из столичных вузов. Во-вторых, считаем целесообразным наряду с исследованиями, выполненными в русле епис-подхода, который предполагает анализ одной из гендерных групп — либо женской, либо мужской, перейти к исследованиям в русле етис-подхода, который предполагает сравнительный анализ изучаемых феноменов и их взаимосвязи применительно к двум гендерным группам — женской и мужской и, соответственно, выявление гендерной специфики взаимосвязи психологического благополучия и степени приверженности нормам фемининности и маскулинности.

Литература

1. Астанина Н.Б. Вера в справедливый мир как коррелят психологического благополучия подростков [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2016. Том 5. № 4. С. 26–38. DOI:10.17759/psyclin.2016050402

2. Балдицына Е.И., Бакланов И.С., Бакланова О.А. Особенности исследования гендерной идентичности в современной социальной теории // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 2. С. 43–51. DOI:10.21064/WinRS.2019.2.4
3. Бегина И.А., Ивченко С.Г., Шахматова Н.В. Гендерные стереотипы современной провинциальной молодежи: опыт социологического измерения // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 1(86). С. 19–29. DOI:10.21064/WinRS.2018.1.2
4. Богданович Н.В., Щеткина Е.И., Борисова А.А., Шевцова Н.А., Моисеева Л.П. Особенности ценностно-смысловой сферы у студентов в период обучения в вузе [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2019. Том 9. № 2. С. 232–249. DOI:10.17759/psylaw.2019090216
5. Бондаренко Я.А. Изучение осведомленности в семейной истории: психологическое благополучие и девиантное поведение [Электронный ресурс] // *Психолого-педагогические исследования*. 2020. Том 12. № 1. С. 72–85. DOI:10.17759/psyedu.2020120106
6. Буцацкая М.В., Капранова М.В. Особенности структуры психологического благополучия учащихся и студентов различных направлений профессиональной подготовки // *Психологическая наука и образование*. 2015. Том 20. № 2. С. 63–69. DOI:10.17759/pse.2015200207
7. Головей Л.А., Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Савеньшева С.С., Муртазина И.Р. Роль психологического благополучия и удовлетворенности жизнью в восприятии повседневных стрессоров // *Консультативная психология и психотерапия*. 2018. Том 26. № 4. С. 8–26. DOI:10.17759/cpp.2018260402
8. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Диагностика оптимизма: разработка детского опросника оптимистического стиля объяснения успехов и неудач [Электронный ресурс] // *Культурно-историческая психология*. 2017. Том 13. № 2. С. 50–60. DOI:10.17759/cipr.2017130206
9. Девисенко К.С. Изменения гендерных идеалов старшеклассников (2010 и 2018 гг.) // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2019. № 5. С. 17–22. DOI:10.33491/telescope2019.5-602
10. Ерофеева М.А., Ключко О.И. Представления о нормах женского поведения у российской студенческой молодежи // *Человеческий капитал*. 2020. № 10(142). С. 223–233.
11. Идобаева О.А. К построению модели исследования психологического благополучия личности: психолого-развитийный и психолого-педагогический аспекты // *Вестник Томского гос. ун-та*. 2011. № 351. С. 128–124.
12. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. М.: Проспект, 2017. 144 с.
13. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 3. С. 72–90. DOI:10.21064/WinRS.2019.3.6
14. Ключко О.И. Гендерные трансформации в социализации и ментальности российской молодежи // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки*. 2018. № 1. С. 29–35.
15. Ключко О.И., Штылева Л.В. Гендерные трансформации в ментальности современных российских школьниц // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 2(38). С. 240–255.
16. Одишова М.А., Куляцкая М.Г. Психологическое благополучие студентов с инвалидностью в инклюзивной среде смешанного обучения [Электронный ресурс] // *Психолого-педагогические исследования*. 2019. Том 11. № 2. С. 30–42. DOI:10.17759/psyedu.2019110204
17. Пуговкина О.Д., Шильникова З.Н. Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия [Электронный ресурс] // *Современная зарубежная психология*. 2014. Том 3. № 2. С. 18–28. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2014/n2/70100.shtml> (дата обращения: 20.01.2021).
18. Сачкова М.Е., Тимошина И.Н. Особенности представлений подростков о себе и лидере в школьном классе: гендерный аспект [Электронный ресурс] // *Психологическая наука*

- и образование psyedu.ru. 2013. Том 5. № 2. С. 48–61. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/p2/61306.shtml (дата обращения: 20.01.2021).
19. Семенова Л.Э., Семенова В.Э., Серебрякова Т.А., Конева И.А. Психологическое благополучие юношей-старшеклассников с разными вариантами развития мужской идентичности [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2019. Том 7. № 4. С. 7. DOI:10.26795/2307-1281-2019-7-4-7 URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1038> (дата обращения: 20.01.2021).
20. Семенова Л.Э., Серебрякова Т.А., Семенова В.Э. Гендерная специфика смыслового значения счастья в представлениях людей разных возрастов [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2017. № 4. DOI:10.26795/2307-1281-2017-4-8 URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/703/0> (дата обращения: 20.01.2021).
21. Тарасова О.А. Гендерные стереотипы современной студенческой молодежи (региональный аспект): дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2014. 173 с.
22. Тихомиров Д.А., Новицкая К.В. Представления молодежи Москвы о гендерных ролях и характеристиках современной женщины // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 3. С. 90–102.
23. Умняшова И.Б. Анализ подходов к оценке психологического благополучия школьников // Вестник практической психологии образования. 2019. № 3(3). С. 94–105. DOI:10.17759/bpre.2019160306
24. Холмогорова А.Б., Герасимова А.А. Психологические факторы проблемного использования Интернета у девушек подросткового и юношеского возраста // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Том 27. № 3. С. 138–155. DOI:10.17759/cpp.2019270309
25. Швеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.
26. Denis D. De illusie van vrijheid // Psychologie Magazine. 2019. № 2. P. 61–63.
27. Keyes C.L.M., Shmotkin D., Ryff C.D. Optimizing Well-Being: The Empirical Encounter of Two Traditions // Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 82. № 6. P. 1007–1022. DOI:10.1037/0022-3514.82.6.1007
28. Kuykendall L., Tay L. Employee subjective well-being and physiological functioning: An integrative model // Health psychology open. 2015. № 2(1). DOI:10.1177/2055102915592090
29. Lee J.Y., Lee S.J. Caring is masculine: Stay-at-home fathers and masculine identity // Psychology of Men and Masculinity. 2018. № 19(1). P. 47–58. DOI:10.1037/men0000079
30. Raynor D.A., Levine H. Associations Between the Five-Factor Model of Personality and Health Behaviors Among College Students // Journal of American College Health. 2009. Vol. 58. № 1. P. 73–82. DOI:10.3200/JACH.58.1.73-82
31. Ryff C.D., Keyes C.L.M. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69(4). P. 719–727. DOI:10.1037/0022-3514.69.4.719

References

1. Astanina N.B. Vera v spravedlivyi mir kak korrelyat psikhologicheskogo blagopoluchiya podrostkov [Elektronnyi resurs] [Faith in a just world as a correlate of psychological well-being of adolescents]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical and special psychology*, 2016. Vol. 5, no. 4, pp. 26–38. DOI:10.17759/psyclin.2016050402 (In Russ.).
2. Balditsyna E.I., Baklanov I.S., Baklanova O.A. Osobennosti issledovaniya gendernoï identichnosti v sovremennoï sotsial'noi teorii [Features of the study of gender identity in modern social theory]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2019, no. 2, pp. 43–51. DOI:10.21064/WinRS.2019.2.4 (In Russ.).
3. Beginina I.A., Ivchenkov S.G., Shakhmatova N.V. Gendernye stereotipy sovremennoï provintsial'noi molodezhi: opyt sotsiologicheskogo izmereniya [Gender stereotypes of modern

- provincial youth: the experience of the sociological dimension]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = A woman in Russian society*, 2018, no. 1(86), pp. 19–29. DOI:10.21064/WinRS.2018.1.2 (In Russ.).
4. Bogdanovich N.V., Shchetkina E.I., Borisova A.A., Shevtsova N.A., Moiseeva L.P. Osobennosti tsennostno-smyslovoi sfery u studentov v period obucheniya v vuze [Elektronnyi resurs] [Features of the value-semantic sphere of students during their studies at the university]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 232–249. DOI:10.17759/psylaw.2019090216 (In Russ.).
 5. Bondarenko Ya.A. Izuchenie osvedomlennosti v semeinoi istorii: psikhologicheskoe blagopoluchie i deviantnoe povedenie [Elektronnyi resurs] [The study of awareness in family history: psychological well-being and deviant behavior]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological and pedagogical research*, 2020. Vol. 12, no. 1, pp. 72–85. DOI:10.17759/psyedu.2020120106 (In Russ.).
 6. Buchatskaya M.V., Kapranova M.V. Osobennosti struktury psikhologicheskogo blagopoluchiya uchashchikhsya i studentov razlichnykh napravlenii professional'noi podgotovki [Features of the structure of psychological well-being of students and students of various areas of professional training]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2015. Vol. 20, no. 2, pp. 63–69. DOI:10.17759/pse.2015200207 (In Russ.).
 7. Golovei L.A., Petrash M.D., Strizhitskaya O.Yu., Savenysheva S.S., Murtazina I.R. Rol' psikhologicheskogo blagopoluchiya i udovletvorennosti zhizn'yu v vospriyatii povsednevnykh stressorov [The role of psychological well-being and life satisfaction in the perception of everyday stressors]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Consultative Psychology and Psychotherapy*, 2018. Vol. 26, no. 4, pp. 8–26. DOI:10.17759/cpp.2018260402 (In Russ.).
 8. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. Diagnostika optimizma: razrabotka detskogo oprosnika optimisticheskogo stilya ob'yasneniya uspekhov i neudach [Elektronnyi resurs] [Diagnostics of optimism: development of a children's questionnaire of the optimistic style of explaining success and failure]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural and historical psychology*, 2017. Vol. 13, no. 2, pp. 50–60. DOI:10.17759/chp.2017130206 (In Russ.).
 9. Devisenko K.S. Izmeneniya gendernykh idealov starsheklassnikov (2010 i 2018 gg.) [Changes in the gender ideals of high school students (2010 and 2018)]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy = Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, 2019, no. 5, pp. 17–22. DOI:10.33491/telescope2019.5-602 (In Russ.).
 10. Erofeeva M.A., Klyuchko O.I. Predstavleniya o normakh zhenskogo povedeniya u rossiiskoi studencheskoi molodezhi [Representations about the norms of female behavior in Russian student youth]. *Chelovecheskii kapital = Human Capital*, 2020, no. 10(142), pp. 223–233. (In Russ.).
 11. Idobaeva O.A. K postroeniyu modeli issledovaniya psikhologicheskogo blagopoluchiya lichnosti: psikhologo-razvitiinyi i psikhologo-pedagogicheskii aspekty [To the construction of a model for the study of psychological well-being of the individual: psychological-developmental and psychological-pedagogical aspects]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta = Bulletin of the Tomsk State University*, 2011, no. 351, pp. 128–124. (In Russ.).
 12. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Gendernye normy kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen: monografiya [Gender norms as a socio-psychological phenomenon]. Moscow: Prospekt, 2017. 144 p. (In Russ.).
 13. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Normy zhenskogo povedeniya: traditsionnaya i sovremennaya modeli [Norms of female behavior: traditional and modern models]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2019, no. 3, pp. 72–90. DOI:10.21064/WinRS.2019.3.6 (In Russ.).
 14. Klyuchko O.I. Gendernye transformatsii v sotsializatsii i mental'nosti rossiiskoi molodezhi [Gender transformations in socialization and mentality of Russian youth]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki = Vestnik MGPU. Series: Philosophical Sciences*, 2018, no. 1, pp. 29–35. (In Russ.).

15. Klyuchko O.I., Shtyleva L.V. Gendernye transformatsii v mental'nosti sovremennykh rossiiskikh shkol'nits [Gender transformations in the mentality of modern Russian schoolgirls]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Prospects of science and education*, 2019, no. 2(38), pp. 240–255. (In Russ.).
16. Odintsova M.A., Kulyatskaya M.G. Psikhologicheskoe blagopoluchie studentov s invalidnost'yu v inklyuzivnoi srede smeshannogo obucheniya [Elektronnyi resurs] [Psychological well-being of students with disabilities in the inclusive environment of mixed learning]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological and pedagogical research*, 2019. Vol. 11, no. 2, pp. 30–42. DOI:10.17759/psyedu.2019110204 (In Russ.).
17. Pugovkina O.D., Shil'nikova Z.N. Kontseptsiya mindfulness (osoznannost'): nespetsificheskii faktor psikhologicheskogo blagopoluchiya [Elektronnyi resurs] [The concept of mindfulness (mindfulness): non-specific factor of psychological well-being]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern foreign psychology*, 2014. Vol. 3, no. 2, pp. 18–28. Available at: <http://psyjournals.ru/jmfp/2014/n2/70100.shtml> (Accessed 20.01.2021). (In Russ.).
18. Sachkova M.E., Timoshina I.N. Osobennosti predstavlenii podrostkov o sebe i lidere v shkol'nom klasse: gendernyi aspekt [Elektronnyi resurs] [Features of teenagers' ideas about themselves and the leader in the school class: gender aspect]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru = Psychological science and education psyedu.ru*, 2013. Vol. 5, no. 2, pp. 48–61. Available at: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n2/61306.shtml (Accessed 20.01.2021). (In Russ.).
19. Semenova L.E., Semenova V.E., Serebryakova T.A., Koneva I.A. Psikhologicheskoe blagopoluchie yunoshei-starsheklassnikov s raznymi variantami razvitiya muzhskoi identichnosti [Elektronnyi resurs] [Psychological well-being of young high school students with different variants of male identity development]. *Vestnik Mininskogo universiteta = Vestnik of Minin University*, 2019. Vol. 7, no. 4, p. 7. DOI:10.26795/2307-1281-2019-7-4-7 (In Russ.).
20. Semenova L.E., Serebryakova T.A., Semenova V.E. Gendernaya spetsifika smyslovogo znacheniya schast'ya v predstavleniyakh lyudei raznykh vozrastov [Gender specificity of the semantic meaning of happiness in the representations of people of different ages]. *Vestnik Mininskogo universiteta = Vestnik of Minin University*, 2017, no. 4. DOI:10.26795/2307-1281-2017-4-8 (In Russ.).
21. Tarasova O.A. Gendernye stereotipy sovremennoi studencheskoi molodezhi (regional'nyi aspekt). Diss. kand. sociol. nauk [Gender stereotypes of modern student youth (regional aspect). PhD (Sociology) Thesis]. Ekaterinburg, 2014. 173 p. (In Russ.).
22. Tikhomirov D.A., Novitskaya K.V. Predstavleniya molodezhi Moskvy o gendernykh rolyakh i kharakteristikakh sovremennoi zhenshchiny [Representations of the youth of Moscow on gender roles and characteristics of modern women]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya = Horizons of humanitarian knowledge*, 2018, no. 3, pp. 90–102. (In Russ.).
23. Umnyashova I.B. Analiz podkhodov k otsenke psikhologicheskogo blagopoluchiya shkol'nikov [Elektronnyi resurs] [Analysis of approaches to assessing the psychological well-being of schoolchildren]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of practical psychology of Education*, 2019, no. 3(3), pp. 94–105. DOI:10.17759/bppe.2019160306 (In Russ.).
24. Kholmogorova A.B., Gerasimova A.A. Psikhologicheskie faktory problemnogo ispol'zovaniya Interneta u devushek podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta [Psychological factors of problematic use of the Internet in girls of adolescent and youth age]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Consultative psychology and psychotherapy*, 2019. Vol. 27, no. 3, pp. 138–155. DOI:10.17759/cpp.2019270309 (In Russ.).
25. Shevelenkova T.D., Fesenko P.P. Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti (obzor kontseptsii i metodika issledovaniya) [Psychological well-being of the individual (review of concepts and methods of research)]. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological diagnostics*, 2005, no. 3, pp. 95–129. (In Russ.).
26. Denis D. De illusie van vrijheid. *Psychologie Magazine*, 2019, no. 2, pp. 61–63.

27. Keyes C.L.M., Shmotkin D., Ryff C.D. Optimizing Well-Being: The Empirical Encounter of Two Traditions. *Personality and Social Psychology*, 2002. Vol. 82, no. 6, pp. 1007–1022. DOI:10.1037/0022-3514.82.6.1007
28. Kuykendall L., Tay L. Employee subjective well-being and physiological functioning: An integrative model. *Health psychology open*, 2015, no. 2(1). DOI:10.1177/2055102915592090
29. Lee J.Y., Lee S.J. Caring is masculine: Stay-at-home fathers and masculine identity. *Psychology of Men and Masculinity*, 2018, no. 19(1), pp. 47–58. DOI:10.1037/men0000079
30. Raynor D.A., Levine H. Associations Between the Five-Factor Model of Personality and Health Behaviors Among College Students. *Journal of American College Health*, 2009. Vol. 58, no. 1, pp. 73–82. DOI:10.3200/JACH.58.1.73-82
31. Ryff C.D., Keyes C.L.M. The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995. Vol. 69(4), pp. 719–727. DOI:10.1037/0022-3514.69.4.719

Информация об авторах

Семенова Лидия Эдуардовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и социальной психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Николая Ивановича Лобачевского» (ФГАОУ ВО ННГУ им. Н.И. Лобачевского), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5077-394X>, e-mail: verunehka08@list.ru

Сачкова Марианна Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Института общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Information about the authors

Lidiya E. Semenova, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General and Social Psychology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5077-394X>, e-mail: verunehka08@list.ru

Marianna E. Sachkova, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>, e-mail: msachkova@mail.ru

Получена 23.01.2021

Принята в печать 18.10.2022

Received 23.01.2021

Accepted 18.10.2022

Гендерные представления девушек, увлекающихся метажанром «Boy's Love»

Воронцов Д.В.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ),

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7725-8929>, e-mail: dmvorontsov@sfnedu.ru

Цель. Определить характер связи между увлечением поклонниц метажанра «Boys' Love» (BL, «яой») визуальными репрезентациями мужских гомосексуальных отношений и содержанием их гендерных представлений.

Контекст и актуальность. В настоящее время в подростковых виртуальных субкультурах по всему миру отмечается широкий интерес к комиксам манга. Манга имеет огромное разнообразие стилей, жанров и целевых аудиторий. Однако среди гетеросексуальных девушек подросткового и юношеского возраста нередко обнаруживается устойчивый интерес к рисункам с гомосексуальным содержанием и мужскими персонажами андрогинного внешнего облика (метажанр BL). Для адекватного понимания причин такого увлечения необходимо охарактеризовать особенности идеальных гендерных представлений (идеологии) поклонниц этого метажанра манга.

Дизайн исследования. Опрос подписчиц пабликов BL в социальных медиа. Для выявления специфики гендерных представлений поклонниц метажанра BL использовалась контрольная группа поклонниц других метажанров манга, знающих о метажанре BL, но осознанно отвергающих его. Значимость различий определялась с помощью критерия Фишера, критерия Манна-Уитни, критерия согласия Пирсона χ^2 .

Участники. Российская выборка: 140 респондентов женского пола от 11 до 45 лет ($M=17,95$; $SD=4,84$). Основная группа – 90 человек 11–45 лет ($M=18,88$; $SD=5,22$). Контрольная группа – 50 человек 12–27 лет ($M=16,79$; $SD=3,10$).

Методы (инструменты). Анкета для определения социально-демографических характеристик выборки. Авторский опросник для определения социально-психологических эффектов визуальных образов. Опросник на выявление приверженности маскулинной идеологии (Дж. Плек, Ф. Зоненштейн, Л. Ку). Опросник «Гендерные характеристики личности» для выявления нормативных гендерных представлений, гендерных стереотипов и предубеждений (И.С. Клещина). Психосемантическая модификация опросника «МиФ» (маскулинность и фемининность) (Т.А. Бессонова) в адаптации Н.В. Дворянчикова для выявления индивидуальных конструктов фемининности.

Результаты. В гендерной идеологии поклонниц BL отражается ненормативное сочетание гендерных характеристик и особая смысловая интерпретация ими фемининности. Они чаще описывают фемининность с использованием черт, которые считаются маскулинными в консервативной гендерной идеологии. Важным отличием их представлений выступает низкая выраженность гендерной поляризации. Гендерная идентичность поклонниц BL соответствует неортогональной модели. Ядро гендерной идентичности всех людей должны, по их мнению, составлять гендерно-нейтральные качества. В гомоэротических комиксах всех респондентов привлекает изображение мужской эмоциональности. Однако поклонницы BL в меньшей мере склонны воспринимать мужчин в свете идеалов нормативной (гегемонной) маскулинности.

Основные выводы. Интерес гетеросексуальных девушек к BL базируется на возможности осмысления в вымышленной реальности собственной гендерной ненормативности, способности метажанра BL адекватно раскрывать индивидуально значимые смыслы и обеспечивать социальное подтверждение и устойчивость новых гендерных практик.

Ключевые слова: гендерные представления, гендерная идентичность, фемининность, гомосексуальная маскулинность, гомоэротика, яой.

Благодарности. Автор благодарит за помощь в сборе данных для исследования выпускницу магистратуры «Психология» 2018 года И.А. Баранишину.

Для цитаты: Воронцов Д.В. Гендерные представления девушек, увлекающихся метажанром «Boy's Love» // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 124–141. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130408>

Gender Representations of Young Female “Boy’s Love” Fans

Dmitry V. Vorontsov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7725-8929>, e-mail: dmvorontsov@sfnedu.ru

Objective. To describe the relations between liking visual representations of male same-sex romance and gender representations of young female fans of BL.

Background. Nowadays there is a globally spread interest in manga among teenagers. Manga has a vast diversity of styles, genres, and followers. Nevertheless, some heterosexual girls quite often demonstrate stable interest in the manga sub-genre focusing on homoerotic relationships between young – and frequently androgynous – male characters. This research has addressed an issue whether heterosexual girls’ liking for visual representations of male homosexuality in Boy’s Love (BL) comics relates to their gender representations.

Study design. The survey among the members of the Internet Social Media Manga Publics included: description of socio-psychological effects of viewing BL pictures, scaling attitudes towards masculinity ideology, exploration of gender role beliefs and description of femininity concepts. Comparison of the data between BL fans and other members of Manga Publics being acquainted with Boys’ Love, but deliberately neglecting it. Mann – Whitney U test, Fisher F test, and Pearson’s chi-squared test are used.

Participants. Russian sample: 140 female respondents 11–45 years old ($M=17,95$; $SD=4,84$). Main group consists of 90 respondents 11–45 years old ($M=18,88$; $SD=5,22$). Control group consists of 50 respondents 12–27 years old ($M=16,79$; $SD=3,10$).

Measurements. Questionnaire of socio-demographic characteristics. Author’s scale of socio-psychological effects of visual representations. Masculinity Ideology in Relationships Scale by J.H. Pleck, F.L. Sonenstein, L.C. Ku. Gendered Personality Characteristics (I.S. Klyotsina). Masculinity and Femininity Questionnaire by T.A. Bessonova – psycho-semantic version by N.V. Dvoryanchikov for examining individual femininity constructs.

Results. Girls that fond of homoerotic drawn fictions prefer non-normative gendered traits combinations and give specific interpretation of their femininity. BL followers significantly often describe their femininity with traditionally masculine traits. Gender polarization is weak. Gender identity of female BL fans comply with non-orthogonal conceptualization. They believe that core of gender identity in every human being should consist of gender-neutral characteristics. Male emotionality, represented in homoerotic drawings, arrests attention of all respondents. But BL fans are less likely to perceive men in the light of normative (hegemonic) masculinity.

Conclusions. *Straight girls' enthusiasm for BL is grounded in the possibility of apprehending their gender non-normativity/non-conformity within a fictional reality, and in BL manga meta-genre capability to display adequately significant aspects of new non-normative gender practices and ensure their social affirmation.*

Keywords: *gender representations, gender identity, femininity, gay masculinity, male homoerotic, boy's love.*

Acknowledgements. The author is grateful for assistance in data collection to I.A. Baranishina, MA graduate 2018 in Psychology, SfedU.

For citation: Vorontsov D.V. Gender Representations of Young Female “Boy’s Love” Fans. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 124–141. DOI: https://doi.org/10.17759/sps.2022130408_ (In Russ.).

Введение

В настоящее время в подростковых виртуальных субкультурах по всему миру отмечается широкий интерес к такой разновидности японской массовой развлекательной культуры, как комиксы манга. Под комиксами принято понимать серийные рисунки на определенную тему, которые объединены в единую сюжетную линию и нацелены на формирование у зрителя эстетического отклика [5]. Аутентичные для японской культуры работы в стиле манга имеют не так много общего с изображениями, которые именуются мангой в современной массовой культуре — как японской, так и глобальной. Сегодняшняя манга — это не просто техника живописи, отражающая буддийские представления о мироздании и особенности восприятия реальности человеком в рамках буддийской культуры, а восточная версия западного феномена визуальной массовой культуры — комикса (англ. *comic* — смешной, *strip* — комбинация сюжетных эпизодов), развлекательного повествования в картинках о жизни культовых героев. Манга имеет огромное разнообразие стилей, жанров и целевых аудиторий. Однако среди девушек подросткового и юношеского возраста нередко возникает

устойчивый интерес к особой разновидности комиксов в стиле манга, в которой основная любовная линия, включающая как романтические, так и сексуальные отношения, разворачивается между молодыми мужчинами, имеющими андрогинный внешний облик.

Возрастание интереса женской аудитории к потреблению масс-культурных объектов искусства, повествующих о романтических и сексуальных отношениях между мужчинами, начало фиксироваться в 1970-е годы. Именно в это время в англоязычных странах Запада появляется *slash fan fiction* — особый эротический жанр любительского творчества (в то время преимущественно литературный), созданный взрослыми гетеросексуальными женщинами и ориентированный на женскую аудиторию. В этом жанре акцент делается именно на романтических и сексуальных отношениях между мужскими персонажами. Термин «слэш» (косая черта) в главном значении призван символизировать тайный парный и «перевернутый» по отношению к исходному сюжету характер связи двух персонажей. Однако один из семантических пластов, заключенных в названии жанра (англ. *slash* — резкий удар с плеча, наотмашь), отсылает к тому, что этот вид

творчества особым образом бросает вызов нормативным конструктам гендера и сексуальности. Художественное произведение наносит «удар с плеча» по патриархатным установкам посредством представления в качестве гомосексуалов мужских персонажей из масс-культовых произведений, которые в оригинальных продуктах изображались носителями гегемонной маскулинности (например, Капитан Кирк и Первый офицер Спок из телесериала «Звездный путь»/«Star Track»). В этом значении *Slash fan fiction* можно трактовать в качестве проактивного феминистски ориентированного «перепрочтения» медийных текстов, а сам жанр — местом сопротивления консервативной гендерной идеологии, обсуждения и принятия собственных нереализованных желаний [15].

В Японии примерно в это же время в рамках комиксов, выполненных в технике манга, возникает ориентированный на женщин жанр *shonen-ai*, в котором тоже изображаются любовные отношения двух молодых мужчин, но без откровенного сексуального компонента. В 1980-е годы на основе *shonen-ai* появилось массовое производство одновременно коммерческой и любительской версии уже эротических произведений в формате манги, которая получила название *yaoi* (или *BL* — *Boy's Love*). Сегодня термин «BL»/«яой» стал зонтичным для японского (и вдохновленного им) метажанра искусства для женщин, в котором изображаются романтические и сексуальные отношения между мужчинами. Феминистский посыл в BL присутствует, хотя и в восточном варианте. Изображения мужской гомосексуальности здесь тоже выступают оппозицией мачистской гетеросексуальности и гегемонной маскулинности, а гомосексуальные отношения главных героев (как и кошачьи хвосты у

мужчин в других версиях манги) служат цели феминизации и лишения оснований для занятия властной позиции в системе гендерных отношений [16].

Хотя появление слэш и BL было определенным образом связано с функционированием феминистских идей в обществе, их сложно называть феноменами визуальной культуры с открытой феминистской идеологией. Согласно концепции «многоместной» (мультилокальной) этнографии (*multisited ethnography*) Дж. Маркуса [17], яой как продукт постсовременной культуры вообще может не иметь фиксированного значения или содержания, поскольку в нем пересекается локальное и глобальное. К BL как продукту японской массовой культуры в разных культурных пространствах не только «добавляются» новые компоненты, но происходит и привнесение других смыслов и значений при сохранении базовой визуальной формы. Однако социально-психологическая функция BL, лежащая в основе устойчивого интереса гетеросексуальных женщин к комиксам, эксплуатирующим мужскую гомосексуальность, скорее всего, остается инвариантной. Тексты и картинки, изображающие молодых людей, которые состоят между собой в романтических и сексуальных отношениях, обладают перформативной силой и выступают средством формирования и выражения особой гендерной идентичности. Они представляют собой гиперреальность в понимании Ж. Бодрийяра — симуляцию реальности, которой объективно не существует в том виде, в каком она представляется; симуляцию, которая замещает реальность символической моделью, воспринимаемой более реальной, нежели сама жизнь [8]. Как отмечает У. Эко, симулякр в гиперреальности не просто замещает оригинал и становится знаком с иным зна-

чением, а превращается в новый и более совершенный знак, который оказывается предпочтительным по отношению к оригиналу [12]. В гиперреальности сексуальные и романтические чувства мужских персонажей друг к другу — не та гомосексуальность, которая есть в реальном мире, а эстетическая галлюцинация, в которой гомосексуальность репрезентирует некоторую иную, более совершенную с точки зрения любителей ВЛ систему гендерных отношений.

Согласно концепции Л. Малви [6], удовольствие, которое гетеросексуальные женщины получают от разглядывания рисованных историй мужских гомосексуальных отношений, базируется на символическом узнавании своей собственной субъективности при одновременном восприятии мужских персонажей в качестве носителей более совершенной маскулинности. В то же время структура комикса производит скопофильский эффект получения эротически окрашенного удовольствия стороннего наблюдателя, возникающего в результате подглядывания не просто за чужой личной жизнью, но интимной жизнью мужчин. Существенным элементом выступает восприятие истории сквозь призму идеального гендерного «Я» девушек. При этом в соответствии с лакановской концепцией личности, которая в своем развитии проходит «зеркальную» стадию узнавания себя во внешнем образе, эксплицитное гомоэротическое содержание комикса вытесняется на периферию сознания зрительниц, поскольку нарциссизм и скопофилия безразличны к воспринимаемой реальности.

Эти психологические процессы в условиях российских реалий разворачиваются на фоне государственной политики неоконсерватизма, санкционирующей ценность гендерного диспаритета. Ге-

теросексуальная матрица жесткого разделения «мужской» и «женской» роли, господствующая в неоконсервативном культурном пространстве, может становиться препятствием для получения женщинами, мыслящими в качественно других кодах восприятия гендера, идентичности и сексуальности, визуального удовольствия от восприятия нормативных визуальных объектов. Следовательно, именно усиление неоконсерватизма в политике может провоцировать рост интереса к ВЛ у молодых женщин, ориентирующихся на либеральный полюс гендерной идеологии.

Социально-психологическое содержание понятия гендерной идеологии, сформулированное Р. Калином и П. Тилби, раскрывается в системе личных убеждений (мнения) о том, как подобает вести себя мужчине или женщине в различных сферах социального взаимодействия: отношения на работе; родительские отношения (за что должны нести ответственность мужчины, а за что — женщины); межличностные отношения, включая дружбу, ухаживания и сексуальные отношения; особые «женские» обязанности, лежащие в основе представлений о фемининности и женском самоопределении; а также убеждения, характеризующие отношение к материнству, абортam и гомосексуальности [13]. По сути, гендерная идеология представляет собой нормативную версию системы гендерных представлений личности. В качестве разновидности системы гендерных представлений гендерная идеология может оказывать влияние на мотивы установления и характер межличностных отношений, предпочитаемые модели социального взаимодействия и, по-видимому, на предпочтения в выборе партнеров по межличностному взаимодействию, поскольку она тесно связана с системой

ценностных ориентаций людей. По мнению М.О. Мдивани и Э.В. Лидской, гендерная идеология является когнитивным компонентом гендерных стереотипов [7]. Гендерные стереотипы можно рассматривать в качестве схематизированных, обобщенных образов мужчин и женщин [10]. А согласно взглядам С. Бем, под гендерной схематизацией следует понимать готовность видеть реальность в качестве разделенной на поляризованные категории — маскулинность и фемининность [1]. Как поясняет С. Бем, гендерная схематизация представляет собой наложение основанной на гендере классификации на социальную реальность, группы людей, черты личности, типы поведения; а гендерная классификация основана исключительно на культурных дефинициях маскулинного и фемининного [1, с. 178]. Говоря о маскулинности и фемининности, мы чаще имеем в виду превалирующие культурные дефиниции, тогда как в текущем социально-историческом контексте уже нет тотального воспроизводства преобладающих дихотомических определений, в социальном пространстве отражаются и свободно обращаются наряду с доминирующими и маргинальные гендерные дефиниции. Согласно концепции гендерной схемы С. Бем, маскулинность и фемининность — это не имманентные психологические качества, не центральные измерения личности (как следовало из психологического определения этих феноменов Л. Терманом и К. Майлз в 1936 г.), а культурные определения, внедренные в дискурс и представления людей о том, что значит быть мужчиной или женщиной, которым люди просто следуют на свой страх и риск. И в качестве таких представлений гендерные категории маскулинности и фемининности являются не более чем линзами

социального восприятия, определяющими взгляд людей на себя и окружающих. При таком понимании базовых гендерных категорий особым образом следует понимать и феномен гендерной идентичности — как соотносительности индивида с теми или иными гендерными представлениями, функционирующими либо в господствующей (нормативной) культуре, либо в той или иной субкультуре, которая может быть как ненормативной, так и комплицитарной по отношению к господствующей культуре.

Исследовательским вопросом выступает выяснение того, как увлечение молодых фанатов метажанра «Boy's Love» («яой») визуальными репрезентациями мужских гомосексуальных отношений опосредуется их субъективными гендерными представлениями. Психологический анализ интереса гетеросексуальных женщин к визуальным изображениям мужских романтических отношений с выраженным гомосексуальным подтекстом редко производится с применением современных концепций гендерной идентичности и соответствующих им методов психосемантической реконструкции субъективных гендерных представлений. Тогда как для понимания ненормативных социальных практик необходимо адекватно характеризовать субъективность людей, мыслящих в качестве других кодах восприятия гендера, идентичности и сексуальности.

На основе проведенного обзора литературы складывается следующая теоретическая модель, объясняющая увлечение гетеросексуальных девушек мужским гомоэротическим субжанром манги. Мужская гомосексуальность с точки зрения консервативной гендерной идеологии является серьезным вызовом канону нормативной (гегемонной) маскулинности, публичная демонстрация

в позитивном ключе и потребление художественных изображений, позитивно представляющих открытую гомосексуальность персонажей, сами по себе являются актом сопротивления консервативной гендерной идеологии и вызовом по отношению к ее господствующему статусу в системе институционализованных ценностей гендерного порядка в обществе. Следовательно, предпочтение субжанра BL должно быть связано с содержанием гендерной идеологии его поклонниц, уровнем их приверженности маскулинной идеологии и нормативным гендерным убеждениям. Поскольку содержание гендерной идеологии отражает смыслы, вкладываемые девушками в определенные гендерно маркированные личностные характеристики, именно смысловая нагруженность таких характеристик задает фокус социального восприятия изображений мужской гомоэротики. Придание определенным личностным и поведенческим характеристикам особого гендерного смысла в системе межличностных отношений приводит к специфическому восприятию изображений мужской гомоэротики и проекции этих смыслов в виде желаний, мыслей, чувств, эмоциональных реакций на воспринимаемый визуальный культурный объект, а также к получению визуального удовольствия.

В качестве гипотез исследования выдвигаются предположения о том, что девушки, увлекающиеся метажанром BL, могут отличаться от остальных поклонниц комиксов манга: 1) эффектами социального восприятия, касающимися получения удовольствия от просмотра гомоэротических изображений; 2) особым сочетанием консервативных и эгалитарных элементов гендерной идеологии (структурой предписывающих гендерных представлений), что находит

отражение в разных по своим характеристикам идеальных (желательных) образах маскулинности партнеров-мужчин и собственной фемининности; 3) разной степенью выраженности гендерной поляризации в системе гендерных представлений девушек о себе и о партнерах-мужчинах.

Метод

Схема проведения исследования.

Исследование проводилось среди подписчиц русскоязычных пабликов «Яойчик», «Голубая редакция, yaoi manga, яойная манга, яой», «Аниме романтика» и « Манга романтика сёдзё • •» в социальном медиа «ВКонтакте». В перечисленных пабликах была распространена интернет-ссылка на опросник, размещенный на платформе Google Forms. В преамбуле опросника было указано, что исследование проводится исключительно среди женщин, увлекающихся различными жанрами аниме и манги, с целью составить их психологический портрет в рамках выполнения научно-исследовательской работы уровня магистратуры. Респонденты имели возможность прервать исследование на любом этапе, если у них возникнут неприятные чувства в ходе ответов на задаваемые вопросы. Исследование можно было пройти только один раз от начала до конца без ограничения по времени, но без возможности выйти из формы опросника, чтобы вернуться после перерыва. После завершения процедуры опроса необходимо было его финализировать, нажав кнопку «Отправить». Нефинализованные опросники не сохранялись и не включались в исследование.

Выборка исследования. На предложение пройти опрос откликнулись 335 участниц пабликов, объединяющих любителей аниме и манги. В исследовательскую выборку были отобраны 140 ан-

кет респондентов, которые оказались знакомы с метажанром «Boy's Love», и чьи анкеты содержали полностью заполненные формы опросников. Возраст отобранных респондентов находится в интервале 11–45 лет ($M=17,95$; $SD=4,84$), в возрастной структуре выборки 70% респонденток оказались в возрастном интервале 14–19 лет ($M_0=16$). Основную группу составили 90 анкет респонденток, которые сообщили о позитивном отношении и активном интересе к регулярному потреблению визуальных образов метажанра «Boy's Love». Возраст респонденток основной группы находится в интервале 11–45 лет ($M=18,88$; $SD=5,22$), в возрастной структуре основной группы 62,6% респонденток оказались в возрастном интервале 15–19 лет ($M_0=18$). Контрольная группа была сформирована из анкет участниц, которые знают о существовании субжанра BL, однако сознательно исключают потребление такой разновидности аниме и манги из сферы своих интересов. Такой критерий для формирования контрольной группы обоснован тем, что нас интересовали характеристики гендерных представлений девушек, опосредующих их предпочтение мужского гомоэротического субжанра из всего спектра типов, представленных в жанре манга. Гомоэротический субжанр BL является всего лишь разновидностью манги, с которым тем или иным образом сталкиваются все поклонники этого жанра комиксов. Тем не менее часть гетеросексуальных девушек формирует отдельную субкультурную группу поклонников преимущественно субжанра BL внутри широкого и разнообразного сообщества манги. Возраст респонденток контрольной группы находится в интервале 12–27 лет ($M=16,79$; $SD=3,1$), в возрастной структуре контрольной группы 73,2% респонденток оказались в возрастном интервале 14–17 лет ($M_0=16$). Со-

гласно имеющимся социологическим исследованиям сообществ любителей аниме и манги, значительная часть поклонниц метажанра BL в российских виртуальных сообществах имеет возраст в диапазоне 9–16 лет [8].

Методы исследования. Опросник, направленный на определение социально-демографических характеристик (возраст, гендерная идентичность, включая сексуальные предпочтения и оценку соответствия внешнего облика нормативным гендерным ожиданиям, размер поселения, в котором выросли респонденты, конфессиональная принадлежность и степень религиозности, уровень образования, наличие опыта романтических отношений). Полученная посредством этого опросника информация позволяет определить границы социальной группы, на которую могут быть распространены полученные результаты. Авторский опросник для выявления социально-психологических эффектов визуальных изображений мужских романтических и гомосексуальных практик, связанных с получением респондентами удовольствия от просмотра гомоэротических изображений («Какие мысли, желания, чувства вызывают у Вас изображения? Какими особенностями изображений эти мысли, желания, чувства провоцируются? На что Вы обращаете внимание в первую очередь? Что Вам кажется наиболее привлекательным и что отталкивающим? Какого рода удовольствие Вы получаете от просмотра?). Самоотчеты о базовых гендерных характеристиках системы отношений личности, полученные с помощью психосемантической модификации методики «МиФ» (маскулинность и фемининность) Т.А. Бессоновой в адаптации Н.В. Дворянчикова [3]. Опросник Дж. Плека, Ф. Зоненштейн, Л. Ку, выявляющий уровень приверженности маскулинной идеологии [19]. Этот

опросник использовался в оригинальной версии, переведенной на русский язык автором. Опросник И.С. Клёциной «Гендерные характеристики личности» для оценки приверженности нормативным гендерным убеждениям [2]. Поскольку гендерная идеология, согласно Р. Калину, имеет отношение к тому, что ее носитель считает нормативным для проявлений мужского или женского в человеке, мы полагаем, что опросник И.С. Клёциной содержательно расширяет данные опросника Дж. Плека и соавторов, касающиеся структуры гендерной идеологии. Значимость различий в содержании гендерных представлений определялась с помощью критерия Фишера, критерия Манна-Уитни, критерия согласия Пирсона χ^2 .

Результаты

Для того, чтобы понимать, с какой социальной группой могут быть со-

отнесены результаты и выводы исследования, а также для понимания социального контекста, в котором формируется увлечение гомоэротикой, была получена максимально широкая информация о социально-демографических признаках участниц исследования. Респондентки выборки представляют широкий спектр поселений размером от менее 10 тысяч человек до более трех миллионов, демонстрируя, что интерес к метажанру BL не является феноменом исключительно крупных и крупнейших городов (см. рисунок). Учитывая, что на объем и содержание гендерных представлений оказывает влияние социальный контекст, в котором происходит первичная гендерная социализация, респонденток просили ответить на вопрос «В какой местности Вы выросли?» вместо вопроса «В какой местности Вы проживаете?».

Рис. Структура выборки по месту первичной социализации респонденток

Сравнительный анализ выборки по социальным характеристикам показал, что среди фанаток комиксов BL значимо преобладает удельный вес респонденток, которые имели в прошлом опыт романтических отношений («встречались»), но в настоящее время не состоят ни с кем в отношениях ($\Phi=4,8$; $p<0,01$). В контрольной группе значимо преобладает удельный вес респонденток, которые еще не имеют опыта романтических отношений ($\Phi=6,3$; $p<0,01$). Средний возраст респонденток основной группы на год старше, чем в контрольной группе (17 лет против 16 лет), что указывает на тенденцию повышения интереса к комиксам BL с накоплением опыта реальных романтических отношений, обусловленного взрослением девушек. В контрольной группе также больше респонденток, отмечающих приверженность православной религиозной идеологии (44% против 28% в основной группе, $\Phi=7,1$; $p<0,01$), что указывает на их вероятно более высокую восприимчивость влиянию государственной политики неоконсерватизма. На это указывает и низкий средний уровень оценки собственной религиозности респондентками контрольной группы ($M=2,397$; $SD=1,96$) с использованием 7-балльной шкалы Лайкерта в диапазоне от «Совершенно нерелигиозная» до «Очень религиозная». Максимальный балл при оценке собственной религиозности ни в одном случае не превышал пяти (в 30% отметивших приверженность православной религии), и в 60% случаев отметившие приверженность православной религии отмечали уровень своей религиозности в диапазоне 1–3 балла. Другими словами, респондентки контрольной группы заявляют о своей приверженности поддерживаемой государством религии, однако эта приверженность носит по большей части декларативный характер и скорее свиде-

тельствует о стремлении демонстрировать «правильный» характер взглядов.

В отношении первой гипотезы о том, что девушки, увлекающиеся метажанром BL, могут отличаться от остальных поклонниц комиксов манга эффектами социального восприятия, касающимися получения удовольствия от просмотра гомозеротических изображений, получены следующие данные.

В группе активных поклонниц изображений «Boy's Love» преобладающим (63%) эффектом восприятия визуальных образов мужских гомосексуальных отношений оказались эстетические, романтические чувства и сексуальное возбуждение («красивые мужские фигуры», «завораживают», «чувственные», «вызывают желание», «нежность»). Наибольшее внимание привлекают изображение мужской эмоциональности и сюжетная любовная линия. Одновременно с этим у фанаток BL довольно часто (41%) критику и раздражение вызывает андрогинность гомосексуальных персонажей («слащавость», «плаксивость», «женственность», «бабство — когда персонаж очень похож на девочку»).

В группе фанаток манги, которые не включают в сферу своих интересов изображение «Boy's Love», лишь около половины (41%) определили свое отношение к таким комиксам в отрицательном спектре (20% из всей контрольной группы отметили крайне отрицательное отношение). Треть респонденток контрольной группы определили свое отношение как нейтральное и четверть — в положительном спектре. При восприятии визуальных образов мужских гомосексуальных отношений в контрольной группе преобладающими реакциями отмечаются безразличие (53%) и недоумение, растерянность (26%). Половина респонденток при случайном столкнове-

нии с изображениями «Boy's Love» заинтересовались или обратили бы внимание на проявления эмоциональности персонажей, изображения «красивых мужчин» и сюжетную линию («повествование о настоящей любви»). При этом 69% респонденток контрольной группы при случайном просмотре стараются игнорировать то обстоятельство, что отношения и сексуальные сцены в комиксе разворачиваются между мужчинами. Наибольшее неприятие в контрольной группе вызывают именно сексуальные сцены (49% негативных оценок). Полученные данные указывают на то, что при различном отношении к комиксам, изображающим гомоэротические отношения между андрогинными юношами, все респондентки выборки в одинаковой мере обращают внимание при их просмотре на эмоциональную сторону таких отношений. При этом у фанаток яой в большей мере проявляется идентификационный механизм визуального удовольствия, парадоксальным образом выражающийся в раздражении андрогинным внешним обликом юношей, а у фанаток манги с негомосексуальным содержанием при просмотре яой срабатывает механизм вытеснения

гомосексуальной подоплеку отношений между мужскими персонажами.

Для проверки гипотезы о том, что девушки, увлекающиеся метажанром BL, могут отличаться от остальных поклонниц комиксов манга особым сочетанием консервативных и эгалитарных элементов гендерной идеологии (структурой предписывающих гендерных представлений), были объединены данные, полученные с помощью опросников «Приверженность маскулинной идеологии» Дж. Плека и «Гендерные характеристики личности» И.С. Клёдиной. Структура гендерных представлений респонденток выборки, отражающих приверженность консервативным и эгалитарным гендерным убеждениям (идеологиям), представлена в таблице.

Сравнение содержания гендерных представлений участниц исследования с помощью критерия Манна-Уитни показало, что фанатки метажанра «Boy's Love» в значимо большей мере не испытывают симпатий к ценностям нормативной (гегемонной) маскулинности по сравнению с респондентками контрольной группы ($Z=1,498$; $p=0,034$). Иначе говоря, они в меньшей мере склонны воспринимать мужчин сквозь призму нормативной ма-

Таблица

Приверженность консервативным и эгалитарным гендерным убеждениям

№	Структура гендерных представлений	Средние значения баллов		Статистика Z U-теста Манна-Уитни	Уровень значимости различий (p-value)
		Основная группа	Контрольная группа		
1	2	3	4	5	6
1	Маскулинная идеология	100,945	89,845	1,498	0,034
2	Эгалитарные представления	25,571	24,069	0,128	0,898
3	Консервативные представления	5,319	5,155	0,013	0,998
4	Гендерные стереотипы	7,116	6,552	1,068	0,286
5	Отсутствие стереотипов	13,703	14,345	-0,577	0,564
6	Гендерные предубеждения	1,973	2,172	-0,553	0,580

скулинности. В то же время с помощью другой статистической процедуры — критерия согласия Пирсона Хи-квадрат — было обнаружено, что девушки во всей выборке, если вопросы затрагивают их собственную личность и гендерные установки, в одинаковой мере склонны придерживаться эгалитарных взглядов ($\chi^2=17,4$; $p=0,57$), демонстрируют низкий уровень приверженности гендерным стереотипам ($\chi^2=10,9$; $p=0,89$) и гендерным предубеждениям ($\chi^2=1,97$; $p=0,92$).

Для проверки гипотезы о том, что девушки, увлекающиеся метажанром BL, могут отличаться от остальных поклонниц комиксов манга разной степенью выраженности гендерной поляризации в системе гендерных представлений девушек о себе и о партнерах-мужчинах, через определение статистики Z U-теста Манна-Уитни было проведено сравнение психосемантических конструкторов респонденток выборки, выявленных с помощью методики «МиФ» в адаптации Н.В. Дворянчикова. Что касается оценок респондентками выраженности у себя характеристик, которые имеют в социальных представлениях определенную гендерную маркированность, то у фанаток метажанра «Boy's Love» отмечается значимое смещение в приписывании себе таких характеристик, которые ожидаются обществом для проявления мужчинами ($Z= -2,063$; $p=0,039$). Причем эти характеристики рассматриваются респондентками в качестве компонентов индивидуального конструкта женственности. В идеальном образе мужчины и женщины фанатки метажанра «Boy's Love» выделяют, прежде всего, наличие таких характеристик, которые в социальных представлениях маркируются в качестве гендерно-нейтральных.

Вопросы включали оценку респондентками собственного гендерного дис-

плея в контексте общения в обществе мужчин или женщин. Приверженцы метажанра BL отметили у себя стремление проявлять в общении с людьми вне зависимости от круга общения качества, которые в традиционалистской культуре считаются мужскими. Подобного рода проявления отражают неортогональную модель гендерной идентичности респонденток основной группы, в рамках которой качества личности и поведения распределяются не по полюсам маскулинности/фемининности, а по оценочным полюсам отношения к тому или иному качеству. Ведь в условиях андроцентричной культуры положительная оценка неизменно приписывается именно маскулинным качествам. У респонденток контрольной группы при общении с мужчинами проявляется явное следование модели гендерной поляризации, тогда как в кругу женщин они вообще не фокусируются на проявлении определенных качеств.

Также респонденткам были предложены вопросы, предполагающие оценку мужчин в качестве партнеров по общению. Для любительниц BL в большей мере неприемлемы ценности маскулинности, которая акцентирована на силе, доминировании, подчеркивании интеллектуального превосходства и эмоциональной твердости мужчин, избегающих всего, что может считаться «женским». Однако в качестве идеального сексуального партнера они чаще видят человека, обладающего выраженными чертами, которыми в традиционалистской идеологии характеризуется «настоящий» мужчина ($Z= -4,363$; $p<0,00$). Тогда как респондентки контрольной группы, напротив, значимо чаще хотят видеть в сексуальном партнере такие качества, которые в традиционалистской культуре считаются фемининными ($Z= -2,034$; $p<0,015$).

Обсуждение результатов

В проведенном исследовании был определен характер связи между увлечением поклонниц метажанра «Boy's Love» (BL, «яой») визуальными репрезентациями мужских гомосексуальных отношений и содержанием представлений о фемининности у таких респонденток. В индивидуальных гендерных представлениях фанаток метажанра «Boy's Love» выявлены ненормативное сочетание гендерных характеристик и особая смысловая интерпретация собственной фемининности. Гендерный образ «Я» у поклонниц этого метажанра представлен преимущественно гендерно-нейтральными качествами, которые образуют ядро гендерной идентичности по всем шкалам: «Я-реальное», «Я-идеальное», «гендерное поведение», «ожидаемые от партнеров проявления маскулинности и фемининности», «гендерные качества идеального сексуального партнера». Для них предпочтительными выступают маскулинные качества, что соответствует неортогональной модели гендерной идентичности, которая в рамках андроцентричной культуры приписывает маскулинности положительный полюс, а фемининности — отрицательный. Важным отличием конструкта фемининности у фанаток метажанра «Boy's Love» также выступает низкая выраженность гендерной поляризации. Учитывая то обстоятельство, что среди фанаток комиксов BL преобладают респондентки, у которых был опыт гетеросексуальных романтических отношений, однако в текущем моменте времени они не состоят в каких-либо устойчивых партнерствах, с учетом психологических механизмов получения визуального удовольствия, описанных Л. Малви, можно говорить о том, что просмотр изображений с гомосексуальным содержанием выполняет иллюзорное удовлетворение, компенсирующее отсут-

ствие в реальном окружении девушек гетеросексуальных партнеров, которые резонируют с ненормативным содержанием их гендерных представлений, прежде всего, о собственной фемининности. И накапливающийся опыт такой «тоски» по идеальному гетеросексуальному партнеру отражается в более длинном возрастном интервале, свойственном виртуальным сообществам метажанра BL при сравнении с основной возрастной категорией других метажанров манга (контрольная группа в настоящем исследовании). В целом по выборке отмечается общий сдвиг в гендерных ожиданиях девушек в сторону проявления гетеросексуальными партнерами большей эмоциональности, чувственности, нежности при сохранении ими базовых характеристик нормативной мужественности. Также по всей выборке отмечается предпочтение эгалитарной, а не консервативной гендерной идеологии, если речь идет не об институциональных гендерных ожиданиях по отношению к женщинам, а о собственном образе фемининности. Это обстоятельство указывает на усиливающийся разрыв между институциональными гендерными ожиданиями и гендерными представлениями на индивидуальном и групповом уровне в повседневной жизни молодых женщин, увлекающихся искусством манги.

Полученные на российской выборке эмпирические данные, обсуждаемые в этой статье, согласуются с другими исследованиями, посвященными увлечению женщин мужской гомоэротикой. В имеющемся корпусе исследований феномена BL как гомоэротики, ориентированной на просмотр женщинами, отмечается функционирование этого жанра в качестве утопической модели реализации сексуальности, нежности и взаимности в гендерных отношениях, которой не хватает в реальной жизни, когда просмотр женщинами гомоэротики становится

«романом с собственной душой — за именем Другого» [4, с. 61]. Как отмечают М. Лилья и К. Вассхеде, многие исследователи приходят к выводу о том, что визуальное искусство BL дает женщинам возможность сопротивляться гегемонным нормам [16]. В интервью со шведскими женщинами-членами фан-пабликов яой цитируемые авторы обнаружили желание респонденток к преодолению социальных границ. Респондентки в интервью отмечают, что яой рассматривается ими как некоторого рода игра с гендером и сексуальностью, которая дает больше возможностей почувствовать себя и других людей в ином качестве, чем это есть в реальном мире. Они полагают, что яой в Японии выступает инструментом сопротивления патриархату и доминирующим определениям маскулинности. В Швеции яой, по мысли респонденток, расширяет границы гендера и спектр гендерных ролей.

Ш. Кинселла в исследовании популярности манги и ее гомоэротического субжанра среди девушек в Японии также приходит к выводу, что яой/BL — это бегство в иной мир, которое помогает молодым гетеросексуальным женщинам направлять порядок жизни, формировать свою идентичность и желания [14]. Полученные в нашем эмпирическом исследовании данные содержательно раскрывают и дополняют выводы других авторов о том, что потребление визуального искусства BL представляет собой альтернативную стратегию женской реализации в условиях институционализированной консервативной гендерной идеологии [9]. И тот факт, что в нашей выборке среди поклонниц BL значимо преобладают респондентки, имеющие опыт гетеросексуальных романтических отношений и отмечающие низкий уровень собственной религиозности и приверженности православию, которое в политическом дискурсе определяется в качестве значимой культурной «скрепы», как раз указывает на стратегию сопротив-

ления в утверждении девушками особого вида фемининности посредством своего увлечения.

Поскольку исследование затрагивает феномен публичной представленности мужской гомосексуальности и увлечение гомоэротическими комиксами со стороны гетеросексуальных девушек преимущественно старшего подросткового и юношеского возраста (основной аудитории субжанра BL), может возникнуть вопрос о влиянии такого увлечения на формирование сексуальности респонденток. Если говорить о возможных проявлениях сексуальности, то они могут затрагивать эмоциональные и социальные предпочтения девушек, которые увлекаются метажанром яой, в общении и взаимодействии с гомосексуальными мужчинами, т.е., вероятно, выражаться в большем уровне толерантности к проявлениям мужской гомосексуальности. Это еще требует эмпирической проверки. Социальные предпочтения и эмоциональная привлекательность гомосексуальных персонажей не имеют прямой связи с сексуальными предпочтениями. Сексуальность — это сложный паттерн отношений и социальных взаимодействий, в котором находится место и сексуальным, и эмоциональным, и социальным привязанностям. Девушки вполне могут быть гетеросексуальными в сексуальных предпочтениях и гомоэмоциональными, к примеру, в плане эмоциональных предпочтений (т.е. предпочитать эмоциональное общение с девушками, что совсем не предполагает сексуального взаимодействия) и гомосоциальными (т.е. их может больше привлекать социальное общение с лицами своего пола). В эту сложную систему отношений вполне вписывается и эмоциональное или социальное предпочтение гомосексуальных мужчин, что не отменяет гетеросексуальности на уровне сексуальных предпочтений. Данные нашего

исследования как раз подчеркивают то обстоятельство, что в сексуальном плане мужские гомосексуальные комиксы для любителей яой не интересны и сексуальная связь между мужскими персонажами оказывается на периферии внимания. А именно сексуальное возбуждение на изображения соответствующего свойства и сексуальные фантазии выступают маркерами сексуальных предпочтений. Причем фантазии достаточно часто никак не совпадают ни с реальной, ни с желаемой сексуальной активностью.

Можно было бы предполагать риски в отношении развития сексуальности у респондентов, в большинстве своем относящихся к старшему подростковому и юношескому возрасту, с точки зрения теории социального научения. Согласно концепции М. Стормса о выученной сексуальной ориентации, для формирования предпочтения каких-либо людей в качестве сексуальных партнеров необходимо сочетание следующих факторов: возникновение сексуального возбуждения на картинке, перенос этого возбуждения на реальных людей и последующая систематическая мастурбация и сексуальные фантазии на тему увиденных изображений и относительно реальных партнеров по общению [20]. Однако такие эффекты не были зафиксированы при диагностике респондентов в представленном здесь исследовании. Если в 1960-е годы считалось, что научение через наблюдение за моделью (в т.ч. символической) однозначно ведет к изменению поведенческих сценариев, то в настоящее время подобные утверждения стали более вероятностными, поскольку связь между наблюдаемой моделью и поведением опосредуется дополнительными психическими и средовыми факторами. Научение в современных версиях теории А. Бандуры чаще описывается уже в виде психологического вознаграждения,

возникающего в форме гордости, удовлетворения или чувства выполненного долга в результате наблюдения за символической моделью, которое далеко не обязательно переходит на уровень реальных действий (т.н. научение через наблюдение, но без подражания) [18]. Для подражания и последующего моделирования и закрепления сексуального сценария на основе наблюдаемых символических моделей мужских гомосексуальных отношений обязательно необходима внутренняя мотивация, которая связана с личностными характеристиками, биологическими и социальными потребностями, системой ценностных ориентаций индивида и другими элементами структуры личности.

Можно предполагать, что при определенных обстоятельствах у отдельных фанатов BL могут сформироваться эмоциональные и сексуальные предпочтения гомосексуальных мужчин. Однако будет ли это психологической проблемой, зависит не от самих предпочтений, а от характера складывающихся отношений с такими партнерами в каждом конкретном случае. Сексуальное предпочтение гетеросексуальной девушкой гомосексуального юноши представляет собой один из многих вариантов проявлений сексуальности на основе сочетания разных признаков: предпочтение худощавых мужчин плотным, предпочтение чернокожих мужчин белой женщиной, предпочтение лиц определенного возраста (значительно младше или старше) или даже на основании религиозных или политических убеждений и социального статуса (например, предпочтение О. Уайльдом матросов в качестве сексуальных партнеров).

Выполненное исследование не охватывает вариативности содержательной интерпретации всех возможных конфигураций конструкта фемининности в изучаемой группе. Перспективным направлением

ем дальнейшего изучения этого феномена является сегментация сообщества фанатов BL по ключевым признакам социальной категоризации (возраст, класс, расово-этнический признак) и дополнительным признакам, среди которых особенно важной с точки зрения выделения возможного спектра гендерных конструкций представляется сегментация по социально-культурным пространствам жизни респондентов (например, через призму различий городской культуры — мегаполиса, города среднего размера), а также определение кросс-культурных особенностей сообществ поклонниц метажанра BL.

Заключение

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что интерес гетеросексуальных девушек из российского сегмента популяции поклонниц метажанра BL базируется на возможности игрового осмысления собственной гендерной ненормативности, способности этого метажанра адекватно раскрывать индивидуально значимые смыслы и обеспечивать социальное подтверждение и

устойчивость новых гендерных практик. Сами же сообщества фанаток яой могут выполнять функцию производства новой социальной реальности, новой субъективности и новых гендерных практик. В этом отношении они становятся инструментом изменения и сопротивления доминирующему гендерному порядку. Насколько является эффективным этот инструмент, зависит, конечно же, от его связанности с другими социальными практиками, отношениями, политическим дискурсом и социальными иерархиями (класс, раса/этнос, возраст). Яой как культурный продукт в разных обстоятельствах может приводить его потребителей к занятию разных социальных позиций: активных борцов, пассивных мечтателей и т.д. Что совершенно определено, феномен увлечения яой обнаруживает тоску девушек с либеральными гендерными взглядами по новому образу гетеросексуальной маскулинности и дает возможность совладания с этой тоской в условиях господства неоконсервативной гендерной идеологии в относительно безопасной и отстраненной манере.

Литература

1. *Бем С.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов: Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 336 с.
2. *Гендерная психология. Практикум.* 2-е изд. / Под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2009. С. 316—339.
3. *Исаев Д.Д.* Психологическое понимание и измерение пола: Учебное пособие. СПб.: Издание СПб ГПМУ, 2012. 63 с.
4. *Кононова Н.М.* Этика аниме: яой как стратегия субъекта желания // *Медиафилософия.* 2011. Т. 7. С. 59—70.
5. *Макклауд С.* Понимание комикса: Невидимое искусство: Пер. с англ. В. Шевченко. М.: Белое Яблоко, 2016. 216 с.
6. *Малви Л.* Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // *Антология гендерной теории / Сост. и коммент. Е. Гапова, А. Усманова.* Минск: ПроPILE, 2000. С. 280—296.
7. *Мдивани М.О., Лидская Э.В.* Русскоязычная версия краткой шкалы гендерно-ролевых представлений (GRBS) // *Социальная психология и общество.* 2020. Том 11. № 3. С. 185—195. DOI:10.17759/sps.2020110312
8. *Новиков В.Г., Ковалева С.В.* Гиперреальность, симулякры и симуляции в виртуальном пространстве как феномен «Антисоциальной» теории Жана Бодрийера // *Цифровая социология.* 2019. Т. 2. № 1. С. 39—45. DOI:10.26425/2658-347X-2019-1-39-45

9. Рыгина Л.С. Визуальные практики легитимации не-нормативных удовольствий: анализ японской анимации // Феномен удовольствия в культуре. Материалы международного научного форума 6–9 апреля 2004 г. СПб.: Центр изучения культуры, 2004. С. 150–152.
10. Рябова Т.Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 245 с.
11. Хасьянов В.Б., Зайцев А.С. Субкультура аниме как культурно-информационный феномен (на примере деятельности молодежных объединений Иркутской области) // Научный диалог. 2014. № 11(35): Психология. Педагогика. С. 75–88.
12. Eco U. *Travels in Hyperreality: Essays*. Fort Washington, PA: Harvest Book, 1986. P. 30–31.
13. Kalin R., Tilby P.J. Development and validation of a sex role ideology scale // *Psychological Reports*. 1978. Vol. 42. Issue 3. P. 731–738. DOI:10.2466/pr0.1978.42.3.731
14. Kinsella S. Japanese Subculture in 1990s: Otaku and the Amateur Manga // *Journal of Japanese Studies*. 1998. Vol. 24. Issue 2. P. 289–316. DOI:10.2307/133236
15. Kustritz A. Slashing the Romance Narrative // *The Journal of American Culture*. 2003. Vol. 26. Issue 3. P. 371–384. DOI:10.1111/1542-734X.00098
16. Lilja M., Wasshede C. The Performative Force of Cultural Products: Subject Positions and Desires Emerging from Engagement with the Manga Boys' Love and Yaoi // *Culture Unbound*. 2016. Vol. 8. Issue 3. P. 284–305. DOI:10.3384/cu.2000.1525.1683384
17. Marcus G.A. Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography // *Annual Review of Anthropology*. 1995. Vol. 24. P. 95–117. DOI:10.1146/annurev.an.24.100195.000523
18. Muro M., Jeffrey P. A critical review of the theory and application of social learning in participatory natural resource management processes // *Journal of Environmental Planning and Management*. Taylor & Francis Journals. 2008. Vol. 51. № 3. P. 325–344. DOI:10.1080/09640560801977190
19. Pleck J.H., Sonenstein F.L., Ku L.C. Attitudes toward male roles among adolescent males: A discriminant validity analysis // *Sex Roles*. 1994. Vol. 30. P. 481–501. DOI:10.1007/BF01420798
20. Storms M.D. A theory of erotic orientation development // *Psychological Review*. 1981. Vol. 88. № 4. P. 340–353. DOI:10.1037/0033-295X.88.4.340

References

1. Bem S.L. Linzy gendera: Transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov: Per. s angl. [The lenses of gender: Transforming the Debate on Sexual Inequality]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004. 336 p. (In Russ.).
2. Gendernaya psikhologiya. Praktikum. 2 izd. [Gender psychology. Workshop. 2-d ed.]. I.S. Klyotsina (ed.). Saint-Petersburg: Piter, 2009, pp. 316–339. (In Russ.).
3. Isaev D.D. Psikhologicheskoe ponimanie i izmerenie pola: Uchebnoe posobie [Psychological interpretation and assessment of gender: Tutorial]. Saint-Petersburg: State Pediatric Medical University Publ., 2012. 63 p. (In Russ.).
4. Kononova N.M. Etika anime: yaoi kak strategiya subjekta zhelania [Ethic of anime: yaoi as the subject of desire strategy]. *Mediasfera*, 2011. Vol. 7, pp. 59–70. (In Russ.).
5. McCloud S. Ponimanie komiksa: Nevidimoe iskusstvo: Per. s angl. V. Shevchenko [Understanding Comics: The Invisible]. Moscow: Beloe Yabloko, 2016. 216 p. (In Russ.).
6. Mulvey L. Vizual'noe udovol'stvie i narrativnyi kinematograf [Visual Pleasure and Narrative Cinema]. In E. Gapova, A. Usmanova (anthologists and comments). *Antologiya gendernoi teorii* [Anthology of gender theory]. Minsk: Propilei, 2000, pp. 280–296. (In Russ.).
7. Mdivani M.O., Lidskaya E.V. Russkoyazychnaya versiya kratkoi shkaly genderno-rolevykh predstavlenii (GRBS) [The Russian Version of the Short Gender Role Beliefs Scale (GRBS)]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 185–195. DOI:10.17759/sps.2020110312 (In Russ.).

8. Novikov V.G., Kovaleva S.V. Giperreal'nost', simulyakry i simulyatsii v virtual'nom prostranstve kak fenomen «Antisotsial'noi» teorii Zhana Bodriiara [Hyperreality, simulacra, and simulations in virtual space as a phenomenon of “antisocial” theory by Jean Baudrillard]. *Tsifrovaya sotsiologiya = Digital sociology*, 2019. Vol. 2, no. 1, pp. 39–45. DOI:10.26425/2658-347X-2019-1-39-45 (In Russ.).
9. Rygina L.S. Vizual'nye praktiki legitimatsii ne-normativnykh udovolsviiy: analiz yaponskikoy animatsii [Visual legitimation practices of non-normative pleasures: analysis of Japanese animation]. *Fenomen udovol'stviya v culture. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo foruma 6–9 aprelya 2004 [Phenomenon of pleasure in culture. Proceedings of international forum April 6–9, 2004]*. Saint-Petersburg: Centre of culture studies, 2004, pp. 150–152. (In Russ.).
10. Riabova T.B. Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoy rossiyskoy politike [Gender of power: gender stereotypes in contemporary Russian politics]. Ivanovo: Ivanovo State Univ., 2008. 245 p. (In Russ.).
11. Khasyanov V.B., Zaytsev A.S. Subkul'tura anime kak kul'turno-informatsionnyi fenomen (na primere deyatel'nosti molodezhnykh ob"edinenii Irkutskoi oblasti) [Subculture anime as cultural-informational phenomenon (by the case of youth networks activity in Irkutskaya oblast)]. *Nauchnyi dialog = Academic dialog*, 2014, no. 11(35): Psychology. Educational Sciences, pp. 75–88. (In Russ.).
12. Eco U. *Travels in Hyperreality: Essays*. Fort Washington, PA: Harvest Book, 1986, pp. 30–31.
13. Kalin R., Tilby P.J. Development and validation of a sex role ideology scale. *Psychological Reports*, 1978. Vol. 42, issue 3, pp. 731–738. DOI:10.2466/pr0.1978.42.3.731
14. Kinsella S. Japanese Subculture in 1990s: Otaku and the Amateur Manga. *Journal of Japanese Studies*, 1998. Vol. 24, issue 2, pp. 289–316. DOI:10.2307/133236
15. Kustritz A. Slashing the Romance Narrative. *The Journal of American Culture*, 2003. Vol. 26, issue 3, pp. 371–384. DOI:10.1111/1542-734X.00098
16. Lilja M., Wasshede C. The Performative Force of Cultural Products: Subject Positions and Desires Emerging from Engagement with the Manga Boys' Love and Yaoi. *Culture Unbound*, 2016. Vol. 8, issue 3, pp. 284–305. DOI:10.3384/cu.2000.1525.1683384
17. Marcus G.A. Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography. *Annual Review of Anthropology*, 1995. Vol. 24, pp. 95–117. DOI:10.1146/annurev.an.24.100195.000523
18. Muro M., Jeffrey P. A critical review of the theory and application of social learning in participatory natural resource management processes. *Journal of Environmental Planning and Management. Taylor & Francis Journals*, 2008. Vol. 51, no. 3, pp. 325–344. DOI:10.1080/09640560801977190
19. Pleck J.H., Sonenstein F.L., Ku L.C. Attitudes toward male roles among adolescent males: A discriminant validity analysis. *Sex Roles*, 1994. Vol. 30, pp. 481–501. DOI:10.1007/BF01420798
20. Storms M.D. A theory of erotic orientation development. *Psychological Review*, 1981. Vol. 88, no. 4, pp. 340–353. DOI:10.1037/0033-295X.88.4.340

Информация об авторах

Воронцов Дмитрий Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии, Академия психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7725-8929>, e-mail: dmvorontsov@sfedu.ru

Information about the authors

Dmitry V. Vorontsov, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of Social Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal State University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7725-8929>, e-mail: dmvorontsov@sfedu.ru

Получена 20.03.2022

Принята в печать 18.10.2022

Received 20.03.2022

Accepted 18.10.2022

ВНЕ ТЕМЫ НОМЕРА NON-THEMATIC ARTICLES

Современные подходы к изучению качества жизни: от объективных контекстов к субъективным

Лебедева А.А.

*ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (ФГАОУ ВО ТГУ), г. Томск, Российская Федерация;
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5919-5338>, e-mail: anna.alex.lebedeva@gmail.com*

Леонтьев Д.А.

*ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (ФГАОУ ВО ТГУ), г. Томск, Российская Федерация;
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>, e-mail: dmleont@gmail.com*

Цель. *Качество жизни — категория, которая развивается вширь, но не вглубь. Цель данной статьи — системное изложение взглядов трех авторитетных представителей области междисциплинарных исследований качества жизни, внесших большой вклад в становление этой области и развитие ее до наших дней: А. Майкалоса, Дж. Сирджи и Р. Винховена.*

Контекст и актуальность. *Три концепции качества жизни выражают собой общий тренд, по которому развиваются исследования качества жизни в последние три десятилетия. В качестве содержательных характеристик этого тренда отмечают: растущая междисциплинарность теоретических моделей и эмпирических исследований качества жизни, увеличивающийся вклад со стороны психологии в понимание и изучение этой области, смещение внимания исследований с объективных характеристик условий жизни на субъективные индикаторы качества жизни.*

Используемая методология: *трансдисциплинарный сравнительный анализ.*

Основные выводы. *Взаимосвязанные между собой оценки счастья, удовлетворенности и субъективного благополучия перебрасывают мост между исследованиями, в центре которых находится специфика разных типов обществ и культур, и исследованиями качества жизни на индивидуально-психологическом уровне. Позитивная психология определяет на сегодняшний день ключевой вектор понимания качества жизни в междисциплинарных исследованиях. Ожидается, что эта тенденция получит свое развитие в направлении роста интереса к тому, как социально-психологические особенности личности определяют качество жизни.*

Ключевые слова: *качество жизни, субъективное благополучие, счастье, А. Майкалос, Дж. Сирджи, Р. Винховен.*

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-18-00480 «Субъективные индикаторы и психологические предикторы качества жизни», <https://rscf.ru/project/21-18-28040/> в Томском государственном университете.

Для цитаты: Лебедева А.А., Леонтьев Д.А. Современные подходы к изучению качества жизни: от объективных контекстов к субъективным // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 142–162. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130409>

Contemporary Approaches to the Quality of Life: from Objective Contexts to Subjective Ones

Anna A. Lebedeva

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5919-5338>, e-mail: anna.alex.lebedeva@gmail.com

Dmitry A. Leontiev

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>, e-mail: dmleont@gmail.com

Objective. *Quality of life is a category that develops in breadth, but not in depth. The objective of the paper is a brief systematic presentation of the approaches of three influential representatives of a field of interdisciplinary research of the quality of life, who contributed a lot to the shaping of this field and its development till our days, namely Alex Michalos, Joseph Sirgy and Ruut Veenhoven.*

Background. *These three concepts of quality of life may be viewed as representing the main trend in quality of life research has evolved through the last three decades. The essential characteristics of this trend are, first of all, growing interdisciplinarity of both theoretical models and empirical research of the quality of life, increasing contribution of psychology to the understanding and investigating this area and progressing shift of the focus of research from objective living conditions to the subjective indicators of quality of life.*

Methodology. *A transdisciplinary comparative analysis.*

Conclusions. *These closely interconnected characteristics bridge quality of life studies focused on the specifics of different types of societies and cultures with the research of happiness and subjective well-being at an individual psychological level. The positive psychology currently defines today the main stream of understanding the quality of life in interdisciplinary research. This trend is expected to develop in direction increasing attention to the socio-psychological features of the personality, which determine its quality of life.*

Keywords: *quality of life, subjective well-being, happiness, A. Michalos, J. Sirgy, R. Veenhoven.*

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project № 18-18-00480 “Subjective indicators and psychological predictors of quality of life”, <https://rscf.ru/project/21-18-28040/> in Tomsk State University.

For citation: Lebedeva A.A., Leontiev D.A. Contemporary Approaches to the Quality of Life: from Objective Contexts to Subjective Ones. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 142–162. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130409> (In Russ.).

Введение

Актуальность проблемы качества жизни неуклонно растет последние четыре десятилетия, наряду с чем растут число и разнообразие мультидисциплинарных исследований в этой области. Конструкт качества жизни (далее — КЖ) возник первоначально в макроэкономическом контексте в связи с осознанием необходимости учитывать для его расчета не только экономическое благосостояние, отражаемое в показателях уровня жизни в отдельных странах и регионах, но также параметры, связанные с экономикой лишь косвенно или не связанные вовсе. С течением времени набор этих переменных, включаемых в интегральную характеристику КЖ, постоянно менялся, причем наряду с макроэкономическими и статистическими показателями неуклонно росли удельный вес и значимость социально-психологических показателей, отражающихся в субъективных оценках, выявляемых с помощью мониторинговых опросов [4; 5]. Само же понятие КЖ стало междисциплинарным, в равной мере значимым для ряда областей экономики, социологии и психологии. Можно заметить, что в последние годы на международных конгрессах по исследованиям качества жизни и в соответствующих публикациях социологи и психологи представлены примерно в равных пропорциях. Кроме того, активно развивается отдельное направление исследований КЖ, связанного со здоровьем, которое локализуется преимущественно в клиническом (медицинском) дискурсе [7], где основной целью его повышения являются восстановление и сохранение здоровья населения. Социологическое и медицинское направления изначально развивались относительно независимо друг от друга, однако особый вклад в их сближение внесли социаль-

но-психологические идеи, развивающиеся в сфере исследований благополучия. Одним из основоположников области благополучия, возрадившим не одно поколение исследователей и вооружившим их целым арсеналом измерительных инструментов, является недавно ушедший от нас американский психолог Эд Динер (1946—2021). Однако его вклад в исследование субъективного благополучия, не столько теоретический, сколько методологический и методический, получил ранее отражение в некоторых русскоязычных публикациях [6; 7]. Более полное же его представление требует объема, значительно превышающего возможности журнальной статьи, поэтому мы ограничили свою задачу представлением менее известных русскоязычным читателям авторов, которые, на наш взгляд, внесли наибольший вклад в понимание качества жизни в современной науке.

Приступая к более детальному анализу ключевых идей, которые сейчас активно внедрены, напомним, что общепринятым в современных исследованиях является разделение индикаторов КЖ на объективные и субъективные. Под объективными социальными индикаторами понимаются определенные статистические показатели качества жизни, такие как средняя или медианная зарплата, число автомобилей, которые производят на заводе или продают в течение года, число людей, занимающихся исследованиями и разработками. Иными словами, речь идет о тех показателях, которые при их измерении не требуют субъективной оценки. Субъективными индикаторами называют те социальные индикаторы, которые относятся к чувствам, убеждениям, установкам, предпочтениям, мнениям и т.п. — переменные, которые основаны на субъективной оценке (удовлетворенность здоровьем, работой, от-

ношение к науке, новым технологиям и др.) [35, с. 344–345]. Именно в зоне субъективных индикаторов КЖ тесно смыкается с понятием субъективного благополучия (счастья, удовлетворенности жизнью и др.) вплоть до полного их отождествления [5]; вместе с тем разные авторы по-разному трактуют соотношения этих действительно очень близких конструктов. В частности, в психологии часто разводят переживание счастья как эмоционально нагруженную оценку субъективного благополучия и удовлетворенность жизнью как более рациональную оценку [15]. По отношению к конструкту КЖ, в котором акцентируются социально-психологические аспекты благополучия, подобная дифференциация обычно не практикуется.

В отечественной литературе проблематике субъективного качества жизни посвящается заметное число теоретических работ [1; 3; 5; 8; 9; 11], однако нам не известны структурированные аналитические обзоры, посвященные проблеме сопоставления этих близких по содержанию понятий из смежных научных дисциплин, хотя мы касались этого вопроса в недавних публикациях [5; 6]. С целью отчасти восполнить этот пробел, а также проанализировать перспективы развития конструкта качества жизни мы считаем важным представить в сравнительно систематизированном виде три взгляда на КЖ наиболее авторитетных авторов, выдвигающих на передний план его субъективно-психологические аспекты — Алекса Майкалоса, Джозефа Сирджи и Рута Винховена. Эти три фигуры выбраны исходя из того, что их вклад в исследования субъективных социальных индикаторов безоговорочно признан, их теории подвергаются эмпирической проверке в междисциплинарных исследованиях. Все трое входят в состав междуна-

родных исследовательских групп и вот уже более полувека занимаются обобщением всех исследований в области качества жизни в виде многотомных энциклопедий и коллективных монографий.

А. Майкалос: система ключевых понятий и критические взгляды

Одной из ключевых фигур в области современных исследований КЖ является Александрос Чарльз Майкалос, в некоторых переводах — Михалос (Alexandros Charles Michalos), в данный момент — почетный профессор политологии в Университете Северной Каролины [47, с. 457]. Родился в 1935 году в США. В ранний период научной деятельности фокусировался на академической философии. Примерно в 1960-е годы в сферу его научных интересов вошли идеи КЖ, уходящие корнями в философскую мысль Древней Греции о благополучной жизни и в философию американского прагматизма. В ответ на назревшую в научных кругах повестку А. Майкалос выступил организатором журнала *Social Indicators Research* (в 1974 году), в котором по сегодняшний день остается редактором-основателем. Этот журнал являлся первым изданием, объединившим маргинальных в то время исследователей, занимавшихся темой социальных индикаторов КЖ. В последующем эта работа позволила изменить направление научных исследований и национальной политики США, имевших тогда серьезный крен в сторону понимания КЖ как количества материальных благ. Именно количественный экономический подход стал фокусом критики со стороны А. Майкалоса и других исследователей. За вклад в развитие движения за исследование социальных индикаторов ученого называют пионером данной области исследований, что нашло отраже-

ние в его блистательной академической карьере, а также было неоднократно подчеркнуто многочисленными наградами и премиями. В 2014 году он выпустил уникальную энциклопедию, посвященную КЖ [22], которая содержит более двух тысяч статей общим объемом свыше семи тысяч страниц.

Создание информационного пространства, консолидирующего идеи и дающего ученым возможность высказывания и обмена опытом, позволило совершить серьезный переворот в массовом сознании. Пост главы Международного общества исследований КЖ в 1999–2000 гг. тоже, по всей видимости, способствовал продвижению идей, заключенных в тысячах научных публикаций, на международную политическую арену.

А. Майкалос и К. Лэнд отмечают [18], что текущего прогресса в исследовании КЖ удалось достичь благодаря ряду сдвигов, в числе которых институционализация научного и практического направлений КЖ, популяризация самого понятия, продвижение в построении социальных индикаторов, а также объединение исследований социальных показателей с исследованиями субъективного благополучия. Основной идеей «движения за социальные индикаторы» было отделение понимания КЖ от экономического контекста и различение количественной (уровень жизни) и качественной сторон измерения [25], а также разработка ведущих индексов качества жизни, применяемых в международных исследованиях [23].

На сегодня термин «качество жизни», с одной стороны, акцентирует внимание на качестве изучаемого объекта (а не количественной мере), с другой — на его ценности или значимости. Это понятие открывает широкие возможности для выявления признаков благополучной

жизни, а также ставит вопрос о том, что именно делает жизнь ценной [27].

А. Майкалос [25] предлагает применительно к индикаторам КЖ разграничить зону социальной статистики и зону социальных отчетов («social reports»). Он разделяет не только объективные и субъективные показатели КЖ, но и положительные и отрицательные индикаторы. Высокие значения первых отражают высокое КЖ населения (например, уровень образования); высокие значения вторых — напротив, низкое (например, число убийств на душу населения). Важно добавить, что эти оценки субъективны [26], поскольку решение об отнесении индикатора к положительным или отрицательным принимается с опорой на то, как к данному факту относится большинство людей, насколько они признают желательность роста или снижения этих значений. Последняя идея является крайне важной в отношении разработки психологических индикаторов, которые могут по-разному восприниматься разными группами людей и зависеть от культурных особенностей. Этим в том числе можно объяснять результаты исследований счастья, ценность которого может варьировать в зависимости от культурных эталонов.

В систему ключевых понятий области КЖ А. Майкалос включает «счастье» и «удовлетворенность жизнью», которые обычно использует как синонимы, поскольку оба этих конструкта описывают относительно постоянное и обоснованное позитивное чувство в отношении собственной жизни. Вслед за другими авторами он объединяет их в рамках термина «субъективное благополучие», хотя и оговаривается, что его компоненты необходимо дифференцировать, поскольку за ними стоят разные процессы. А. Майкалос исходит из идеи о том, что

обобщенный показатель счастья есть результат совокупной удовлетворенности разными аспектами жизни. В поисках наиболее значимой для субъективного благополучия сферы жизни он анализирует результаты одиннадцати исследований, проведенных за последние 20 лет, и делает вывод о том, что наиболее стабильным предиктором счастья выступает самооценка, в то время как, например, здоровье проявляет себя как предиктор лишь в половине исследований [27]. Еще в сравнительно ранних исследованиях А. Майкалосу удалось эмпирически доказать ключевую роль в субъективном благополучии «дистанции сравнения» (comparison gap) — меры социальной дистанции, отделяющей респондента от тех, с кем он сравнивает себя. На огромной выборке студентов из 39 стран он показал, что дистанция сравнения сильнее всего коррелирует со счастьем, субъективным благополучием и удовлетворенностью жизнью [21].

С одной стороны, А. Майкалос настаивает на том, что традиция понимания КЖ, почерпнутая из работ американских прагматиков, должна сохраняться и нет нужды ее пересматривать [25], поскольку понимание КЖ как прямо пропорционального уровню удовлетворенности жизнью остается на сегодня преобладающим в западной цивилизации. С другой стороны, уже через год в публикации, посвященной 50-летию движения за социальные индикаторы, А. Майкалос и К. Лэнд отмечают, что, несмотря на роль показателей субъективной удовлетворенности жизнью, текущие представления о качестве жизни могут быть пересмотрены [18].

В той же статье авторы, ссылаясь на другие работы, заявляют о необходимости сравнительных исследований КЖ, поскольку удовлетворенность жизнью различается между культурами и эпоха-

ми. Откликаясь на эту идею, Скотт Хьюбнер [17] предлагает учитывать в концептуализации всесторонних оценок КЖ его потенциально эволюционирующий характер. Автор предлагает принять во внимание возрастные и индивидуальные изменения, связанные со сменой эталонов и оснований оценки КЖ и связанных с ним переменных. Такой подход позволил бы обеспечить исследования большей чувствительностью и актуальностью для всех возрастных групп. Область КЖ, по его мнению, выиграет от большего внимания к развитию личности в теории и исследованиях. С. Хьюбнер указывает на то, что восприятие человеком благополучия может изменяться на протяжении его индивидуальной жизни; такая перспектива не учитывалась и не была должным образом теоретически обоснована.

С. Хьюбнер констатирует, что К. Лэнд и А. Майкалос уже дают некоторое представление об отправной точке для решения этой проблемы тем, что подчеркивают важность включения понятия субъектности (agency) в тексты о качестве жизни [18; 35]. Так, например, они отмечают, что исследователи по-прежнему сосредоточены на демографических характеристиках, таких как пол, доход, этническая принадлежность и др., которые на деле обладают относительно небольшой объяснительной силой. Несмотря на то, что демографические переменные действительно могут выступать в качестве ресурсов или ограничений для личности, невозможно получить ясное понимание о качестве жизни без учета информации об их субъектности — то есть без учета внутренних факторов, составляющих людей определенным образом относиться к имеющимся у них возможностям и ограничениям.

С. Хьюбнер предлагает опереться на положения интегративной теории развития

личности Д. МакАдамса [19], в которой личность представлена тремя слоями, последовательно развивающимися на протяжении всей жизни: личность как актор (диспозиции), как агент (цели, ценности) и как автор (жизненные истории). Каждый слой выступает своего рода линзой, через которую можно посмотреть на человека, находящегося в определенном историческом, социальном и каком-либо еще контексте, и развивается на протяжении целой жизни, поскольку продолжают меняться и люди, и обстоятельства, в которые они включены. Автор приводит данные современных исследований, которые показывают, что на протяжении детского возраста и при переходе ко взрослости происходят существенные сдвиги в уровне удовлетворенности жизнью. С. Хюбнер уверен, что взгляды Д. МакАдамса вдохновляют на размышления о роли развития личности в проблематике КЖ, и их синтез с имеющимися наработками способен внести значительный вклад в исследуемую область.

М.Дж. Сирджи: субъективные параметры качества жизни и перспективы понятия

Мак Джозеф Сирджи (Mack Joseph Sirgy) родился в 1952 г. в Египте, эмигрировал в США в 1970 г. Он получил образование психолога в сфере менеджмента, а также степень доктора философии (1979). На сегодня он широко известен как ученый, соучредитель и текущий член правления Международного общества исследований КЖ (ISQOLS), пионер в продвижении темы благополучия и политики в области КЖ. За достижения в исследованиях Дж. Сирджи получил несколько наград от ISQOLS. Он является соредактором основополагающих коллективных монографий, посвященных различным областям КЖ, а

также соучредителем и редактором журнала «Applied Research in Quality of Life» («Прикладные исследования качества жизни»). В своих работах автор фокусируется на вопросах изменения политики (государственной, управленческой, образовательной, экономической, здравоохранения и др.), используя методы и достижения современной науки в сфере субъективного КЖ и благополучия.

В поле исследований субъективных индикаторов Дж. Сирджи концептуализирует КЖ в терминах удовлетворения потребностей, опираясь на классификацию потребностей А. Маслоу. Он говорит о том, что в менее развитых обществах люди, по-видимому, больше сфокусированы на удовлетворении дефицитарных потребностей (в безопасности, биологических), а в более развитых обществах актуальна реализация потребностей более высокого порядка (социальные потребности, потребность в уважении, потребность в самоактуализации) [30, с. 142].

Автор исходит из того, что КЖ является конечной целью человечества. Такая посылка предлагается как определяющая логику построения предложений для социальных и политических реформ: общественные институты должны заниматься обслуживанием разнообразных человеческих потребностей, т.е. должны участвовать и инвестировать свои услуги и материальные блага в КЖ каждого отдельного человека. Чем выше уровень удовлетворенности потребностей граждан, тем более вероятной становится смена производственных институтов (предоставляющих потребителям недифференцированную продукцию по низким ценам) на рыночные [30]. Иными словами, обществу с рыночной экономикой характерно стремиться удовлетворять свои потребности. Такое общество представляется автору ищущим благо-

получия, к чему по большому счету и сводится логика политического курса в отношении КЖ.

Уделяя особое внимание детерминантам удовлетворенности жизнью, Дж. Сирджи упоминает две теории. Одна теория — *нисходящей удовлетворенности* жизнью — утверждает, что на удовлетворенность жизнью влияют личность и ее диспозиционные характеристики (самооценка, оптимизм, нейротизм и т.п.). Другая теория — *восходящей удовлетворенности* жизнью — предполагает, что на удовлетворенность жизнью влияют ситуационные или экологические факторы (удовлетворенность уровнем жизни, работой, семьей, досугом, соседями и общиной и т.п.). Аффект перемещается между разными сферами жизни по принципу компенсации, «заражая» остальные превалирующим аффектом. Так, если у человека в одной из сфер жизни стабильно высокое благополучие, то оно способно «перетекать» и в другие сферы, где наблюдается недостаток реализации, выравнивая общее субъективно воспринимаемое КЖ. Однако важно учитывать и то, что негативный аффект «перетекает» по сферам согласно тем же механизмам, захватывая отрицательными эмоциями вполне благополучные сферы. Подобный механизм работает и внутри одной сферы жизни. При этом для изменения уровня субъективного благополучия важно понимать, что росту положительного аффекта способствуют такие процессы, как переоценка собственной жизни, исходя из сравнения с другими примерами; исходя из полученного жизненного опыта; в результате продвижения в понимании себя; в результате постановки и достижения личных целей; вследствие изменения ценностей и т.п. [30].

Опираясь на теорию нисходящей удовлетворенности, автор в частности от-

мечает отрицательное влияние «материализма» на удовлетворенность жизнью — люди, ориентированные на материальные ценности, будут менее удовлетворены жизнью и, согласно недавним исследованиям, менее удовлетворены своим уровнем жизни [29; 49]. Дж. Сирджи говорит и о том, что современный мир с его растущим материальным потреблением и культурой материальных атрибутов счастливой и благополучной жизни способствует т.н. «предельному материализму», т.е. материализму ради материализма [30, с. 153–154].

Дж. Сирджи считает удовлетворенность жизнью несовершенным параметром оценки КЖ, поскольку субъективные оценки будут зависеть от ожиданий. Он приводит модель потребительской удовлетворенности Дж. Арндта, объясняя ею так называемую «индивидуальную полезность». Согласно Дж. Арндту [12], удовлетворенность жизнью является результатом сравнения ожиданий и воспринимаемых результатов. В случае, если результаты или достижения оказываются ниже ожиданий, человек скорее всего будет не удовлетворен жизнью, и наоборот, в ситуации соответствия или превышения ожиданий человек, вероятно, будет испытывать удовлетворенность жизнью [30, с. 27]. Таким образом, индивидуальная полезность может быть реализована путем реализации определенных ожиданий, а КЖ тем самым может быть улучшено путем достижения целей, порождающих удовлетворенность. Удовлетворенность при этом следует отличать от удовольствия [20], поскольку последнее может быть достигнуто путем потакания чувствам и вовсе не требует достижения каких-либо целей.

Концепт личной полезности был признан удобным с точки зрения реализации социальных и политических задач. Одна-

ко стоит упомянуть ранние критические замечания самого Дж. Сирджи в адрес сведения КЖ к одной только удовлетворенности жизнью [37]: 1) удовлетворенность жизнью — сугубо субъективное понятие, эта оценка зависит от настроения и от индивидуальных характеристик; 2) удовлетворенность жизнью не ориентирована в будущее — человек может быть счастлив, но при этом отличаться рискованным поведением или невниманием к своему здоровью; 3) политика ориентации на удовлетворенность одних людей может привести к созданию неблагоприятных условий для других.

Однако теоретический подход, учитывающий индивидуальную полезность, является одной из самых удачных прикладных теорий КЖ, считает Дж. Сирджи [36]. Он позволяет менеджерам и политикам так настраивать свои продукты, чтобы максимизировать индивидуальную полезность для целевых групп. Единственное, что нужно для осуществления такого подхода — это определить, каковы ожидания целевой группы в отношении КЖ, поскольку далее потребитель будет оценивать результаты, основываясь на этих ожиданиях, а прирост субъективно воспринимаемого КЖ будет происходить исключительно в сфере этих ожиданий.

Наконец, Дж. Сирджи напоминает, что, хотя исследователи часто используют термины счастья и удовлетворенности как синонимы, стоит помнить о том, что счастье — это аффективный конструкт, а удовлетворенность жизнью — когнитивная оценка. Кроме того, счастье может быть рассмотрено в краткосрочной и долгосрочной перспективе, а краткосрочный конструкт счастья делится еще на два измерения: позитивный и негативный аффект. Другими словами, при использовании конструкта счастья/

удовлетворенности жизнью исследователи должны отдавать себе отчет, о каком именно счастье они говорят, т.е. использовать соответствующие измерительные инструменты.

Среди наиболее конструктивных способов достижения высокого субъективного благополучия Дж. Сирджи предлагает не увеличивать до максимального уровня удовлетворенность жизнью, а стараться держать ее на оптимальном уровне путем сохранения баланса между позитивным и негативным аффектом [34]. При этом для благополучия важны предотвращение негативного аффекта, самооценка, возможность испытывать эстетическое удовольствие, способность создавать позитивные иллюзии и др. [33, с. 237–268]. Основным способом удержания благополучия на приемлемом уровне автор видит соблюдение баланса аффекта между разными сферами жизни [32]. Вовлеченность является важным параметром благополучия, потому вовлечение в разные сферы самореализации позволяет более полно удовлетворить потребности в совершенствовании себя.

Особым образом Дж. Сирджи анализирует влияние медиатехнологий на благополучие. Он подчеркивает, что кроме очевидных достоинств мультимедийные технологии часто становятся помехой на пути к благополучию, поскольку требуют от человека больших когнитивных затрат. В частности, источники помех связаны с затратами внимания на одновременные процессы, когда человек отвлекался от выполнения важной задачи на сводки новостей, онлайн-общение. Кроме того, даже досуговое время, проведенное за компьютером или смартфоном, истощает отсроченное внимание, которое потребуется человеку позже во время учебы или работы. Наконец, медиатехно-

логии иногда способны заменить собой иные виды деятельности, важные для благополучия человека [31]. Так, например, выполнение работы по дому важно для семейного благополучия человека, а онлайн-общение или видеоигры, отвлекающие от сна, в перспективе оказывают разрушительное влияние не только на благополучие, но и на позитивное психологическое здоровье в целом [31].

Среди последних работ заметно увеличение интереса Дж. Сирджи к понятию благополучия и интегративным теориям качества жизни. В собственном теоретическом анализе понятия он ссылается на ключевые работы позитивной психологии, упоминает новейшие измерительные инструменты в этой области, а также излагает различные современные теории качества жизни. Особого внимания заслуживает изложенная им теория качества жизни Роберта Лейна [28], в которой утверждается, что определенные социально-психологические свойства личности ответственны за ощущение субъективного благополучия и социального развития. Основная идея Р. Лейна, с которой солидарен автор, заключается в том, что высокое качество жизни определяется личностью, а точнее набором характеристик, которые одновременно являются признаком психического здоровья и социальной ответственности. Такой набор именуется «качеством личности» (или «quality of the person» (QP)), подразумевая, что следующие характеристики составляют психологический склад человека с высоким качеством жизни [28]: 1) способность получать удовольствие от жизни, 2) когнитивная сложность, 3) чувство автономии и эффективности, 4) самопознание, 5) самооценка, 6) легкость межличностных отношений, 7) этическая ориентация, 8) ориентация на продуктивность, а так-

же 9) интергированность личности. Кроме того, в набор характеристик качества жизни входит качество условий окружающей среды («quality of the environmental conditions» (QC)), представляющих собой возможности (и активы), которые человек может использовать для достижения качества личности [28]: 1) адекватное материальное обеспечение; 2) физическая безопасность; 3) друзья и социальная поддержка; 4) возможности для выражения и получения любви; 5) возможности для интересной работы; 6) возможности для отдыха, в которых есть элементы мастерства, творчества и релаксации; 7) доступный набор нравственных ценностей, способных придать смысл жизни; 8) возможности для саморазвития; а также 9) система правосудия, которой управляют незаинтересованные и компетентные стороны.

Подобные идеи, связывающие вклад личности в субъективное качество жизни, уже обсуждались на страницах данного журнала ранее [2; 10], а также согласуются с критическими замечаниями С. Хюбнера, изложенными выше. К сожалению, все еще не удалось операционализировать переменную, которая бы продемонстрировала, насколько существенным является вклад личности в общее качество жизни субъекта.

Р. Винховен: социология счастья во всемирном масштабе

Рут Винховен (Ruut Veenhoven) родился в 1942 году в Нидерландах. Его работа о социальных условиях человеческого счастья в Университете Эразма в Роттердаме способствовала становлению счастья как цели государственной политики. Он является знаковой фигурой сообщества исследователей КЖ, заслуживающей особого внимания. Почетный профессор социальных условий

человеческого счастья, член правления ISQOLS с 1995 года, один из создателей международного журнала исследований счастья (The Journal of Happiness Studies) и организатор постоянно пополняющейся открытой базы данных, посвященной исследованиям счастья [40; 41], он в настоящее время занимает в равной степени ключевое место в сообществе позитивных психологов, социологов и исследователей КЖ на макросоциальном и страновом уровнях.

Созданную и поддерживаемую им всемирную базу данных о счастье, открытую для исследователей, Р. Винховен называет средством совладания с потоком данных [40]. В частности, ссылаясь на исследования, выполненные на основе этой базы, он формулирует ряд обобщенных выводов, которые отчасти идут вразрез с выводами других исследователей. Так, в противоположность А. Майкалосу Р. Винховен утверждает, что счастье не зависит от сравнения, в том числе от социального сравнения. Однако увеличение осведомленности человека о своем уровне счастья приводит к повышению уровня счастья [13]. В противоположность Э. Динеру он считает, что счастье вариативно в течение жизни и не может быть рассмотрено как присущее личности свойство или черта. Критикуя распространенные убеждения, Р. Винховен утверждает, что уровень счастья растет в современных обществах, а разброс уровня счастья внутри стран (в терминах стандартного отклонения) имеет тенденцию к сокращению; этот уровень также мало зависит от социально-демографических характеристик. Несчастье является скорее исключением: большинство человечества счастливо. Наконец, индивидуалистическое общество благотворно для счастья, а общество социального обеспече-

ния — нет [40, с. 225–226]. Основываясь на своих разработках, он предсказывал, что подъем счастья в России возможен при условии стабилизации экономики, что, действительно, наблюдалось в течение ряда лет с 2000 года [44; 45].

Р. Винховен [39] обобщает основные корреляции счастья по исследованиям 90 стран по состоянию на конец 1990-х гг. Покупательная способность на душу населения дает очень сильную корреляцию (0,67) с общенациональным уровнем счастья. Немного уступают благосостоянию по своему влиянию на счастье параметры справедливости: верховенство закона (0,53), соблюдение гражданских прав (0,56) и индекс коррупции (–0,60). Столь же значимы свободы, прежде всего экономическая свобода (0,59), которой уступают политическая свобода (0,46) и личная свобода (0,44). Далее идут такие параметры социального капитала, как уровень толерантности к меньшинствам (0,50) и межличностное доверие (0,37). Наконец, безопасность важна прежде всего в физическом аспекте, корреляция преждевременной смертности от катастроф, инцидентов и рук других людей с уровнем счастья равна –0,51, а положительный эффект социального обеспечения и уверенности в завтрашнем дне — лишь 0,31. Таким образом, сделка «свобода в обмен на безопасность» психологически невыгодна, она ведет к снижению счастья, тем более что в придачу к свободе приходится «доплачивать» справедливостью. В целом все перечисленные и некоторые дополнительные, менее весомые факторы, которые мы опускаем, объясняют около 83% дисперсии счастья на уровне наций; понятно, что многие из названных факторов взаимообусловлены.

В своем анализе исследований счастья как дополнения к социальным индикаторам Р. Винховен напоминает, что

его научное исследование возникло и развивалось параллельно исследованию социальных индикаторов. В результате эта линия исследований вылилась в отдельное направление позитивной психологии, главной идеей которого был выход за пределы изучения последствий психического расстройства и болезни. На сегодня позитивная психология широко развивается в прикладных проектах консультирования и образования. Р. Винховен отмечает, что эта область исследований более точно может быть описана в формулировках «позитивного психологического здоровья», поскольку их проблематика содержательно приближается к пониманию подхода, описанного К. Рифф вслед за М. Яходой [27].

Самым последним, по мнению Р. Винховена, достижением в исследовании счастья является появление «экономики счастья». «Ключевое понимание экономики счастья состоит в том, что удовлетворение, которое мы ожидаем от выбора (ожидаемая полезность), не всегда соответствует удовлетворению, которое на самом деле является результатом выбора (переживаемая полезность), и что мы можем выбирать более рационально, если лучше информированы о вероятных последствиях, связанных с удовлетворенностью» [43, с. 1006]. Как можно заметить, эти идеи вполне откликаются и разделяются учеными, о которых шла речь выше.

Р. Винховен отмечает, что слово «счастье» часто используется как синоним таких терминов, как «благополучие» или «качество жизни», и обозначает инди-

видуальное и социальное благоденствие [42]. Такое употребление термина тем самым предполагает, как будто есть некое высшее благо и что достоинства жизни могут быть организованы в единую шкалу. Р. Винховен с этим не соглашается и предлагает свое более дифференцированное понимание, в котором счастье выступает лишь одним из четырех аспектов жизни.

Обобщая современные междисциплинарные исследования КЖ, Р. Винховен [42] соединяет разные мишени этих исследований (см. табл. 1), классифицируя их по двум параметрам: 1) относятся ли они к потенциальным возможностям или к результатам реализации того, что в жизни состоялось; 2) относятся ли они к чему-то внешнему, к параметрам среды или к внутренним характеристикам — параметрам личности.

Возможности жизни как внешние качества — жизнепригодность среды — представляют собой характеристики внешней среды, которые влияют на объем возможностей, доступных каждому человеку (например, пригодность среды для обитания (экология), экономические условия, общественные отношения, социальный капитал). *Возможности жизни с точки зрения внутренних качеств* — жизнеспособность личности — для Р. Винховена [42] выражается через категории здоровья и образования, хотя этот момент представляется наиболее спорным.

Результаты жизни с точки зрения внешних качеств — полезность жизни — складываются из результативности жизни, из ее вклада во что-то значимое для

Таблица 1

Четыре качества жизни

качества параметры жизни	Внешние качества	Внутренние качества
Возможности жизни	Жизнепригодность среды	Жизнеспособность личности
Результаты жизни	Полезность жизни	Удовлетворенность жизнью

других. Говоря о результатах жизни с точки зрения внешних эффектов, автор имеет в виду функциональную ценность жизни человека для окружающего мира, необходимость этой жизни с точки зрения окружения. На более высоких уровнях результативности жизни ее качество начинается определяться вкладом в развитие общества и человеческой культуры. Поскольку жизнь может иметь много экологических последствий, число вариантов пользы человеческой жизни почти бесконечно. Кроме своей функциональной полезности жизнь можно оценивать по тому, представляет ли она моральную или эстетическую ценность. Речь идет о том, что часто зовется «добродетельной жизнью», стремление к которой и составляет сущность «истинного счастья» и лежит в основе способности любить свою жизнь.

Результаты жизни с точки зрения внутренних качеств представляют собой радость, которую человек может испытывать от жизни, непосредственное удовольствие от процесса жизни и субъективное наслаждение ею. Обычно этот смысл обозначается терминами «субъективное благополучие», «удовлетворенность жизнью» и «счастье» в узком смысле слова.

Ретроспективно оценивая свою жизнь по этим измерениям, человек может размышлять о полученном опыте, сравнивать свою жизнь с эталонами или с прошлым. Р. Винховен [42] подчеркивает,

что человеческие оценки, как правило, основаны и на интуитивной аффективной, и на когнитивной управляемой оценке. Материальные блага, такие как личный доход, оцениваются скорее путем сравнения; нематериальные блага, такие как сексуальная привлекательность, оцениваются исходя из собственного опыта и переживаний. Имея представления и впечатления об отдельных качествах своей жизни, люди обобщают этот опыт в общих оценках и потому способны иметь собственное мнение относительно отдельной области жизни (например, работы или брака). Эти оценки не всегда развернуто представлены в сознании, но их непостоянство не препятствует принципиальной возможности измерения такого отношения.

Аналогичную матрицу Р. Винховен предлагает для понимания удовлетворенности жизнью [42]. Данную классификацию он строит также на пересечении двух измерений (см. табл. 2): 1) целостности (отдельные аспекты жизни — жизнь в целом) и 2) устойчивости (мимолетное наслаждение — длительная удовлетворенность).

Автор акцентирует внимание на том, что все оценки связаны между собой и между ними могут наблюдаться нисходящие и восходящие динамические процессы: например, наслаждение определенным аспектом жизни «распространяется» на жизнь в целом, или, наоборот, удоволь-

Таблица 2

Четыре качества удовлетворенности жизнью

устойчивость / целостность	Мимолетное	Длительное
Аспект жизни	Удовольствие	Удовлетворенность аспектом жизни
Жизнь как целое	Высшие переживания	Счастье
		Удовлетворенность жизнью
		Субъективное благополучие

ствие от жизни в целом способствует удовлетворенности отдельными ее областями. Такие «перетекания» аффекта компенсируют недостаточную удовлетворенность отдельными сферами жизни. При этом переживание удовлетворенности может быть кратковременным или длительным. Эти идеи перекликаются с изложенными выше взглядами Дж. Сирджи.

В зависимости от затронутого аспекта жизни выделяются две формы: удовольствие и удовлетворенность в рамках того или иного аспекта (домена) жизни. В случае мимолетного переживания имеют место преходящие события, т.е. гедонистические переживания (например, удовольствие от выполненной работы). В случае длительного переживания имеет место удовлетворенность аспектом (доменом) жизни, т.е. более продолжительная оценка (например, удовлетворенность работой или браком). Она может зависеть от потока мимолетных удовольствий в этой сфере жизни, а может быть от них сравнительно независима. Термин «счастье» чаще всего используют применительно к этому — длительному — переживанию удовлетворенности.

Тем не менее человек может быть удовлетворен всеми аспектами жизни, но чувствовать себя в целом несчастным. Именно поэтому Р. Винховен и вводит второе измерение — удовлетворенность жизнью как целым. Разделенные по длительности переживания делятся им на высшие, но недолговечные и более стабильные, но устойчивые. Длительное переживание удовлетворенности жизнью является, по Р. Винховену, синонимом удовлетворенности жизнью, счастья, субъективного благополучия в отношении жизни как целого, т.е. как некоей суммы удовольствий и страданий. Высшие переживания представляют собой временные, но довольно интенсивные чувства: переживание це-

лостности, пиковые переживания, мгновения блаженства — все они чаще всего воспеваются в поэзии. Однако, ссылаясь на Э. Динера с соавторами [15], Р. Винховен указывает, что высшие переживания могут приводить к дезориентации, если они принимают затяжной характер.

Таким образом, Р. Винховен рассматривает счастье в широком смысле, как субъективное наслаждение жизнью в целом, в котором выделяются два компонента — «гедонистический уровень аффекта» и «удовлетворенность». Изучая различия среднего уровня счастья между странами (или между гражданами внутри стран), ученый приходит к выводу, что большее счастье для большего числа людей принципиально возможно и существуют определенные пути его достижения. Так, средний уровень счастья жителей страны может превышать 8 баллов по 10-балльной шкале. В Дании этот показатель равен 8,2, а в Швейцарии — 8,1 [41]. По мнению Р. Винховена, отсюда следует, что такой уровень счастья возможен и для других стран.

Наконец, изучение путей повышения счастья с помощью политических решений показало [13], что наиболее реализуемыми и эффективными являются те стратегии, которые предполагают, во-первых, инвестиции в исследования счастья со стороны государства, во-вторых, поддержку людей из социально незащищенных и уязвимых категорий, в-третьих, направленность на улучшение социального климата, что может быть сделано посредством стимулирования и поддержки НКО и добровольческих организаций. Кроме того, индивидуальными стратегиями, повышающими качество жизни, достоверно можно считать инвестирование в собственную социальную среду, вклад в значимую деятельность, а также заботу о своем здоровье.

Заключение

Анализ взглядов ключевых исследователей качества жизни в междисциплинарном контексте, в первом приближении представленный в данной статье, позволяет выделить основной тренд в этой проблемной области, актуальность которой, в том числе в ее прикладных аспектах, неуклонно возрастает. Так, можно обнаружить, что расширяется разнообразие социальных контекстов, в которых рассматриваются прямые оценки счастья, удовлетворенности и субъективного благополучия. Эти оценки вносят существенный вклад в понимание природы, а порой и парадоксов этих же оценок. В числе содержательных характеристик данного тренда обращает на себя внимание все более выраженный междисциплинарный характер этой области при растущем вкладе психологии, и в особенности ее позитивной повестки. Закономерным образом при выделении эмпирических индикаторов качества жизни все больше внимания уделяется субъективным индикаторам, получаемым методами прямых мониторинговых опросов на больших выборках. Эти взаимосвязанные между собой характеристики перебрасывают мост между исследованиями качества жизни, в центре которых находится специфика тех или иных типов обществ и культур, и исследованиями счастья и субъективного благополучия на индивидуально-психологическом уровне, средоточием которых стала позитивная психология.

Таким образом, субъективное благополучие и его синонимы на сегодня являются основными маркерами и при этом единственными психологическими переменными, которые входят в глобальные индикаторы (индексы) качества жизни, измеряемые в разных странах и служащие базой для межстранового сравнения

[23]. В междисциплинарных исследованиях качества жизни на первый план выступают факторы субъективного благополучия, относящиеся к социальным контекстам жизни индивидов. Недавние данные [16] показывают, что межнациональные (межкультурные) различия сильнее сказываются на показателях субъективного благополучия, чем индивидуальные различия или демографические характеристики.

Отождествление качества жизни только лишь с мерами субъективного благополучия, однако, имеет свои ограничения и нуждается в дополнительной рефлексии с точки зрения непостоянства условий современного мира, о чем в разных контекстах сообщают А. Майкалос, К. Лэнд, С. Хюбнер, Р. Винховен, Д. Сирджи. Современный мир, бросающий личности вызов неопределенности, требует от нее развития особой внутренней сложности на пути к субъективному благополучию. Действительно, позитивное отношение к неопределенности позволяет повысить сопротивляемость стрессу, однако требует от личности принять ответственность за собственную жизнь и все происходящее.

Анализ размышлений ключевых исследователей показывает, что сам концепт качества жизни нуждается в дальнейшем изучении. Все три авторитетных автора в своих теоретических размышлениях упоминают категории деятельности, полезности и ценности жизни как достаточно перспективные аспекты качества жизни. Кроме того, обозреваемая в статье критика понятия наводит на мысль, что следующим этапом развития психологического понимания качества жизни, вероятно, станет изучение вклада развития личности и ее социально-психологических свойств в положительные результаты жизни.

Литература

1. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.
2. Заиченко А.А., Эксакусто Т.В. Личностные особенности людей с разным профилем субъективного качества жизни // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 2. С. 100–114.
3. Зараковский Г.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. М.: Смысл, 2009. 319 с.
4. Лебедева А.А. Теоретические подходы и методологические проблемы изучения качества жизни в науках о человеке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 3–19.
5. Леонтьев Д.А. Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты // Психологический журнал. 2020. № 41(6). С. 86–95. DOI:10.31857/S020595920012592-7
6. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.02
7. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.06
8. Рассказова Е.И. Качество жизни как междисциплинарная проблема: теоретические подходы и диагностика качества жизни в психологии, социологии и медицине // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 2. С. 59–71.
9. Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2006. 170 с.
10. Скрипкина Т.П., Нехорошева И.В. Отличия в основных показателях субъективного качества жизни между людьми с разной нравственной направленностью // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 50–58.
11. Щекотин Е.В. Катастрофы повседневности: представление о качестве жизни в обществе риска. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2014. 152 с.
12. Arndt J. The Quality of Life Challenge to Marketing. In Marketing and the Quality of Life / Eds. F.D. Reynolds and H.C. Barksdale. Chicago: American Marketing Association, 1978. P. 1–10.
13. Bakker A., Burger M., van Haren P., Oerlemans W., Veenhoven R. Raise of Happiness Following Raised Awareness of How Happy One Feels: A Follow-Up of Repeated Users of the Happiness Indicator Website // International Journal of Applied Positive Psychology. 2020. Vol. 5. P. 153–187. DOI:10.1007/s41042-020-00032-w
14. Buettner D., Nelson T., Veenhoven R. Ways to Greater Happiness: A Delphi Study // Journal of Happiness Studies. 2020. Vol. 21. P. 2789–2806. DOI:10.1007/s10902-019-00199-3
15. Diener E., Pavot W., Sandvik E. Happiness is the frequency, not intensity of positive and negative affect // F. Strack et al. (Eds.). Subjective wellbeing. London: Pergamon, 1991. P. 213–231. DOI:10.1007/978-90-481-2354-4_10
16. Geerling D.M., Diener E. Effect size strengths in subjective well-being research // Applied Research in Quality of Life. 2020. Vol. 15. P. 167–185.
17. Huebner E.S. Quality of Life and Personality Development: A Reply to Land and Michalos // Social Indicators Research. 2018. Vol. 135(3). P. 1021–1025. DOI:10.1007/s11205-017-1560-1
18. Land K.C., Michalos A.C. Fifty Years After the Social Indicators Movement: Has the Promise Been Fulfilled? An Assessment an Agenda for the Future // Social Indicators Research. 2018. Vol. 135(3). P. 835–868. DOI:10.1007/s11205-017-1571-y
19. McAdams D.P. The art and science of personality development. New York: Guilford Press, 2015.

20. *Meadow H.L., Mentzer J.T., Rahtz D.R., Sirgy M.J.* A Life Satisfaction Measure Based on Judgment Theory // Social Indicators Research. 1992. Vol. 26(1). P. 23–59. DOI:10.1007/BF0010.1007/BF00303824303824
21. *Michalos A.C.* Global report on student well-being: Vol.1. Life satisfaction and happiness. New York: Springer, 1991. DOI:10.1007/978-1-4612-3098-4_1
22. *Michalos A.C. (Ed.)* Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research [Электронный ресурс]. Springer Netherlands, 2014. DOI:10.1007/978-94-007-0753-5 URL: <https://www.springer.com/gp/book/9789400707528> (дата обращения: 1.07.2022).
23. *Michalos A.C., Hatch P.M.* Good Societies, Financial Inequality and Secrecy, and a Good Life: From Aristotle to Picketty // Applied Research Quality Life. 2020. Vol. 15. P. 1005–1054. DOI:10.1007/s11482-019-09717-0
24. *Michalos A.C.* Identifying the Horse, the Cart and Their Proper Order in Sustainable Development // A.C. Michalos (Ed.), Development of Quality of Life Theory and Its Instruments: The Selected Works of Alex C. Michalos Springer International Publishing AG, 2017. P. 175–184. DOI:10.1007/978-3-319-51149-8
25. *Michalos A.C.* Connecting the Quality of Life Theory to Health, Well-Being and Education. The Selected Works of Alex C. Michalos. University of Northern British Columbia. Prince George, BC. Canada, 2017. DOI:10.1007/978-3-319-51161-0
26. *Noll H.H.* Social Indicators and Quality of Life Research: Background, Achievements and Current Trends // Genov N. (Ed.) Advances in Sociological Knowledge. Wiesbaden, 2004. DOI:10.1007/978-3-663-09215-5_7
27. *Ruff C.D., Singer B.* The Contours of Positive Human Health // Psychological Inquiry. 1998. Vol. 9(1). P. 1–28. DOI:10.1207/s15327965pli0901_1
28. *Sirgy M.J.* Integrative Models of Wellbeing / Sirgy M.J. (Ed.) // The Psychology of Quality of Life. Wellbeing and Positive Mental Health. Social Indicators Research Series. 2021. Vol. 83. P. 681–710. Springer, Cham. DOI:10.1007/978-3-030-71888-6_29
29. *Sirgy M.J.* Materialism and Quality of Life // Social Indicators Research. 1998. Vol. 43. P. 227–260. DOI:10.1023/A:1006820429653
30. *Sirgy M.J.* Handbook of Quality-of-Life Research: An Ethical Marketing Perspective. Springer, Dordrecht, 2001. DOI:10.1007/978-94-015-9837-8
31. *Sirgy M.J.* Philosophical Foundations, Definitions, and Measures of Wellbeing. In Sirgy M.J. (Ed.). The Psychology of Quality of Life. Wellbeing and Positive Mental Health. Social Indicators Research Series. Springer, Cham, 2021. Vol. 83. P. 5–35. Springer, Cham. DOI:10.1007/978-3-030-71888-6_1
32. *Sirgy M.J.* Positive balance: a hierarchical perspective of positive mental health // Quality of Life Research. 2019. Vol. 28(7). P. 1921–1930. DOI:10.1007/s11136-019-02145-5
33. *Sirgy M.J.* The Psychology of Quality of Life: Hedonic Well-Being, Life Satisfaction, and Eudaimonia (2-nd ed.). Springer Netherlands, 2012. DOI:10.1007/978-94-007-4405-9
34. *Sirgy M.J.* The Theory of Positive Balance in Brief // In Sirgy M.J. (ed.). Positive Balance. Social Indicators Research Series. Springer, Cham, 2020. P. 1–24. DOI:10.1007/978-3-030-40289-1
35. *Sirgy M.J., Michalos A.C., Ferriss A.L., Easterlin R.A., Patrick D., Pavot W.* The quality-of-life (QOL) research movement: Past, present, and future // Social Indicators Research. 2006. Vol. 6(3). P. 343–466. DOI:10.1007/s11205-005-2877-8
36. *Sirgy M.J., Rahtz D., Lee D.-J.* Community quality-of-life indicators: Best cases. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2004. DOI:10.1007/978-1-4020-2202-9
37. *Sirgy M.J., Samli A.C., Meadow H.L.* The Interface between Quality of Life and Marketing: A Theoretical Framework // Journal of Public Policy and Marketing. 1982. Vol. 1(1). P. 69–84. DOI:10.1177/074391568200100106
38. *Tsai M.C.* Social Indicators Movement and Human Agency: Comment on Land and Michalos. // Social Indicators Research. 2018. Vol. 135(3). P. 991–999. DOI:10.1007/s11205-017-1553-0

39. *Veenhoven R.* Quality-of-life research // C.D. Bryant, D.L. Peck (Eds.). 21st Century Sociology: A Reference Handbook. Vol. 2. Thousands Oaks, CA, USA: Sage, 2007. P. 54–62. DOI:10.4135/9781412939645.n64
40. *Veenhoven R.* World database of happiness: Tool for dealing with the ‘Data-Deluge’ // Psychological Topics. 2009. Vol. 18(2). P. 221–246.
41. *Veenhoven R.* World database of happiness: Continuous register of research on subjective enjoyment of life [Электронный ресурс]. Rotterdam: Erasmus University Rotterdam, 2010. URL: <http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl> (дата обращения: 01.07.2022).
42. *Veenhoven R.* Happiness, Also Known as “Life Satisfaction” and “Subjective Well-Being” // K.C. Land et al. (eds.). Handbook of Social Indicators and Quality of Life Research, Springer Science+Business Media B.V, 2012. P. 63–77. DOI:10.1007/978-94-007-2421-1_9
43. *Veenhoven R.* Co-development of Happiness Research: Addition to “Fifty Years After the Social Indicator Movement” // Social Indicators Research. 2018. Vol. 135(3). P. 1001–1007. DOI:10.1007/s11205-017-1554-z
44. *Veenhoven R.* Are the Russians as Unhappy as they say they are? // Journal of Happiness Studies. 2001. Vol. 2. P. 111–136. DOI:10.1023/A:1011587828593
45. *Veenhoven R.* Pioneer in Subjective Quality of Life Research: Willem Saris // Applied Research Quality Life. 2021. Vol. 16. P. 1395–1397. DOI:10.1007/s11482-021-09949-z
46. *Yu G.B., Lee D.J., Sirgy M.J. et al.* Household Income, Satisfaction with Standard of Living, and Subjective Well-Being. The Moderating Role of Happiness Materialism // Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being. 2019. Issue 2. P. 1–22. DOI:10.1007/s10902-019-00202-x
47. *Zumbo B.D., Alex C. Michalos:* Pioneer of Quality of Life and Social Indicators Research // Applied Research Quality Life. 2014. Vol. 9(2). P. 457–459. DOI:10.1007/s11482-013-9293-z

References

1. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Kollektivnye smysly kak predposylka lichnogo schast'ya [Collective meanings as a premise for personal happiness]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2014, no. 35(1), pp. 5–15. (In Russ.).
2. Zaichenko A.A., Eksakusto T.V. Lichnostnye osobennosti lyudei s raznym profilem sub”ektivnogo kachestva zhizni [Personality traits in individuals with different profiles of subjective life quality]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2014, no. 5(2), pp. 100–114. (In Russ.).
3. Zarakovskii G.M. Kachestvo zhizni naseleniya Rossii: psikhologicheskie sostavlyayushchie [Quality of life of the population in Russia: psychological components]. Moscow: Smysl, 2009. 319 p. (In Russ.).
4. Lebedeva A.A. Teoreticheskie podkhody i metodologicheskie problemy izucheniya kachestva zhizni v naukakh o cheloveke [Theoretical Approaches and Methodological Issues of Life Quality Research in Human Sciences]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012. Vol. 9, no. 2, pp. 3–19. (In Russ.).
5. Leontiev D.A. Kachestvo zhizni i blagopoluchie: ob”ektivnye, sub”ektivnye i sub”ektivnye aspekty [Quality of Life and Well-Being: Objective, Subjective and Agentic Aspects]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2020, no. 41(6), pp. 86–95. DOI:10.31857/S020595920012592-7 (In Russ.).
6. Leontiev D.A. Schast'e i sub”ektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniyu ponyatiinogo polya [Happiness and Well-Being: Toward the Construction of the Conceptual Field]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, no. 1, pp. 14–37. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.02 (In Russ.).
7. Osin E.N., Leontiev D.A. Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub”ektivnogo blagopoluchiya: psikhometricheskie kharakteristiki i sravnitel'nyi analiz [Brief Russian-Language

- Instruments to Measure Subjective Well-Being]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, no. 1, pp. 117–142. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.06 (In Russ.).
8. Rasskazova E.I. Kachestvo zhizni kak mezhdistsiplinarnaya problema: teoreticheskie podkhody i diagnostika kachestva zhizni v psikhologii, sotsiologii i meditsine [Quality of life as an interdisciplinary problem: theoretical approaches and diagnostics of the quality of life in psychology, sociology and medicine]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya = Theoretical and Experimental Psychology*, 2012, no. 5(2), pp. 59–71. (In Russ.).
9. Savchenko T.N., Golovina G.M. Sub"ektivnoe kachestvo zhizni: podkhody, metody otsenki, prikladnye issledovaniya [Subjective quality of life. Approaches, assessment methods, applied research]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 2006. 170 p. (In Russ.).
10. Skripkina T.P., Nekhorosheva I.V. Otlichiya v osnovnykh pokazatelyakh sub"ektivnogo kachestva zhizni mezhdru lyud'mi s raznoi npravstvennoi napravlennoy'u [Differences in Basic Parameters of Subjective Quality of Life in People with Different Moral Orientations]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2013, no. 2, pp. 50–58. (In Russ.).
11. Shchekotin E.V. Katastrofy povsednevnosti: predstavlenie o kachestve zhizni v obshchestve riska [Quality of life in a turbulent society: disaster and state of emergency from the point of view of sociology of everyday life]. Novosibirsk: NGASU (Sibstrin), 2014. 152 p. (In Russ.).
12. Arndt J. The Quality of Life Challenge to Marketing. In Reynolds F.D., Barksdale H.C. (Eds.). *Marketing and the Quality of Life*. Chicago: American Marketing Association, 1978, pp. 1–10.
13. Bakker A., Burger M., van Haren P., Oerlemans W., Veenhoven R. Raise of Happiness Following Raised Awareness of How Happy One Feels: A Follow-Up of Repeated Users of the Happiness Indicator Website. *International Journal of Applied Positive Psychology*, 2020, no. 5, pp. 153–187. DOI:10.1007/s41042-020-00032-w
14. Buettner D., Nelson T., Veenhoven R. Ways to Greater Happiness: A Delphi Study. *Journal of Happiness Studies*, 2020, no. 21, pp. 2789–2806. DOI:10.1007/s10902-019-00199-3
15. Diener E., Pavot W., Sandvik E. Happiness is the frequency, not intensity of positive and negative affect. In Strack F. et al. (Eds.). *Subjective wellbeing*. London: Pergamon, 1991, pp. 213–231. DOI:10.1007/978-90-481-2354-4_10
16. Geerling D.M., Diener E. Effect size strengths in subjective well-being research. *Applied Research in Quality of Life*, 2020, no. 15, pp. 167–185.
17. Huebner E.S. Quality of Life and Personality Development: A Reply to Land and Michalos. *Social Indicators Research*, 2018. Issue 3. Vol. 135, pp. 1021–1025. DOI:10.1007/s11205-017-1560-1
18. Land K.C., Michalos A.C. Fifty Years After the Social Indicators Movement: Has the Promise Been Fulfilled? An Assessment and Agenda for the Future. *Social Indicators Research*, 2018, no. 135(3), pp. 835–868. DOI:10.1007/s11205-017-1571-y
19. McAdams D.P. The art and science of personality development. New York: Guilford Press, 2015.
20. Meadow H.L., Mentzer J.T., Rahtz D.R., Sirgy M.J. A Life Satisfaction Measure Based on Judgment Theory. *Social Indicators Research*, 1992. Vol 26, no. 1, pp. 23–59. DOI:10.1007/BF001007/BF00303824303824
21. Michalos A.C. Global report on student well-being: Vol.1. Life satisfaction and happiness. New York: Springer, 1991. DOI:10.1007/978-1-4612-3098-4_1
22. Michalos A.C. (Ed.) *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Springer Netherlands, 2014. DOI:10.1007/978-94-007-0753-5 Available at: <https://www.springer.com/gp/book/9789400707528> (Accessed 01.08.2022).
23. Michalos A.C., Hatch P.M. Good Societies, Financial Inequality and Secrecy, and a Good Life: From Aristotle to Piketty. *Applied Research Quality Life*, 2020, no. 15, pp. 1005–1054. DOI:10.1007/s11482-019-09717-0

24. Michalos A.C. Identifying the Horse, the Cart and Their Proper Order in Sustainable Development. In Michalos A.C. (ed.). *Development of Quality of Life Theory and Its Instruments: The Selected Works of Alex C. Michalos*. Springer International Publishing, AG, 2017, pp. 175–184. DOI:10.1007/978-3-319-51149-8
25. Michalos A.C. Connecting the Quality of Life Theory to Health, Well-Being and Education. The Selected Works of Alex C. Michalos. University of Northern British Columbia. Prince George, BC, Canada, 2017. DOI:10.1007/978-3-319-51161-0
26. Noll H.H. Social Indicators and Quality of Life Research: Background, Achievements and Current Trends. In Genov N. (ed.). *Advances in Sociological Knowledge*. Wiesbaden, 2004. DOI:10.1007/978-3-663-09215-5_7
27. Ryff C.D., Singer B. The Contours of Positive Human Health. *Psychological Inquiry*, 1998, no. 9(1), pp. 1–28. DOI:10.1207/s15327965pli0901_1
28. Sirgy M.J. Integrative Models of Wellbeing. In Sirgy M.J. (Ed.). *The Psychology of Quality of Life. Wellbeing and Positive Mental Health*. Social Indicators Research Series, 2021, no. 83, pp. 681–710. Springer, Cham. DOI:10.1007/978-3-030-71888-6_29
29. Sirgy M.J. Materialism and Quality of Life. *Social Indicators Research*, 1998, no. 43, pp. 227–260. DOI:10.1023/A:1006820429653
30. Sirgy M.J. Handbook of Quality-of-Life Research: An Ethical Marketing Perspective. Springer, Dordrecht, 2001. DOI:10.1007/978-94-015-9837-8
31. Sirgy M.J. Philosophical Foundations, Definitions, and Measures of Wellbeing. In Sirgy M.J. (ed.). *The Psychology of Quality of Life. Wellbeing and Positive Mental Health*. Social Indicators Research Series, 2021, no. 83, pp. 5–35. Springer, Cham. DOI:10.1007/978-3-030-71888-6_1
32. Sirgy M.J. Positive balance: a hierarchical perspective of positive mental health. *Quality of Life Research*, 2019, no. 28(7), pp. 1921–1930. DOI:10.1007/s11136-019-02145-5
33. Sirgy M.J. The Psychology of Quality of Life: Hedonic Well-Being, Life Satisfaction, and Eudaimonia (2-nd ed.). Springer Netherlands, 2012. DOI:10.1007/978-94-007-4405-9
34. Sirgy M.J. The Theory of Positive Balance in Brief. In Sirgy M.J. (ed.). *Positive Balance*. Social Indicators Research Series. Springer, Cham, 2020, pp. 1–24. DOI:10.1007/978-3-030-40289-1
35. Sirgy M.J., Michalos A.C., Ferriss A.L., Easterlin R.A., Patrick D., Pavot W. The quality-of-life (QOL) research movement: Past, present, and future. *Social Indicators Research*, 2006, no. 76(3), pp. 343–466. DOI:10.1007/s11205-005-2877-8
36. Sirgy M.J., Rahtz D., Lee D.-J. Community quality-of-life indicators: Best cases. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2004. DOI:10.1007/978-1-4020-2202-9
37. Sirgy M.J., Samli A.C., Meadow H.L. The Interface between Quality of Life and Marketing: A Theoretical Framework. *Journal of Public Policy and Marketing*, 1982, no. 1(1), pp. 69–84. DOI:10.1177/074391568200100106
38. Tsai M.C. Social Indicators Movement and Human Agency: Comment on Land and Michalos. *Social Indicators Research*, 2018, no. 135(3), pp. 991–999. DOI:10.1007/s11205-017-1553-0
39. Veenhoven R. Quality-of-life research. In Bryant C.D., Peck D.L. (eds.). *21st Century Sociology: A Reference Handbook*. Vol. 2. Thousands Oaks, CA, USA: Sage, 2007, pp. 54–62. DOI:10.4135/9781412939645.n64
40. Veenhoven R. World database of happiness: Tool for dealing with the ‘Data-Deluge’. *Psychological Topics*, 2009, no. 18(2), pp. 221–246.
41. Veenhoven R. World database of happiness: Continuous register of research on subjective enjoyment of life. Rotterdam: Erasmus University Rotterdam, 2010. Available at: <http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl> (Accessed 01.08.2020).
42. Veenhoven R. Happiness, Also Known as “Life Satisfaction” and “Subjective Well-Being”. In Land K.C. et al. (eds.). *Handbook of Social Indicators and Quality of Life. Research*. Springer Science+Business Media B.V., 2012, pp. 63–77. DOI:10.1007/978-94-007-2421-1_9

43. Veenhoven R. Co-development of Happiness Research: Addition to “Fifty Years After the Social Indicator Movement”. *Social Indicators Research*, 2018, no. 135(3), pp. 1001–1007. DOI:10.1007/s11205-017-1554-z
44. Veenhoven R. Are the Russians as Unhappy as they say they are? *Journal of Happiness Studies*, 2001, no. 2, pp. 111–136. DOI:10.1023/A:1011587828593
45. Veenhoven R. Pioneer in Subjective Quality of Life Research: Willem Saris. *Applied Research Quality Life*, 2021, no. 16, pp. 1395–1397. DOI:10.1007/s11482-021-09949-z
46. Yu G.B., Lee D.J., Sirgy M.J. et al. Household Income, Satisfaction with Standard of Living, and Subjective Well-Being. The Moderating Role of Happiness Materialism. *Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being*, 2019, no. 2, pp. 1–22. DOI:10.1007/s10902-019-00202-x
47. Zumbo B.D., Alex C. Michalos: Pioneer of Quality of Life and Social Indicators Research. *Applied Research Quality Life*, 2014, no. 9(2), pp. 457–459. DOI:10.1007/s11482-013-9293-z

Информация об авторах

Лебедева Анна Александровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории сравнительных исследований качества жизни, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (ФГАОУ ВО ТГУ), г. Томск, Российская Федерация; доцент факультета социальных наук департамента психологии; старший научный сотрудник международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5919-5338>, e-mail: anna.alex.lebedeva@gmail.com

Леонтьев Дмитрий Алексеевич, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительных исследований качества жизни, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (ФГАОУ ВО ТГУ), г. Томск, Российская Федерация; заведующий международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации; профессор факультета социальных наук департамента психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>, e-mail: dmleont@gmail.com

Information about the authors

Anna A. Lebedeva, PhD (Psychology), Researcher, The Laboratory for Comparative Research in Quality of Life, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; Associate Professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology; Senior Researcher of International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5919-5338>, e-mail: anna.alex.lebedeva@gmail.com

Dmitry A. Leontiev, Doctor of Psychology, Leading Research Fellow, The Laboratory for Comparative Research in Quality of Life, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; Head of International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation; Professor of Faculty of Social Sciences, School of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>, e-mail: dmleont@gmail.com

Получена 26.10.2020

Принята в печать 18.10.2022

Received 26.10.2020

Accepted 18.10.2022

Воспринимаемая угроза и дискриминация как модераторы связи этнической идентичности и эффективности межкультурного взаимодействия иностранных студентов в России

Гриценко В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-3345-6789>, e-mail: gricenkovv@mgppu.ru

Шорохова В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5424-2350>, e-mail: shorohovava@mgppu.ru

Хухлаев О.Е.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Новикова И.А.

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (ФГАОУ ВО РУДН), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>, e-mail: novikova-ia@rudn.ru

Черная А.В.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5985-2126>, e-mail: avchernaya@sfedu.ru

Первушина И.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9172-3065>, e-mail: psyfactor@list.ru

Любитов И.Е.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9508-4347>, e-mail: lyubitov@yandex.ru

Цель. Определение условий, при которых сохранение этнической идентичности будет способствовать эффективности межкультурного взаимодействия иностранных студентов с принимающим российским населением.

Контекст и актуальность. В условиях роста как числа инокультурных студентов в Российской Федерации, так и интолерантного отношения принимающего сообщества к мигрантам увеличивается необходимость поиска психологических ресурсов инокультурных студентов для снижения стрессогенного воздействия новой культурной среды и налаживания эффективного взаимодействия с представителями принимающей культуры.

Дизайн исследования. В основу исследования положена авторская модель оценки и прогнозирования эффективности межкультурного взаимодействия, интегративно сочетающая в себе теорию управления беспокойством/неопределенностью У. Гудиканста, теорию межгрупповой угрозы У. и С. Стефанов и теорию неопределенности-идентичности М. Хогга. Определение вклада этнической идентичности в эффективность межкультурного взаимодействия иностранных студентов в России осуществлялось с помощью модерационного анализа с использованием статистического пакета SPSS 21.0 и его надстройки PROCESS тасро.

Участники. Иностранные студенты, обучающиеся в высших учебных заведениях Москвы, Волгограда, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Улан-Удэ, в количестве 340 человек (58,5% — женщины, средний возраст — 22,9 года).

Методы (инструменты). Шкалы для определения этнической идентичности, воспринимаемой угрозы и воспринимаемой дискриминации, разработанные Дж. Берри для проекта MIRIPS, в адаптации Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко, шкала воспринимаемой эффективности межкультурного общения У. Гудиканста и Т. Нишиды, модифицированная О.Е. Хухлаевым для самооценки иностранными студентами эффективности взаимодействия с российскими студентами.

Результаты. Выявлены эффекты взаимодействия этнической идентичности и самооценки эффективности межкультурной коммуникации с учетом модулирующего параметра — воспринимаемой угрозы и воспринимаемой дискриминации.

Основные выводы. Этническая идентичность выступает предиктором эффективности межкультурного взаимодействия только в условиях восприятия ситуации общения либо как существенно угрожающей (высокая степень воспринимаемой угрозы и средняя степень воспринимаемой дискриминации), либо как существенно дискриминирующей (высокая степень воспринимаемой дискриминации и средняя степень воспринимаемой угрозы), либо одновременно существенно и угрожающей, и дискриминирующей.

Ключевые слова: этническая идентичность, эффективность межкультурного взаимодействия, модель оценки и прогнозирования межкультурного взаимодействия, воспринимаемая угроза, воспринимаемая дискриминация, иностранные студенты, Россия.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-013-00892.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования магистра кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования М.А. Браткину.

Для цитаты: Гриценко В.В., Шорохова В.А., Хухлаев О.Е., Новикова И.А., Черная А.В., Первушина И.М., Любитов И.Е. Воспринимаемая угроза и дискриминация как модераторы связи этнической идентичности и эффективности межкультурного взаимодействия иностранных студентов в России // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 163–181. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130410>

Perceived Threat and Discrimination as Moderators of Ethnic Identity Connection and Effectiveness of Intercultural Interaction of International Students in Russia

Valentina V. Gritsenko

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-3345-6789>, e-mail: gricenkovv@mgppu.ru

Valeria A. Shorohova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5424-2350>, e-mail: shorohovava@mgppu.ru

Oleg E. Khukhlaev

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Irina A. Novikova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>, e-mail: novikova-ia@rudn.ru

Anna V. Chernaya

South Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5985-2126>, e-mail: avchernaya@sfedu.ru

Irina M. Pervushina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9172-3065>, e-mail: psyfactor@list.ru

Igor E. Liubotov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9508-4347>, e-mail: lyubotov@yandex.ru

Objective. *The determination of the conditions under which the preservation of ethnic identity will contribute to the effectiveness of intercultural interaction of international students with host Russian population.*

Background. *With the growth in both the number of foreign cultural students in the Russian Federation and the intolerant attitude of the host community towards migrants the need to search for psychological resources of foreign cultural students in order to reduce the stressful impact of the new cultural environment and to establish effective interaction with representatives of the host culture increases.*

Study design. *The research is based on the author's model for assessing and predicting the effectiveness of intercultural interaction, integratively combining Anxiety/Uncertainty Management theory by W. Gudykunst, the theory of Intergroup threat by W. Stephan & C. Stephan and Uncertainty-Identity theory by M. Hogg. The contribution of ethnic identity to the effectiveness of intercultural interaction of international students in Russia was determined with the help of moderation analysis using PROCESS macro add in package for SPSS Statistics 21.0.*

Participants. *International students studying at higher educational institutions in Moscow, Volgograd, Rostov-on-Don, St. Petersburg, Yekaterinburg, Ulan-Ude, 340 people (58,5% are women, the average age is 22,9 years).*

Measurements. *Scales for determining ethnic identity, perceived threat and perceived discrimination, developed by J. Berry for the MIRIPS project adapted by N.M. Lebedeva and A.N. Tatarko and the scale of perceived effectiveness of communication across relationships and cultures by W. Gudykunst and T. Nishida, modified by O.E. Khukhlaev for international students' self-assessment of the effectiveness of interaction with Russian students.*

Results. *The interaction effects of ethnic identity and self-assessment of intercultural communication effectiveness taking into account the moderating parameter (perceived threat and perceived discrimination) are revealed.*

Conclusions. *Ethnic identity acts as a predictor of intercultural interaction effectiveness only in the conditions of perceiving the communication situation as either significantly threatening (high degree of perceived threat and medium degree of perceived discrimination), or as significantly discriminating (high degree of perceived discrimination and medium degree of perceived threat), or both significantly and threatening, and discriminating.*

Keywords: *ethnic identity, effectiveness of intercultural interaction, model for assessment and forecasting intercultural interaction, perceived threat, perceived discrimination, international students, Russia.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 19-013-00892.

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in data collection Bratkina M.A.

For citation: Gritsenko V.V., Shorohova V.A., Khukhlaev O.E., Novikova I.A., Chernaya A.V., Pervushina I.M., Liubitov I.E. Perceived Threat and Discrimination as Moderators of Ethnic Identity Connection and Effectiveness of Intercultural Interaction of International Students in Russia. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 163–181. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130410> (In Russ.).

Введение

Россия является одной из самых востребованных стран для предоставления образовательных услуг иностранным гражданам. С каждым годом отмечается рост числа иностранных студентов, обучающихся в российских вузах. Так, согласно официальным данным, доля иностранных студентов в 2019/2020 учебном году составила примерно 8% (315 тысяч человек) от общей численности студентов в России [7].

Успех обучения, уровень профессиональной подготовки иностранных студентов в значительной степени зависят от их интеграции в социально-культурную жизнь принимающей среды. По мнению Ю. Кима (Y. Kim), автора модели межкультурной адаптации, широко применяемой для изучения интеграции инокультурных студентов, успешная адаптация индивида к новой этнокультурной среде возможна только в случае налаживания и поддержки устойчивых взаимных отношений с этой средой [24]. Иными словами, важная роль в успешности адаптации принадлежит межкультурному взаимодействию.

Для понимания механизмов достижения эффективности коммуникации в ситуации межкультурного общения О.Е. Хухлаевым с коллегами разработана авторская модель оценки и прогнозирования межкультурного взаимодействия [13; 14; 23], интегративно сочетающая в себе теорию управления беспокойством/

неопределенностью (ТУБН) У. Гудиканста [18], теорию межгрупповой угрозы У. и С. Стефанов [31] и теорию неопределенности-идентичности М. Хога [21; 22]. Согласно ТУБН У. Гудиканста, межкультурное взаимодействие нередко затруднено за счет испытываемых представителями разных культур в ситуации коммуникации состояний неопределенности, беспокойства/тревоги [18; 26].

Снижение неопределенности и беспокойства в данной ситуации происходит путем увеличения информации об индивиде как носителе другой культуры, что в итоге способствует адекватному прогнозу будущего общения. Иными словами, **под эффективностью межкультурного взаимодействия** понимается снижение уровня непонимания или повышение степени соответствия интерпретации человеком, принимающим информацию, первичного значения, которое вкладывал передающий информацию [18].

Как считает У. Гудиканст, связь между снижением неопределенности, беспокойства/тревоги и эффективностью межкультурного взаимодействия — не линейная. Оптимальная межкультурная коммуникация возможна в диапазоне между верхним и нижним порогами беспокойства и неопределенности или так называемыми «точками катастрофы» [18; 19]. При превышении верхнего порога беспокойства и неопределенности ситуация общения сопровождается тревогой/страхом, неуверенностью, неспо-

собностью сосредоточиться на самом процессе общения, что приводит к негативным последствиям межкультурной коммуникации. При понижении нижнего порога беспокойства и неопределенности ситуация коммуникации характеризуется сверхуверенностью партнеров по общению при их интерпретациях поведения друг друга, возможными ошибками атрибуции, что также не способствует эффективности межкультурного взаимодействия.

Пониманию феномена беспокойства/тревоги как фактора неэффективного межкультурного взаимодействия способствует также теория межгрупповой угрозы У. и С. Стефанов [31]. Согласно данной концепции, если индивиды испытывают высокий уровень межгрупповой тревоги, то в ходе общения они руководствуются негативными стереотипами и предубеждениями относительно членов аутгруппы [29], что, естественно, приводит к разрушению межкультурного общения.

Отметим, что ограничением ТУБН для объяснения механизмов управления межкультурной коммуникацией являются сосредоточенность ее на самом процессе коммуникации и игнорирование отношения личности к ситуации неопределенности. Для преодоления ограниченности коммуникативистской модели У. Гудиканста необходимо обратиться к теории неопределенности-идентичности М. Хогга [21; 22], рассматривающей неопределенность с социально-психологических позиций. По мнению М. Хогга, неопределенность — это одна из фундаментальных мотиваций, побуждающих человека идентифицировать себя с социальными группами [22]. Благодаря принадлежности к той или иной социальной группе индивид приобретает определенные ориентиры для самоопределения, понимания себя и своего места в мире, определенную направленность

своих мыслей и чувств. Однако не каждая социальная группа способна эффективно снижать «неопределенность в Я», а только та, которая имеет четко очерченные границы, позволяющие ее отделить от других групп, которая внутренне однородна, имеет общую цель и общность судьбы [17]. Именно отождествляя себя с такой группой, индивид приобретает более понятную и характерную идентичность, что, в свою очередь, позволяет снизить «неопределенность в Я». Формирование идентичности с этнической или национальной группой способствует выстраиванию более устойчивого и целостного образа «Я» в сознании человека. Чувство принадлежности к этнической общности может служить опорой для самооценки человека, а ощущение непрерывности процессов развития этнической группы — способствовать развитию непрерывности сознания «Я» [16; 30].

В условиях интенсификации межэтнических контактов, как отмечают исследователи, такой целостной и внутренне однородной группой для современного человека, как правило, выступает этнос. Идентифицируя себя с представителями той или иной этнической группы, обращаясь к ее относительно стабильным ценностям, индивид ищет в них ориентиры, поддержку и определенность [3]. По мнению известного российского этнопсихолога, «этническая идентичность — это осознание, восприятие, эмоциональное оценивание, переживание своей принадлежности к этнической общности» [10, с. 6]. Межэтническое и межкультурное общение актуализирует «этническую идентичность, так как только через сравнение можно наиболее четко воспринять свою “русскость”, “еврейство” и т.п. как нечто особое» [9, с. 22].

Этническая идентичность выполняет важную функцию в процессе межкультурного общения. Известно, что благо-

приятное отношение к собственной этнической принадлежности сопровождается толерантным отношением к другим этническим группам [6]; позитивность этнической идентичности мигрантов препятствует выбору ими таких стратегий аккультурации, как ассимиляция, сепарация, маргинализация [5].

Этническая идентичность приобретает особую ценность и для иностранных студентов, влияя на их выбор той или иной стратегии межкультурного взаимодействия. Так, выявлено, что с целью сохранить позитивное отношение к своей этнической принадлежности китайские студенты выбирают в основном два типа стратегий взаимодействия с принимающим российским населением: интеграцию или сепарацию [1]. Японские ученые, исследуя эффективность межкультурного взаимодействия азиатских студентов с японцами, также обнаружили, что дружба с японцами и позитивный опыт иностранных студентов, связанный с их этнической принадлежностью, положительно повлияли на их отношение к японцам (через фактор уважения японцев к их этнической принадлежности). Неприятные переживания, связанные с этнической принадлежностью, оказали прямое негативное влияние на отношение иностранных студентов к японцам [36]. Важность отсутствия дискриминации со стороны принимающего населения при выборе иностранными студентами интегративной стратегии адаптации показана и в другом исследовании [37].

Итак, опираясь на интегративную модель оценки и прогнозирования межкультурного взаимодействия, мы можем сказать, что управление тревогой и неопределенностью является механизмом достижения эффективности межкультурного взаимодействия. В свою очередь, идентификация с этносом как целостной

стабильной и внутренне однородной группой способна снизить «неопределенность в Я» и тем самым способствовать эффективности межкультурного общения. Однако, как было показано выше, стремление к сохранению этнической идентичности может определять выбор иностранными студентами как эффективных (интеграция), так и неэффективных (сепарация) стратегий межкультурного взаимодействия. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена наличием противоречия между осознанием важности актуализации этнической идентичности при выборе иностранными студентами стратегий межкультурного взаимодействия и недостаточной изученностью условий, при которых актуализация этнической идентичности будет способствовать их эффективному взаимодействию с принимающим населением, в частности таких, как воспринимаемая угроза и дискриминация. Разрешение данного противоречия определило проблему исследования: необходимость изучения этнической идентичности как предиктора эффективности межкультурного взаимодействия в условиях восприятия ситуации общения как угрожающей и дискриминирующей.

Для определения характера взаимосвязи между этнической идентичностью и эффективностью межкультурного взаимодействия мы сформулировали следующую основную гипотезу: существует позитивная взаимосвязь между этнической идентичностью и эффективностью межкультурного взаимодействия у иностранных студентов в России. Данная взаимосвязь будет опосредована 2 модераторами — воспринимаемой дискриминацией и воспринимаемой угрозой.

Для дальнейшей работы и конкретизации основную гипотезу представлялось возможным разбить на 2 гипотезы.

Гипотеза 1. Существует позитивная связь между этнической идентичностью и эффективностью межкультурного взаимодействия у иностранных студентов в России, которая будет проявляться в ситуации, воспринимаемой как дискриминирующая. При этом этническая идентичность выступает предиктором эффективности межкультурного взаимодействия, а воспринимаемая дискриминация — модератором.

Гипотеза 2. Позитивная связь между этнической идентичностью и эффективностью межкультурного взаимодействия у иностранных студентов в России может достоверно проявиться в ситуации воспринимаемой угрозы. При этом этническая идентичность выступает предиктором эффективности межкультурного взаимодействия, а воспринимаемая угроза — модератором.

Метод

Схема проведения исследования.

Исследование проводилось в онлайн-режиме на платформе survio.com (<https://www.survio.com/survey/d/fs>) в апреле—июне 2021 года.

Выборка исследования. В выборку нашего исследования вошли иностранные студенты, обучающиеся в высших учебных заведениях Москвы, Волгограда, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Улан-Удэ, в количестве 340 человек (199 человек (58,5%) — женщины) в возрасте от 17 до 35 лет, средний возраст — 22,9 года. Большая часть относилась к туркменам (42,8%), китайцам (14,7%) и монголам (6,5%). Оставшиеся 36,0% идентифицировали себя как азербайджанцы, вьетнамцы, узбеки, таджики и носители смешанной идентичности. 62,7% респондентов идентифицировали себя как мусульмане, 12,9% — как христи-

ане и 24,4% — как буддисты. Основные направления обучения респондентов — это общественные науки (55,6%), из которых 31,5% обучаются по направлению «Педагогика»; гуманитарные науки (25,9%), из которых 25,3% обучаются по направлениям «Филология» и «Лингвистика», а также естественные науки (10,9%); сельскохозяйственные, медицинские и технические науки (7,4%). В исследовании участвовали иностранные студенты, которые по оценкам работающих с ними преподавателей имели достаточный для понимания утверждений анкеты уровень владения русским языком.

Методы исследования. 1. Для определения *этнической идентичности* использовалась шкала, разработанная Дж. Берри для проекта MIRIPS, в адаптации Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко [11], состоящая из 4-х утверждений. Примеры утверждений: «Я считаю себя представителем своей национальности», «Я горжусь тем, что я представитель своей национальности». Респонденты оценивали степень своего согласия/несогласия с каждым утверждением по 5-балльной шкале: от 1 — «абсолютно не согласен» до 5 — «абсолютно согласен».

2. **Воспринимаемая угроза** оценивалась с помощью 6 вопросов из шкалы по воспринимаемой безопасности опросника MIRIPS Дж. Берри, ранее адаптированной в России [11], которая была перекодирована в шкалу воспринимаемой угрозы [8]. Примеры утверждений: «Безопасности людей моей национальности, живущих в России, ничего не угрожает», «Привычному образу жизни людей моей национальности, живущих в России, ничего не мешает». Респондентам предлагалось оценить свое согласие с утверждениями от 1 балла — «полностью не согласен» до 5 баллов — «полностью согласен». Следует отметить, что шкала является

обратной и с ее помощью представляется возможным сделать вывод о высоком (низкий показатель) либо низком (высокий показатель) уровне воспринимаемой символической (т.е. угрозе нормам и ценностям ингруппы) и реальной (экономической самостоятельности и безопасности ингруппы) угрозы от аутгруппы.

3. *Воспринимаемая дискриминация.*

Данная шкала также разработана в рамках исследовательского проекта MIRIPS, адаптирована научным коллективом под руководством Н.М. Лебедевой и А.Н. Таттарко и предназначена для оценки того, насколько члены этнических меньшинств ощущают себя несправедливо притесняемыми со стороны большинства [11]. Шкала содержит 5 утверждений (например, «Я считаю, что россияне ведут себя несправедливо и недоброжелательно по отношению к иностранцам», «Я чувствую, что россияне что-то имеют против меня»). Каждое из утверждений необходимо оценить по шкале Лайкерта от 1 балла (полностью не согласен) до 5 баллов (полностью согласен).

4. *Эффективность межкультурного взаимодействия* была измерена посредством шкалы воспринимаемой эффективности межкультурного общения, предложенной У. Гудиканстом и Т. Нишидой [19], модифицированной О. Хухлаевым для оценки общения иностранных студентов с российскими студентами [12]. Методика состоит из 8 утверждений. Примеры утверждений: «Мое общение с россиянами успешно», «Я могу справиться с большинством трудностей, возникающих в общении с россиянами». Респондентам предлагалось оценить свое согласие с утверждениями от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен».

Математико-статистическая обработка результатов проводилась при по-

мощи статистического пакета SPSS 21.0 и его надстройки PROCESS macro, применяющейся для выявления основанных на регрессиях медиационных и модерационных связей между переменными. Перед обработкой все данные были стандартизированы согласно А. Хейзу [20]. Для оценки надежности и согласованности шкал использовался показатель надежности α Кронбаха.

Результаты

Базовой задачей данного исследования являлась проверка сформулированных нами гипотез, отражающих особенности отношений между самооценкой эффективности межкультурной коммуникации и этнической идентичностью в ситуации, воспринимаемой респондентами как дискриминирующая и угрожающая.

В качестве контролируемых переменных выступали пол, возраст и год обучения респондентов.

В таблице отражены психометрические характеристики методик. Как видим, коэффициент Кронбаха говорит о достаточно высокой надежности всех шкал. Все корреляции между параметрами являются значимыми.

Для уточнения характера данных взаимосвязей и проверки выдвинутых гипотез нами была выстроена и проверена модель, отражающая особенности взаимосвязи между этнической идентичностью, воспринимаемой угрозой, воспринимаемой дискриминацией и самооценкой эффективности межкультурного взаимодействия. Данные особенности для наглядности представлены в виде концептуальной модели на рис. 1.

Для проверки основной гипотезы была выстроена статистическая модель, в которой этническая идентичность являлась предиктором, а самооценка эффективности межкультурной коммуникации — за-

Таблица

Описательные статистики и корреляции между показателями исследования

Шкалы методик	M	SD	α	2	3	4
1. Этническая идентичность	4,11	0,94	0,87	0,49***	-0,26***	0,34***
2. Воспринимаемая угроза	3,68	0,79	0,86		-0,32***	0,52***
3. Воспринимаемая дискриминация	2,23	0,90	0,85			-0,36***
4. Самооценка эффективности межкультурной коммуникации с российскими студентами	3,65	0,74	0,86			

Примечание. *** – $p \leq 0,001$, корреляции значимы.

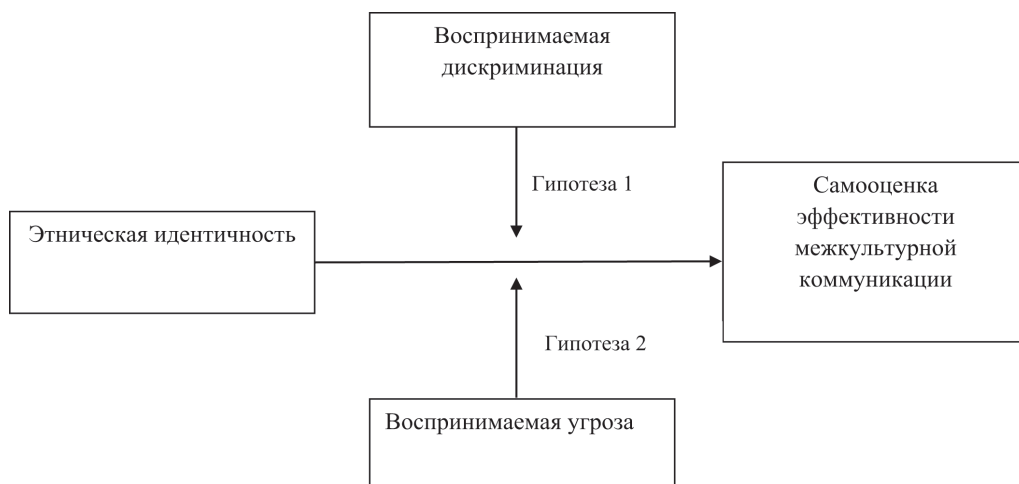

Рис. 1. Концептуальная модель взаимосвязей между этнической идентичностью, воспринимаемой угрозой, воспринимаемой дискриминацией и самооценкой эффективности межкультурного взаимодействия

висимой переменной. Воспринимаемая угроза и воспринимаемая дискриминация выступили в качестве модераторов. Данная статистическая модель является значимой: $R=0,60$; $R^2=0,36$; $F=26,01$; $p \leq 0,001$. Таким образом, основная гипотеза подтвердилась: в ситуации наличия воспринимаемой угрозы и воспринимаемой дискриминации этническая идентичность выступает в роли предиктора самооценки эффективности межкультурной коммуникации.

Следует отметить, что в рамках данной модели прямая связь между этнической идентичностью (предиктор) и само-

оценкой эффективности межкультурной коммуникации (зависимая переменная) не является значимой: $\beta=0,06$ (95% CI $[-0,03, 0,14]$), $SE=0,04$; $p \leq 0,201$. Однако если рассматривать данную связь с учетом модулирующих параметров, то она (связь) становится значимой. А именно:

– в ситуации наличия воспринимаемой дискриминации (гипотеза 1): $\beta=0,13$ (95% CI $[0,04, 0,21]$), $SE=0,04$; $p \leq 0,003$ (interaction effect).

– в ситуации наличия воспринимаемой угрозы (гипотеза 2): $\beta=0,09$ (95% CI $[0,01, 0,18]$), $SE=0,04$; $p \leq 0,05$ (interaction effect).

Если же мы учитываем оба модулирующих параметра одновременно, то значимость модели, описывающей связь между этнической идентичностью и самооценкой эффективности межкультурной коммуникации, возрастает:

— при воздействии только воспринимаемой угрозы: $R^2\text{-chng}=0,01$; $F=5,16$; $p\leq 0,02$;

— при воздействии только воспринимаемой дискриминации: $R^2\text{-chng}=0,02$; $F=8,78$; $p\leq 0,003$;

— в ситуации присутствия одновременно обоих модераторов (воспринимаемой угрозы и воспринимаемой дискриминации): $R^2\text{-chng}=0,03$; $F=7,82$; $p\leq 0,001$.

Таким образом, этническая идентичность выступает в роли предиктора самооценки эффективности межкультурной коммуникации в ситуации, воспринимаемой как дискриминирующая (модератор) и характеризуемой наличием воспринимаемой символической/реальной угрозы (модератор).

Для более наглядного понимания эффекта взаимодействия этнической идентичности и самооценки эффективности межкультурной коммуникации при более низких, средних и высоких значениях (± 1 SD) модераторов, т.е. воспринимаемой угрозы и воспринимаемой дискриминации, был построен график, представленный на рис. 2. Обращаем внимание, что параметр «Воспринимаемая угроза» является обратной переменной.

Следует отметить, что в связи с особенностями надстройки PROCESS тасго график, отражающий взаимосвязи с двумя модераторами, представляется возможным построить только если один из модераторов (в данном случае — высокий, средний и низкий уровни воспринимаемой дискриминации) будет визуально выступать в качестве некоторого «пространства», в котором отображаются взаимосвязи. Данный эффект проявляется только визуально и не вли-

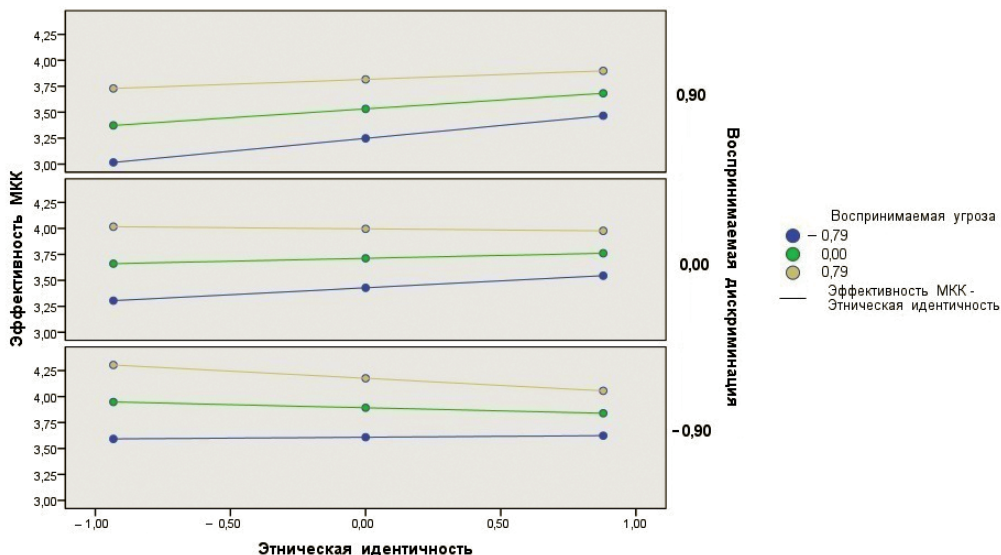

Рис. 2. Эффект взаимодействия этнической идентичности и самооценки эффективности межкультурной коммуникации (МКК) в условиях воспринимаемой угрозы и воспринимаемой дискриминации

яет на значимость того или иного модератора либо характер взаимосвязей. При описании результатов мы предлагаем двигаться снизу вверх: от более низких показателей воспринимаемой дискриминации — к более высоким.

В нижнем поле представлена взаимосвязь между этнической идентичностью и самооценкой эффективности межкультурной коммуникации в условиях воспринимаемой угрозы (низкой, средней и высокой) и низкой воспринимаемой дискриминации. На данном этапе достоверных взаимосвязей не обнаружено.

В среднем поле представлена взаимосвязь между этнической идентичностью и самооценкой эффективности межкультурной коммуникации в условиях воспринимаемой угрозы (низкой, средней и высокой) и средней воспринимаемой дискриминации. Данная связь достоверно присутствует только в ситуации высокой воспринимаемой угрозы и средней воспринимаемой дискриминации ($\beta=0,13$ (95% CI [0,04; 0,22]), $SE=0,05$; $p\leq 0,005$).

И, наконец, в верхнем поле отображена взаимосвязь между этнической идентичностью и самооценкой эффективности межкультурной коммуникации в условиях воспринимаемой угрозы (низкой, средней и высокой) и высокой воспринимаемой дискриминации. Были обнаружены значимые связи: а) в ситуации средней воспринимаемой угрозы и высокой воспринимаемой дискриминации ($\beta=0,17$ (95% CI [0,05; 0,29]), $SE=0,06$; $p\leq 0,004$) и б) высоких показателей обоих модераторов: воспринимаемой угрозы и воспринимаемой дискриминации ($\beta=0,25$ (95% CI [0,13; 0,36]), $SE=0,06$; $p\leq 0,001$).

Обсуждение результатов

Полученная в нашем исследовании прямая связь между степенью выражен-

ности этнической идентичности как независимой переменной и самооценкой эффективности межкультурного взаимодействия как зависимой переменной оказалась незначимой, что говорит о сложном и неоднозначном характере связи между данными психологическими феноменами.

Данная связь между этнической идентичностью и эффективностью межкультурного взаимодействия становится статистически значимой в ситуациях, характеризующихся высокими показателями одного из модераторов и средними показателями другого. А именно — при высоком уровне воспринимаемой угрозы и среднем уровне воспринимаемой дискриминации либо при среднем уровне воспринимаемой угрозы и высоком уровне воспринимаемой дискриминации. Кроме того, этническая идентичность будет играть важную роль при самооценке эффективности межкультурного взаимодействия в том случае, если иностранный студент окажется в ситуации одновременно высокой воспринимаемой угрозы и высокой воспринимаемой дискриминации.

Это означает, что в ситуации, воспринимаемой иностранными студентами как угрожающей мировоззрению (ценностям, верованиям, нормам, стандартам, установкам) их группы, повышение степени выраженности их этнической идентичности сопровождается **повышением** успешности общения иностранных студентов с россиянами. Кроме того, в ситуации, воспринимаемой иностранными студентами как ущемляющей их права, или в ситуации негативного к ним отношения со стороны принимающего населения повышение степени выраженности их этнической идентичности также сопровождается **повышением** успешности общения иностранных студентов с россиянами.

В совокупности это подтверждает гипотезу нашего исследования.

С позиции параметра воспринимаемой угрозы пояснить наличие данной связи можно следующим образом. Иностранные студенты, особенно те, которые имеют большую культурную дистанцию с представителями российской культуры, могут восприниматься российским студенчеством как конкуренты [15] или представлять некую культурную угрозу для принимающей группы [28; 32]. В ситуации блокирования (или восприятия ее таковой) ценностей, верований, традиций инокультурных студентов со стороны принимающего населения актуализируется их этническая идентичность [27]. Во-первых, сохранение в данной ситуации своей этнической идентичности становится для исследуемых нами иностранных студентов буфером для снижения стрессогенного воздействия новой культурной среды. Это подтверждается исследованиями связи психологического здоровья и миграции, согласно которым стремление мигрантов к поддержанию своей культурной самобытности, тесные связи с соотечественниками существенно снижают стресс, связанный с миграцией [33; 35]. Во-вторых, выраженность этнической идентичности иностранных студентов является ресурсом для налаживания эффективного взаимодействия с представителями принимающей культуры, что согласуется с данными исследований, свидетельствующими о наличии тесной связи установок на сохранение инокультурными мигрантами своей этнической идентичности с интеграционными установками [2; 34].

С позиции воспринимаемой дискриминации интерпретация наличия данной связи в основе своей содержит рассуждения, сходные с объяснением ее в ситуации угрозы. Переживая дискриминаци-

онное отношение или воспринимая его таковым, иностранные студенты вынуждены справляться с этими переживаниями, что приводит к актуализации этнической идентичности [25].

Благодаря отождествлению себя с этнической группой индивид получает важный ресурс как для укрепления собственной системы жизненных ценностей и личностных смыслов, так и для подтверждения собственной значимости и ценности своего «Я» [30]. Кроме того, выстраивая идентичность с определенной социальной группой, человек приобретает ощущение контроля над своей жизнью и социальным окружением [16], что, в свою очередь, оказывается значимым ресурсом для выстраивания эффективного межкультурного взаимодействия в ситуациях, связанных с высокой угрозой или дискриминацией.

Одновременно со стремлением к позитивному этническому самоощущению, повышению престижа и статуса своей этнической группы иностранные студенты проявляют готовность к межгрупповому контакту с российскими студентами, тем самым реализуя наиболее эффективный тип межкультурного взаимодействия — интеграцию, что согласуется с данными предыдущих исследований [2; 4; 5].

Таким образом, этническая идентичность выступает в качестве предиктора самооценки эффективности межкультурной коммуникации только в ситуациях, характеризующихся наличием высоких показателей одного либо сразу обоих модераторов. А именно — среднего уровня воспринимаемой дискриминации при условии высокой воспринимаемой угрозы либо, наоборот, среднего уровня воспринимаемой угрозы при наличии высокого уровня воспринимаемой дискриминации. В ситуациях, воспринимаемых как высоко дискриминирующие и

характеризующихся наличием высокой воспринимаемой символической/реальной угрозы, взаимосвязь между этнической идентичностью и самооценкой эффективности межкультурной коммуникации будет наиболее высоко значимой. Таким образом, основная гипотеза и гипотезы 1 и 2 подтвердились.

Заключение

На основе анализа результатов исследования раскрыт характер связи этнической идентичности с эффективностью межкультурного взаимодействия у иностранных студентов, обучающихся в российских вузах. Выявлено, что этническая идентичность выступает предиктором эффективности межкультурного взаимодействия только в условиях восприятия ситуации общения либо как существенно угрожающей (высокая степень воспринимаемой угрозы и средняя степень воспринимаемой дискриминации), либо как существенно дискриминирующей (высокая степень воспринимаемой дискриминации и средняя степень воспринимаемой угрозы), либо одновременно существенно и угрожающей, и дискриминирующей. Иными словами, различные соотношения средней и высокой степени воспринимаемой угрозы и воспринимаемой дискриминации выступают условиями данной связи.

Полученные данные демонстрируют вклад этнической идентичности в налаживание плодотворных отношений между инокультурными студентами и принимающим российским населением. Тем самым результаты исследования могут быть использованы для прогноза успешности адаптации иностранных студентов в новой культуре, предупреждения возможных рисков их дезадаптивного поведения и разработки мер адекватного психологического сопровождения, особенно на первых порах пребывания их в Российской Федерации.

Исследование имеет **ряд ограничений**. Во-первых, выборка исследования не в полной мере соответствует генеральной совокупности иностранных студентов в России по такому критерию, как этническая принадлежность. Во-вторых, в исследовании не учитывались длительность пребывания иностранных студентов в Российской Федерации, степень близости/далекости культуры выхода студентов к российской культуре, степень межкультурной толерантности принимающего общества и другие параметры контекста обучения иностранных студентов в российских вузах, что могло бы стать перспективным направлением будущих исследований межкультурного взаимодействия иностранных и российских студентов.

Литература

1. Воеводин И.В., Пешковская А.Г., Галкин С.А., Белокрылов И.И. Социальная адаптация и психическое здоровье студентов-мигрантов в Сибири // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 157–161. DOI:10.31857/S013216250010306-9
2. Галятина В.Н., Хожиев Ж.Ж. Роль идентичности, этнических стереотипов и стратегий аккультурации в адаптации мигрантов из Средней Азии в Московском регионе // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 4. С. 15–27. DOI:10.17759/chp.2017130402
3. Грищенко В.В., Остапенко Л.В., Субботина И.А. Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 165–181. DOI:10.17759/sps.2020110412

4. Гриценко В.В., Хухлаев О.Е., Зинурова Р.И., Константинов В.В., Кулеш Е.В., Малышев И.В., Новикова И.А., Черная А.В. Межкультурная компетентность как предиктор адаптации иностранных студентов // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 1. С. 102–112. DOI:10.17759/chp.2021170114
5. Ефремова М.В. Влияние этнической и гражданской идентичности на адаптацию инокультурных мигрантов в Москве и Ставропольском крае // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сб. научн. ст. / Под ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. С. 227–254.
6. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ, 1999. 223 с.
7. Рекордное количество иностранных студентов выбрали Россию в 2020 году [Электронный ресурс] // Study in Russia. Официальный сайт о высшем образовании в России для иностранных студентов URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/rekordnoe-kolichestvo-inostrannykh-studentov-vybrali-rossiyu-v-2020-godu/> (дата обращения: 18.11.2021).
8. Родионов Г.Я. Взаимосвязь социального капитала и аккультурационных ожиданий эстонцев в Эстонии: воспринимаемая угроза как медиатор // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 74–82. DOI:10.17759/chp.2021170408
9. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. 368 с.
10. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2006. 208 с.
11. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сб. научн. ст. / Под ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.
12. Хухлаев О.Е., Браткина М.А. Тревога и неопределенность в межкультурном взаимодействии: экспериментальное исследование // Российский психологический журнал. 2021. Т. 18. № 4. С. 78–90. DOI:10.21702/rpj.2021.4.6
13. Хухлаев О.Е. Интегративная социально-психологическая модель оценки и прогнозирования эффективности межкультурного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 26–41. DOI:10.17759/sps.2020110403
14. Хухлаев О.Е., Гриценко В.В., Дагбаева Б.С., Константинов В.В., Корниенко Т.В., Кулеш Е.В., Тудупова Т.Ц. Межкультурная компетентность и эффективность межкультурного взаимодействия // Экспериментальная психология. 2022. Том 15. № 1. С. 88–102. DOI:10.17759/expsy.2022150106
15. Bobo L., Hutchings V.L. Perceptions of racial group competition: Extending Blumer's theory of group position to a multiracial social context // American Sociological Review. 1996. Vol. 61. P. 951–972. DOI:10.2307/2096302
16. Easterbrook M., Vignoles V.L. Different groups, different motives: identity motives underlying changes in identification with novel groups // Personality and Social Psychology Bulletin. 2012. Vol. 38. № 8. P. 1066–1080. DOI:10.1177/0146167212444614
17. English A.S., Zhang R. Coping with perceived discrimination: A longitudinal study of sojourners in China // Current Psychology. 2020. Vol. 39. № 3. P. 854–869. DOI:10.1007/s12144-019-00253-6
18. Gudykunst W.B. Toward a theory of effective interpersonal and intergroup communication: An anxiety/uncertainty management perspective // Intercultural communication competence / In R.L. Wiseman, J. Koester (eds.). Newbury Park, CA: Sage, 1993. P. 33–71.
19. Gudykunst W.B., Nishida T. Anxiety, uncertainty, and perceived effectiveness of communication across relationships and cultures // International Journal of Intercultural Relations. 2001. Vol. 25. № 1. P. 55–71. DOI:10.1016/S0147-1767(00)00042-06
20. Hayes A.F. Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis. The Guilford Press, 2018. 697 с.

21. *Hogg M.A.* Subjective uncertainty reduction through self-categorization: A motivational theory of social identity processes // *European Review of Social Psychology*. 2000. Vol. 11. P. 223–255. DOI:10.1080/14792772043000040
22. *Hogg M.A.* Uncertainty-identity theory // *Handbook of theories of social psychology* / In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). Thousand Oaks, CA: SAGE, 2012. Vol. 2. P. 62–80.
23. *Khukhlaev O.E., Gritsenko V.V., Pavlova O.S., Tkachenko N.V., Usobian S.A., Shorokhova V.A.* Comprehensive Model of Intercultural Competence: Theoretical Substantiation // *RUDN Journ. of Psychology and Pedagogics*. 2020. Vol. 1. № 17. P. 13–28. DOI:10.22363/2313-1683-2020-17-1-13-28
24. *Kim Y.Y.* Adapting to a new culture: An integrative communication theory // *Theorizing about intercultural communication* / In W.B. Gudykunst (ed.). Thousand Oaks, CA: SAGE, 2005. P. 375–400.
25. *Meca A., Gonzales-Backen M., Davis R., Rodil J., Soto D., Unger J.B.* Discrimination and ethnic identity: Establishing directionality among Latino/a youth // *Developmental Psychology*. 2020. Vol. 56. № 5. P. 982–992. DOI:10.1037/dev0000908
26. *Meng Q., Li A., Zhang H.* How can offline and online contact predict intercultural communication effectiveness? Findings from domestic and international students in China // *International Journal of Intercultural Relations*. 2022. Vol. 89. P. 63–78. DOI:10.1016/j.ijintrel.2022.05.007
27. *Portes A., Rumbaut R.G.* *Immigrant America: A Portrait*. (3rd ed). Berkeley, CA: University of California Press. 2006. 460 p.
28. *Raijman R., Semyonov M.* Perceived threat and exclusionary attitudes towards foreign workers in Israel // *Ethnic and Racial Studies*. 2004. Vol. 27. № 5. P. 780–799. DOI:10.1080/0141987042000246345
29. *Rupar M., Graf S.* Different forms of intergroup contact with former adversary are linked to distinct reconciliatory acts through symbolic and realistic threat // *Journal of Applied Social Psychology*. 2019. Vol. 49. № 2. P. 63–74. DOI:10.1111/jasp.12565
30. *Smeeke A., Verkuyten M.* The presence of the past: Identity continuity and group dynamics // *European Review of Social Psychology*. 2015. Vol. 26. № 1. P. 162–202. DOI:10.1080/10463283.2015.1112653
31. *Stephan W., Stephan C.* Reducing intercultural anxiety through intercultural contact // *International Journal of Intercultural Relations*. 1992. Vol. 16. P. 89–106.
32. *Tran L.T.* 'I am really expecting people to judge me by my skills': ethnicity and identity of international students // *Journal of Vocational Education and Training*. 2017. Vol. 69. № 3. P. 390–404. DOI:10.1080/13636820.2016.1275033
33. *Vega W., Kolody B., Valle R., Weir J.* Social networks, social support and their relationship to depression among immigrant Mexican women // *Human Organization*. 1991. Vol. 50. P. 154–162. DOI:10.17730/humo.50.2.p340266397214724
34. *Verkuyten M.* Assimilation ideology and situational well-being among ethnic minority members // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. Vol. 46. № 2. P. 269–275. DOI:10.1016/j.jesp.2009.11.007
35. *Ward C., Kennedy A.* Psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions: A comparison of secondary students overseas and at home // *International Journal of Psychology*. 1993. Vol. 28. P. 129–147. DOI:10.1080/00207599308247181
36. *Yamazaki M., Taira N., Nakamura S.-Y., Yokoyama T.* The role of ethnicity in the development of the asian students' attitudes toward Japanese and other cultures // *Japanese Journal of Educational Psychology*. 1997. Vol. 45. № 2. P. 119–128. DOI:10.5926/jjep1953.45.2_119
37. *Yang F., He Y., Xia Z.* The effect of perceived discrimination on cross-cultural adaptation of international students: moderating roles of autonomous orientation and integration strategy // *Curr Psychol*. 2022. DOI:10.1007/s12144-022-03106-x

References

1. Voevodin I.V., Peshkovskaya A.G., Galkin S.A., Belokrylov I.I. Sotsial'naya adaptatsiya i psikhicheskoe zdorov'e studentov-migrantov v Sibiri [Social adaptation and mental health of migrant students in Siberia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*, 2020. Vol. 11, pp. 157–161. DOI:10.31857/S013216250010306-9 (In Russ.).
2. Galyapina V.N., Khojiev J.J. Rol' identichnosti, etnicheskikh stereotipov i strategii akkul'turatsii v adaptatsii migrantov iz Srednei Azii v Moskovskom regione [The Role of Identity, Ethnic Stereotypes and Acculturation Strategies in the Adaptation of Migrants from Central Asia in the Moscow Region]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2017. Vol. 13, no. 4, pp. 15–27. DOI:10.17759/chp.2017130402 (In Russ.).
3. Gritsenko V.V., Ostapenko L.V., Subbotina I.A. Znachimost' grazhdanskoi, etnicheskoi i regional'noi identichnosti dlya zhitelei mal'kh rossiiskikh gorodov i ee determinanty [Ethnic and Regional Identity for Residents from Small Russian Towns and its Determinants]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 165–181. DOI:10.17759/sps.2020110412 (In Russ.).
4. Gritsenko V.V., Khukhlaev O.E., Zinurova R.I., Konstantinov V.V., Kulesh E.V., Malyshev I.V., Novikova I.A., Chernaya A.V. Mezhkul'turnaya kompetentnost' kak prediktor adaptatsii inostrannykh studentov [Intercultural Competence as a Predictor of Adaptation of Foreign Students]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 1, pp. 103–112. DOI:10.17759/chp.2021170114
5. Efremova M.V. Vliyaniye etnicheskoi i grazhdanskoi identichnosti na adaptatsiyu inokul'turnykh migrantov v Moskve i Stavropol'skom krae [The influence of ethnic and civil identity on the adaptation of foreign cultural migrants in Moscow and the Stavropol Territory]. *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviya migrantov i naseleniya Rossii [Strategies for intercultural interaction between migrants and the population of Russia]*: sb. nauchn. st. In N.M. Lebedeva, A.N. Tatarko (eds.). Moscow: Publ. RUDN, 2009, pp. 227–254. (In Russ.).
6. Lebedeva N.M. Vvedeniye v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psikhologiyu [Introduction to Ethnic and Cross-Cultural Psychology]. Moscow: Publ. Klyuch, 1999. 223 p. (In Russ.).
7. Rekordnoye kolichestvo inostrannykh studentov vybrali Rossiyu v 2020 godu [Record number of international students chose Russia in 2020]. *Study in Russia. Ofitsial'nyi sait o vysshem obrazovanii v Rossii dlya inostrannykh studentov [Study in Russia. Official website about higher education in Russia for international students]*. Available at: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/rekordnoe-kolichestvo-inostrannykh-studentov-vybrali-rossiyu-v-2020-godu/> (Accessed 18.11.2021). (In Russ.).
8. Rodionov G.Y. Vzaimosvyaz' sotsial'nogo kapitala i akkul'turatsionnykh ozhidaniy estontsev v Estonii: vosprinimaemaya ugroza kak mediator [The Relationship Between Social Capital and Acculturation Expectations of Estonians in Estonia: Perceived Threat as a Mediator]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 74–82. DOI:10.17759/chp.2021170408 (In Russ., Engl.).
9. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya: Uchebnik dlya vuzov 3-e izd., ispr. i dop. [Ethnopsychology. Textbook for universities. 3rd edition, revised and enlarged]. Moscow: Aspekt Press, 2003. 368 p. (In Russ.).
10. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya: Uchebnoye posobie dlya studentov vuzov [Ethnopsychology: A textbook for university students]. Moscow: Aspekt Press, 2006. 208 p. (In Russ.).
11. Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviya migrantov i naseleniya Rossii [Strategies for intercultural interaction between migrants and the population of Russia]: sb. nauchn. st. In N.M. Lebedeva, A.N. Tatarko (eds.). Moscow: Publ. RUDN, 2009. 420 p. (In Russ.).
12. Khukhlaev O.E., Bratkina M.A. Trevoga i neopredelennost' v mezhkul'turnom vzaimodeistvii: eksperimental'noye issledovaniye [Anxiety and Uncertainty in Intercultural Communication: An

- Experimental Study]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2021. Vol. 18, no. 4, pp. 78–90. DOI:10.21702/rpj.2021.4.6 (In Russ.).
13. Khukhlaev O.E. Integrativnaya sotsial'no-psikhologicheskaya model' otsenki i prognozirovaniya effektivnosti mezhkul'turnogo vzaimodeistviya [Integrative Socio-Psychological Model for Assessment and Forecasting the Effectiveness of Intercultural Interaction]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 26–41. DOI:10.17759/sps.2020110403 (In Russ.).
 14. Khukhlaev O.E., Gritsenko V.V., Dagbaeva B.S., Konstantinov V.V., Kornienko T.V., Kulesh E.V., Tudupova T.Ts. Mezhkul'turnaya kompetentnost' i effektivnost' mezhkul'turnogo vzaimodeistviya [Intercultural competence and the effectiveness of intercultural interaction]. *Ekspierimental'naya psikhologiya = Experimental psychology*, 2022. Vol. 15, no. 1, pp. 88–102. DOI:10.17759/exppsy.20221501062021 (In Russ.).
 15. Bobo L., Hutchings V.L. Perceptions of racial group competition: Extending Blumer's theory of group position to a multiracial social context. *American Sociological Review*, 1996. Vol. 61, pp. 951–972. DOI:10.2307/2096302
 16. Easterbrook M., Vignoles V.L. Different groups, different motives: identity motives underlying changes in identification with novel groups. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2012. Vol. 38, no. 8, pp. 1066–1080. DOI:10.1177/0146167212444614
 17. English A.S., Zhang R. Coping with perceived discrimination: A longitudinal study of sojourners in China. *Current Psychology*, 2020. Vol. 39, no. 3, pp. 854–869. DOI:10.1007/s12144-019-00253-6
 18. Gudykunst W.B. Toward a theory of effective interpersonal and intergroup communication: An anxiety/uncertainty management perspective. Intercultural communication competence. In R.L. Wiseman, J. Koester (eds.). Newbury Park, CA: Sage, 1993, pp. 33–71.
 19. Gudykunst W.B., Nishida T. Anxiety, uncertainty, and perceived effectiveness of communication across relationships and cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 2001. Vol. 25, no. 1, pp. 55–71. DOI:10.1016/S0147-1767(00)00042-06
 20. Hayes A.F. Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis. The Guilford Press, 2018. 697 p.
 21. Hogg M.A. Subjective uncertainty reduction through self-categorization: A motivational theory of social identity processes. *European Review of Social Psychology*, 2000. Vol. 11, pp. 223–255. DOI:10.1080/14792772043000040
 22. Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. Handbook of theories of social psychology. In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). Thousand Oaks, CA: SAGE, 2012. Vol. 2, pp. 62–80.
 23. Khukhlaev O.E., Gritsenko V.V., Pavlova O.S., Tkachenko N.V., Usubian S.A., Shorokhova V.A. Comprehensive Model of Intercultural Competence: Theoretical Substantiation. *RUDN Journ. of Psychology and Pedagogics*, 2020. Vol. 1, no. 17, pp. 13–28. DOI:10.22363/2313-1683-2020-17-1-13-28
 24. Kim Y.Y. Adapting to a new culture: An integrative communication theory. Theorizing about intercultural communication. In W.B. Gudykunst (ed.). Thousand Oaks, CA: SAGE, 2005, pp. 375–400.
 25. Meca A., Gonzales-Backen M., Davis R., Rodil J., Soto D., Unger J.B. Discrimination and ethnic identity: Establishing directionality among Latino/a youth. *Developmental Psychology*, 2020. Vol. 56, no. 5, pp. 982–992. DOI:10.1037/dev0000908
 26. Meng Q., Li A., Zhang H. How can offline and online contact predict intercultural communication effectiveness? Findings from domestic and international students in China. *International Journal of Intercultural Relations*, 2022. Vol. 89, pp. 63–78. DOI:10.1016/j.ijintrel.2022.05.007
 27. Portes A., Rumbaut R.G. Immigrant America: A Portrait. (3rd ed). Berkeley, CA: University of California Press, 2006. 460 p.

28. Raijman R., Semyonov M. Perceived threat and exclusionary attitudes towards foreign workers in Israel. *Ethnic and Racial Studies*, 2004. Vol. 27, no. 5, pp. 780–799. DOI:10.1080/0141987042000246345
29. Rupa M., Graf S. Different forms of intergroup contact with former adversary are linked to distinct reconciliatory acts through symbolic and realistic threat. *Journal of Applied Social Psychology*, 2019. Vol. 49, no. 2, pp. 63–74. DOI:10.1111/jasp.12565
30. Smeekes A., Verkuyten M. The presence of the past: Identity continuity and group dynamics. *European Review of Social Psychology*, 2015. Vol. 26, no. 1, pp. 162–202. DOI:10.1080/10463283.2015.1112653
31. Stephan W., Stephan C. Reducing intercultural anxiety through intercultural contact. *International Journal of Intercultural Relations*, 1992. Vol. 16, pp. 89–106.
32. Tran L.T. ‘I am really expecting people to judge me by my skills’: ethnicity and identity of international students. *Journal of Vocational Education and Training*, 2017. Vol. 69, no. 3, pp. 390–404. DOI:10.1080/13636820.2016.1275033
33. Vega W., Kolody B., Valle R., Weir J. Social networks, social support and their relationship to depression among immigrant Mexican women. *Human Organization*, 1991. Vol. 50, pp. 154–162. DOI:10.17730/humo.50.2.p340266397214724
34. Verkuyten M. Assimilation ideology and situational well-being among ethnic minority members. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2010. Vol. 46, no. 2, pp. 269–275. DOI:10.1016/j.jesp.2009.11.007
35. Ward C., Kennedy A. Psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions: A comparison of secondary students overseas and at home. *International Journal of Psychology*, 1993. Vol. 28, pp. 129–147. DOI:10.1080/00207599308247181
36. Yamazaki M., Taira N., Nakamura S.-Y., Yokoyama T. The role of ethnicity in the development of the asian students’ attitudes toward Japanese and other cultures. *Japanese Journal of Educational Psychology*, 1997. Vol. 45, no. 2, pp. 119–128. DOI:10.5926/jjep1953.45.2_119
37. Yang F., He Y., Xia Z. The effect of perceived discrimination on cross-cultural adaptation of international students: moderating roles of autonomous orientation and integration strategy. *Current Psychology*, 2022. DOI:10.1007/s12144-022-03106-x

Информация об авторах

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-3345-6789>, e-mail: grichenkova@mgppu.ru

Шорохова Валерия Альбертовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5424-2350>, e-mail: shorohovava@mgppu.ru

Хухлаев Олег Евгеньевич, кандидат психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (ФГАОУ ВО РУДН),

г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>, e-mail: novikova-ia@rudn.ru

Черная Анна Викторовна, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии развития, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5985-2126>, e-mail: avchernaya@sfedu.ru

Первушина Ирина Михайловна, старший преподаватель кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9172-3065>, e-mail: psyfactor@list.ru

Любитов Игорь Евгеньевич, старший преподаватель кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9508-4347>, e-mail: lyubitov@yandex.ru

Information about the authors

Valentina V. Gritsenko, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-3345-6789>, e-mail: gricenkovv@mgppu.ru

Valeriya A. Shorohova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5424-2350>, e-mail: shorohovava@mgppu.ru

Oleg E. Khukhlaev, PhD in Psychology, Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Irina A. Novikova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>, e-mail: novikova-ia@rudn.ru

Anna V. Chernaya, Doctor of Psychology, Head of the Department of Developmental Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5985-2126>, e-mail: avchernaya@sfedu.ru

Irina M. Pervushina, Lecturer of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9172-3065>, e-mail: psyfactor@list.ru

Igor E. Liubitov, Lecturer of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9508-4347>, e-mail: lyubitov@yandex.ru

Получена 21.11.2021

Received 21.11.2021

Принята в печать 09.12.2022

Accepted 09.12.2022

Особенности социальной активности российской молодежи в условиях вынужденных социальных ограничений

Арендачук И.В.

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8378-2284>, e-mail: arend-irina@yandex.ru

Усова Н.В.

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3699-9170>, e-mail: usova_natalia@mail.ru

Кленова М.А.

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3900-1233>, e-mail: milena_d@bk.ru

Цель. Изучение характеристик социальной активности молодежи в условиях ограничений, связанных с вынужденной изоляцией, направленное на выявление особенностей проявления ее компенсаторных форм, обусловленных социальной фрустрацией.

Контекст и актуальность. Психологические аспекты проблемы социальной активности личности, ограниченной распространением коронавирусной инфекции, требуют более полного изучения, что актуализирует вопрос о характеристиках, определяющих особенности активности молодежи в разных сферах жизнедеятельности.

Дизайн исследования. Проанализирована специфика социальной активности российской молодежи в условиях вынужденных социальных ограничений и обусловленность разных форм ее появления психологическими характеристиками; проверена гипотеза о социально-ориентированной направленности активности молодежи в условиях социальной изоляции.

Участники. Представители российской молодежи: 409 человек (74% женщины, 26% мужчины) от 17 до 30 лет ($M=21,35$; $SD=3,78$).

Методы (инструменты). Анкета для изучения социально-демографических характеристик и выраженности разных форм социальной активности (Р.М. Шамяинов и др.); методика «Активность личности в условиях вынужденных социальных ограничений» (Н.В. Усова и др.).

Результаты. В условиях социальной изоляции у молодежи повышаются семейно-бытовая, гражданская, образовательно-развивающая, интернет-сетевая и интернет-поисковая формы активности, снижается выраженность досуговой и социально-экономической активности и отсутствуют изменения в других ее формах проявления. Досуговая, гражданская, социально-экономическая и образовательно-развивающая активность молодежи характеризуются фрустрацией на последствиях вынужденных социальных ограничений, выраженностью компенсаторных форм и активизацией дополнительных личностных ресурсов. Интернет-сетевая и интернет-поисковая активность, направленная на социальные контакты, выступает формой компенсации других видов активности.

Основные выводы. Изменения в проявлении социальной активности молодежи в период социальной изоляции носят диахронический характер. Установлены основные характеристики,

отражающие специфику социальной активности в разных ее формах; выявлены компенсаторные формы социальной активности и факторы ее детерминации.

Ключевые слова: социальная активность, молодежь, формы социальной активности, вынужденные социальные ограничения, социальная фрустрация, личностные ресурсы, сферы жизнедеятельности личности.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-18-00298, <https://rscf.ru/project/21-18-28004/> на базе СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Для цитаты: Арендачук И.В., Усова Н.В., Кленова М.А. Особенности социальной активности российской молодежи в условиях вынужденных социальных ограничений // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 182–199. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130411>

Features of the Social Activity of Russian Youth in Conditions of Forced Social Restrictions

Irina V. Arendachuk

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8378-2284>, **e-mail:** arend-irina@yandex.ru

Natalia V. Usova

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3699-9170>, **e-mail:** usova_natalia@mail.ru

Milena A. Klenova

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3900-1233>, **e-mail:** milena_d@bk.ru

Objective. *The study of the characteristics of the social activity of young people in conditions of restrictions associated with forced isolation, aimed at identifying the features of the manifestation of its compensatory forms due to social frustration.*

Background. *The psychological aspects of the problem of social activity of an individual limited by new social norms and rules due to the spread of coronavirus infection require a more complete study. In this regard the question of the characteristics that determine the characteristics of youth activity in different spheres of life.*

Study design. *The paper analyzes the specificity in the manifestation of social activity among Russian youth in connection with forced social restrictions. The dependence of various forms of social activity by its psychological characteristics. The hypothesis about the socially oriented orientation of youth activity in conditions of social isolation is tested.*

Participants. *Representatives of Russian youth: 409 people (74% women, 26% men) from 17 to 30 years old ($M=21.35$; $SD=3.78$).*

Measurements. *Questionnaire for the study of socio-demographic characteristics and the severity of various forms of social activity (R.M. Shamionov et al.); the methods “Personality activity in conditions of forced social restrictions” (N.V. Usova et al.).*

Results. *In the conditions of forced social restrictions youth have increased family-household, civil, educational-developmental, Internet-network and Internet-search forms of activity, the severity of leisure and socio-economic activity decreases, and there are no changes in its other forms of manifestation. Leisure, civic, socio-economic and educational-developmental activity of young people is characterized*

by frustration at the consequences of forced social restrictions, the severity of compensatory forms and the activation of additional personal resources. Internet-network and Internet-search activity is aimed at social contacts and itself acts as a form of compensation for other types of activity during the period of self-isolation.

Conclusions. *Changes in the manifestation of the social activity of young people during the period of social isolation are diachronic in nature. The main characteristics reflecting the specificity of social activity in its various forms are established. The compensatory forms of social activity and the factors of its determination in conditions of forced social restrictions are revealed.*

Keywords: *social activity, youth, forms of social activity, forced social restrictions, social frustration, personality resources, spheres of personality life activity.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 18-18-00298, <https://rscf.ru/project/21-18-28004/> on the basis of Saratov State University.

For citation: Arendachuk I.V., Usova N.V., Klenova M.A. Features of the Social Activity of Russian Youth in Conditions of Forced Social Restrictions. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 182–199. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130411> (In Russ.).

Введение

Трансформация социальной активности в условиях социальных ограничений, связанных с пандемией COVID-19, коснулась практически всех сфер жизнедеятельности молодежи, существенно ограничив ее возможности в проявлении активности, направленной на самоутверждение и самореализацию, максимально выраженной именно в этом возрасте. Изменились характер, условия, способы реализации, а также сами формы социальной активности. В исследованиях, изучающих активность личности в условиях социальной изоляции, выявление общих тенденций в ее реализации молодежью затруднено многоаспектностью изучаемого феномена и получением противоречивых данных. С одной стороны, отмечаются изменения социально-психологического пространства молодежи в форме отдаления от привычных социальных групп и ориентации на группы с позитивной смысловой нагрузкой; повышение ее субъективного благополучия в связи с нацеленностью на социальные контакты, дающие возможность

использовать свои внутренние и внешние ресурсы [15]; переход социальной активности молодежи из пространства реальной среды в виртуальную [14]. По другим данным, социальная изоляция, напротив, приводит к повышению тревожности и росту внутреннего напряжения у молодежи [1], сказывается на ее психоэмоциональном и физическом самочувствии, вызывая проблемы саморегуляции, самоорганизации, и в целом снижает уровень психологического благополучия [8].

В зарубежных исследованиях также наблюдается несогласованность в отношении изменений в социальной активности молодежи в период пандемии. При общей тенденции к снижению ее общего уровня у молодых людей отмечается повышение семейной активности в форме усиления социальных и эмоциональных связей с членами своей семьи [29]; интернет-сетевой активности в форме посещений социальных сетей, виртуальных классов, просмотров фильмов и телесериалов [23; 28]. Среди причин снижения социальной активности отмечают соци-

альную ответственность [31], снижение физической активности, изменение и перестройку жизни в целом [33], обусловленных необходимостью соблюдения определенных правил гигиены, отказом от некоторых повседневных практик [16], повышением доли малоподвижного поведения, переходом к более позднему времени отхода ко сну и бодрствованию, увеличением продолжительности сна [32]. К проявлениям негативного влияния социальной изоляции на психофизическое и психоэмоциональное состояние детей и молодежи относят разочарование, стресс и депрессию [17; 20].

Изучение факторов психологического влияния самоизоляции на личность показывает, что социальная активность в период карантина трансформируется, приобретая новые способы выражения [24]. Социальные ограничения реорганизуют социальную активность личности, связанную с удовлетворением первичных базовых потребностей; на первый план выдвигается усиливающаяся потребность в безопасности, что, как следствие, приводит к фрустрации, к сдвигу в сторону отрицательных эмоций. Значимыми становятся социальные потребности в оказании помощи и в поддержке окружающих, а связанная с ними активность приобретает форму совладающего поведения [22]. Социальная фрустрация снижает у молодежи уровень удовлетворенности базовых потребностей, переживания счастья и удовлетворенности жизнью, ограничивает проявление социальной активности в большинстве сфер общественной жизни и повышает их активность в форме протестного самовыражения [12]. Вместе с тем на фоне ограничений в образе жизни и ухудшения эмоционального состояния проявляется и положительный субъективный эффект, обусловленный способностью

видеть позитивные возможности и личностными ресурсами — толерантностью к неопределенности, принятием риска как компонентом жизнестойкости и чувством гармонии со своей жизнью; примечательно, что данный эффект более заметен у пожилых людей [19].

В отношении молодежи остается открытым вопрос о том, какие именно психологические характеристики и состояния личности, обусловленные именно социальными ограничениями, определяют ее активность в разных сферах жизнедеятельности. Поэтому *целью* данного исследования стало изучение особенностей проявления социальной активности личности в условиях ограничений, связанных с вынужденной социальной изоляцией. *Задачами* исследования стало выявление изменений в выраженности разных форм социальной активности молодежи, ее компенсаторных форм в условиях социальной фрустрированности и характеристик, детерминирующих социальную активность в связи с вынужденными социальными ограничениями. Отметим, что в контексте данного исследования социальная активность личности определяется как частный случай ее инициативного воздействия на окружающую социальную среду и предполагает не только участие в общественной жизни, но и инициативно-творческое отношение к самой себе как субъекту социального бытия и к сферам своей социальной жизнедеятельности [12]. *Гипотеза* исследования основывалась на предположении о том, что вынужденные социальные ограничения в большей степени стимулируют у молодежи проявление социально ориентированных форм активности, направленных на использование условий изоляции и самоизоляции для удовлетворения своих личностных потребностей и интересов, развития за счет

приобретения нового опыта и сохранения способности влиять на события своей жизни. Под социально ориентированными понимаются те формы социальной активности, которые, по определению Р.М. Шамионова и М.В. Григорьевой, предполагают «непротивопоставление следившемуся социальному укладу, соответствие общепринятым “нормам” общественной активности, социальным инициативам, лидерству, организации деятельности и т.д.» [13, с. 35].

Метод

Выборка и процедура. В исследовании приняли участие представители российской молодежи — 409 человек в возрасте от 17 до 30 лет ($M=21,35\pm 3,78$), из них 74% — женщины и 26% — мужчины. Место жительства: 9,8% респондентов — село; 22,2% — малый город; 61,3% — областной город; 6,7% — мегаполис. Уровень образования: 33,0% молодежи имеют среднее общее образование; 16,9% — среднее профессиональное; 35,4% — высшее (бакалавриат); 14,7% — высшее (магистратура). Исследование проводилось анонимно и добровольно с января по февраль 2021 года. Опросные и тестовые методики предъявлялись в электронном виде через Google Forms. Обработка данных выполнялась в статистической программе IBM SPSS Statistics.

Методики. Анкета, включающая вопросы о социально-демографическом статусе личности (пол, возраст, место жительства, образование), об уровне эмоционального комфорта в социальной изоляции, 12 шкал для оценки различных форм социальной активности с размерностью от 1 до 5 по шкале Лайкерта (альтруистическая, досуговая, социально-политическая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая,

образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная, субкультурная) [11, с. 7–9] и 6 дополнительных шкал с описанием форм активности — спортивно-оздоровительной (занятие в спортивных секциях, фитнес-клубах, спортивный туризм и др.), культурно-массовой (участие в КВИЗах и конкурсах, в организации встреч с друзьями, сотрудниками на работе и т.п.), семейно-бытовой (взаимодействие и совместное времяпрепровождение с родственниками, помощь или уход за ними и др.), экологической (действия по сохранению природы, бережному использованию биоресурсов и др.), интернет-поисковой (поиск единомышленников для общения, новостной, познавательной или аналитической информации на актуальные темы и др.) и профессиональной (достижение карьерных целей, освоение смежных профессий, активное повышение квалификации и профессиональное развитие, участие в профессиональных сообществах и т.п.) (Р.М. Шамионов, М.В. Григорьева, И.В. Арендачук, Е.Е. Бочарова и др.). Все шкалы согласованы и имеют приемлемый уровень надежности: α Cronbach=0,852–0,872. Респонденты оценивали выраженность разных форм социальной активности дважды — в обычной жизнедеятельности (ретроспективная оценка своей активности до пандемии) и в условиях вынужденных социальных ограничений.

Методика «Активность личности в условиях вынужденных социальных ограничений» (Н.В. Усова, И.В. Арендачук, М.А. Кленова) содержит 72 утверждения, позволяющих изучить характеристики активности личности: 1) фрустрацию на последствия вынужденных социальных ограничений; 2) компенсаторные формы активности, связанные с формированием

новых или выраженностью не значимых ранее форм поведения личности, направленных на замещение привычной, но не эффективной в условиях самоизоляции деятельности; 3) личностные ресурсы активности — ее способности, убеждения и установки как источник преодоления трудностей и стресса, вызванных вынужденными социальными ограничениями; 4) активность в разных сферах жизнедеятельности, направленную на повышение уровня удовлетворенности жизнью в период вынужденных социальных ограничений [10]. Все шкалы имеют высокий уровень надежности: α Cronbach=0,895–0,925.

Статистические методы: описательная статистика; проверка выборки на нормальность распределения (критерий Колмогорова-Смирнова $K-S d$ с поправкой Лилефорса); сравнительный анализ (t -критерий Стьюдента для зависимых выборок); корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции

r -Спирмена); множественный регрессионный анализ (метод пошагового включения переменных).

Результаты

Согласно полученным данным ($K-S d=0,05416$; $p<0,28$; Лилефорса $p<0,01$) эмпирическая выборка не противоречит нормальному распределению по показателю «социальная активность» в условиях вынужденных ограничений ($M=2,84 \pm SD=0,62$), рассчитанному как среднее значение оценок молодежью разных форм своей социальной активности в период пандемии.

Сравнительный анализ самооценок молодежью выраженности разных форм социальной активности в обычной жизни и в период самоизоляции показал ее повышение в период вынужденных социальных ограничений в целом, но динамика изменений активности в разных сферах жизнедеятельности оказалась диахроничной (табл. 1).

Таблица 1
Описательные статистики и сравнительный анализ показателей социальной активности молодежи в разных условиях жизнедеятельности

Формы социальной активности	Выраженность социальной активности, М (SD)		t-критерий Стьюдента
	обычная жизнедеятельность	вынужденные ограничения	
Альтруистическая	2,6 (1,2)	2,6 (1,1)	-0,1
Досуговая	4,1 (0,9)	3,7 (1,1)	6,7***
Спортивно-оздоровительная	3,1 (1,2)	3,7 (1,2)	-1,6
Культурно-массовая	2,7 (1,2)	2,7 (1,3)	0,1
Семейно-бытовая	4,0 (0,9)	4,2 (0,9)	-4,4***
Экологическая	2,9 (1,2)	2,8 (1,2)	1,0
Социально-политическая	1,8 (1,0)	1,9 (1,1)	-1,7
Интернет-сетевая	3,1 (1,4)	3,8 (1,2)	-10,4***
Интернет-поисковая	3,8 (1,2)	4,1 (1,1)	-5,2***
Гражданская	2,2 (1,2)	2,4 (1,2)	-4,7***
Социально-экономическая	2,8 (1,4)	2,5 (1,2)	4,1***
Профессиональная	3,2 (1,2)	3,3 (1,3)	-1,6

Формы социальной активности	Выраженность социальной активности, M (SD)		t-критерий Стьюдента
	обычная жизнедеятельность	вынужденные ограничения	
Образовательно-развивающая	2,8 (1,2)	3,6 (1,2)	-13,7***
Духовная	2,9 (1,2)	2,9 (1,3)	0,2
Религиозная	2,2 (1,2)	2,2 (1,3)	1,0
Протестная	1,6 (1,0)	1,7 (1,0)	-0,9
Радикально-протестная	1,6 (1,0)	1,6 (1,0)	1,2
Субкультурная	1,8 (1,0)	1,8 (1,1)	-1,8
Социальная активность (обобщенный показатель)	2,7 (0,6)	2,8 (0,9)	-5,0***

Примечание: *** – $p < 0,001$.

Наблюдалось достоверно выраженное повышение (прогресс) таких форм активности, как семейно-бытовая, интернет-сетевая, интернет-поисковая, гражданская и образовательно-развивающая. Снижалась активность молодых людей (регресс) в проявлении досуговой и социально-экономической форм активности. По остальным ее формам значимых изменений не выявлено (стагнация).

Полученные результаты позволили предположить, что формы активности, выраженность которых значимо изменилась в период социальных ограничений, позволяют молодежи поддерживать свою социальную активность на приемлемом для личности уровне в новых условиях жизнедеятельности. Поэтому далее был проведен корреляционный анализ, выявивший взаимосвязи между выраженностью этих форм социальной активности и их характеристиками (табл. 2).

Было установлено, что появление новых, компенсаторных, форм деятельности выражено в отношении досуговой, гражданской, социально-экономической и образовательно-развивающей активности молодежи, которые проявляются в виде переноса активности в виртуальное пространство, либо замещения деятельностью, более доступной на данный

момент (кроме досуговой), либо диссимуляции – сознательного нарушения условий самоизоляции. Для семейно-бытовой активности компенсаторные формы недоступны и чем больше она реализуется молодыми людьми, тем в меньшей степени выражены замещение и перенос своих потребностей и желаний с одного объекта на другой. Под влиянием фрустрации на последствия вынужденных социальных ограничений снижаются досуговая и семейно-бытовая формы активности, а гражданская и социально-экономическая активности показывают тенденцию к повышению своего проявления. При этом сосредоточенность на проблеме снижает досуговую и повышает гражданскую и социально-экономическую активность; ощущение гнетущего эмоционального напряжения снижает выраженность этих форм активности, а также семейно-бытовую активность; блокирование или прерывание активности, обусловленное снижением веры личности в свои возможности, ведет к снижению досуговой и семейно-бытовой и стимулирует повышение гражданской и социально-экономической форм активности молодежи. Все изучаемые формы социальной активности (кроме интернет-сетевой) детерминируют спо-

Таблица 2

**Описательные статистики и корреляции между формами социальной активности
и ее психологическими характеристиками**

Психологические характеристики	M (SD)	Формы социальной активности						
		досуговая	семейно-бытовая	интернет-сетевая	интернет-поисковая	гражданская	социально-экономическая	образовательно-развивающая
Компенсаторные формы активности:	2,8 (0,6)	0,19***	-0,02	0,08	0,01	0,37***	0,38***	0,21***
виртуальная активность	3,0 (0,7)	0,15**	0,07	0,16***	0,12*	0,28***	0,25***	0,19***
замещение активности	2,6 (0,8)	0,06	-0,12*	0,01	-0,02	0,36***	0,36***	0,14***
диссимуляция активности	2,8 (0,8)	0,24***	0,02	0,06	-0,04	0,27***	0,32***	0,18***
<i>Фрустрация на последствия вынужденных социальных ограничений:</i>	2,7 (0,6)	-0,21***	-0,15**	-0,01	-0,04	0,18***	0,16***	0,01
сосредоточенность на проблеме	2,9 (0,8)	-0,15**	-0,01	0,02	-0,01	0,22***	0,14**	0,09
ощущение гнетущего эмоционального напряжения	2,8 (0,8)	-0,18***	-0,11**	-0,08	-0,03	-0,13**	-0,14**	-0,07
блокирование и прерывание активности	2,4 (0,8)	-0,12**	-0,17***	0,01	-0,06	0,26***	0,27***	-0,03
<i>Личностные ресурсы:</i>	3,5 (0,6)	0,22***	0,19***	0,09	0,12*	0,12*	0,15**	0,23***
вовлеченность в процесс жизни	3,4 (0,8)	0,24***	0,17***	0,07	0,05	0,19***	0,22***	0,22***
уверенность в подконтрольности событий	3,8 (0,7)	0,17***	0,20***	0,09	0,18***	-0,15**	-0,13**	0,06
принятие вызова жизни	3,2 (0,9)	0,16***	0,07	0,07	0,08	0,23***	0,24***	0,21***
<i>Активность в сферах жизнедеятельности:</i>	3,0 (0,4)	0,12*	0,01	0,10*	0,05	0,35***	0,36***	0,25***
профессиональная сфера	2,9 (0,5)	0,11*	0,01	0,05	0,00	0,27***	0,27***	0,17***
самообразование, образование	3,0 (0,5)	0,00	0,00	0,04	0,01	0,20***	0,18***	0,22***
семейные взаимоотношения	3,1 (0,4)	0,07	0,15**	0,03	0,02	0,20***	0,21***	0,11*
социальные контакты	3,1 (0,5)	0,10*	0,05	0,21***	0,13***	0,25***	0,22***	0,16***
отдых, увлечения	3,2 (0,5)	0,13**	0,03	0,08	0,12*	0,27***	0,33***	0,31***
материальное положение	2,9 (0,6)	0,11*	0,02	0,05	-0,02	0,22***	0,30***	0,10***
здоровье	3,0 (0,5)	0,09	0,01	0,06	0,06	0,32***	0,28***	0,21***
любовные отношения	2,8 (0,6)	0,11*	-0,08	0,09	0,02	0,34***	0,36***	0,18***

Примечание: уровни значимости r-Спирмена: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

способность молодежи задействовать свои дополнительные личностные ресурсы в условиях социальной изоляции. Так, вовлеченность в процесс жизни повышает досуговую, семейно-бытовую, гражданскую, социально-экономическую и образовательно-развивающую активность. Способность к принятию вызова жизни также способствует повышению этих форм активности (кроме семейно-бытовой). Уверенность в подконтрольности событий повышает досуговую, семейно-бытовую и интернет-поисковую активность и снижает активность гражданскую и социально-экономическую. Направленность интересов молодых людей на профессиональную сферу, социальные контакты и любовные отношения, на отдых и увлечения, материальное положение повышает досуговую, гражданскую, социально-экономическую и образовательно-развивающую активность; выраженность интересов в сферах самообучения, образования и здоровья способствует росту гражданской, социально-экономической и образовательно-развивающей активности. Эти же формы активности, а также семейно-бытовая активность повышаются при значимости семейных взаимоотношений. Направленность на социальные контакты активизирует интернет-сетевую и интернет-поисковую деятельность молодежи, ее интернет-поисковая активность также связана с информацией об отдыхе и увлечениях.

С целью выявления детерминации социальной активности ее психологическими характеристиками был проведен множественный регрессионный анализ методом пошагового включения независимых переменных. Зависимой переменной выступил обобщенный параметр «социальная активность в условиях вынужденных ограничений». В ка-

честве предикторов рассматривались ее психологические характеристики, описывающие компенсаторные формы проявления, фрустрационные реакции на ограничения, личностные ресурсы и активность в сферах жизнедеятельности (см. табл. 2). Полученная регрессионная модель позволила объяснить 32,4% вариации зависимой переменной. Оценка эффективности модели показала, что все коэффициенты переменных, входящих в ее структуру, оказались значимы; F-критерий свидетельствует об общей значимости уравнения регрессии (вероятность нулевой гипотезы значительно меньше 0,05); остатки от регрессии без заметной автокорреляции (табл. 3). Соответственно, построенная модель адекватно отражает детерминацию зависимой переменной выделенными компонентами.

Регрессионный анализ показал, что проявление социальной активности молодежью в период вынужденной изоляции обусловлено характеристиками фрустрации в связи с социальными ограничениями (ими может быть объяснено 32,4% от всех влияющих на нее факторов), а ее предикторами являются: характеристики, отражающие реакции личности на ограничения («компенсаторные формы активности», «фрустрация на последствия вынужденных социальных ограничений», «уровень эмоционального комфорта в социальной изоляции» и личностный ресурс «вовлеченность в процесс жизни»); активность в таких сферах жизнедеятельности, как «материальное положение», «семейные взаимоотношения» и «самообучение, образование». Полученные данные свидетельствуют, что детерминантами социальной активности молодежи в данных условиях выступают способность к компенсации затрудненных для реализации форм активности другими видами

Таблица 3

**Регрессионная модель детерминации социальной активности молодежи
в условиях вынужденных социальных ограничений**

Структурные компоненты модели	β	b	t	p
Оценка свободного члена регрессии	–	1,02	4,1	0,001
Компенсаторные формы активности	0,61	0,61	8,7	0,001
Фрустрация на последствия вынужденных социальных ограничений	0,33	0,37	5,1	0,001
Уровень эмоционального комфорта в социальной изоляции	0,15	0,04	3,4	0,001
Вовлеченность в процесс жизни	0,29	0,24	4,4	0,001
Активность в сфере «материальное положение»	–0,20	–0,21	–3,2	0,001
Активность в сфере «семейные взаимоотношения»	–0,16	–0,23	–2,7	0,009
Активность в сфере «самообучение, образование»	–0,13	–0,17	–2,2	0,028
<i>Статистические параметры модели</i>				
Коэффициент регрессии, R	0,57	Критерий Фишера, F (p<0,001)	24,0	
Коэффициент детерминации, R ²	0,32	Критерий Дарбина– Уотсона, DW	1,99	
Стандартная погрешность оценки	0,52	Коэффициент авто- корреляции, r	0,002	

Примечание: β – стандартизованные коэффициенты регрессии; b – оценки параметров модели; t – значения t-критерия Стьюдента; p – уровень значимости компонентов модели.

активной деятельности и поведения, обеспечивающих эффективное достижение поставленных целей, а также направленность на активную реализацию своего потенциала в связи с изменением привычного образа жизни и переживаемого эмоционального стресса. Положительной детерминантой социальной активности у молодых людей также является эмоциональный комфорт в социальной изоляции, а ее снижение детерминировано повышенной активностью, направленной на поиск дополнительного дохода для поддержания привычного уровня своего материального положения, улучшение семейных взаимоотношений и поддержание контактов с родственниками, на использование вынужденной самоизоляции для самообучения и повышения уровня своего образования.

Обсуждение результатов

В условиях вынужденных социальных ограничений российская молодежь становится более активной в социальной жизни. Повышение социальной активности у молодых людей связано с переносом своей активности в те сферы жизнедеятельности, в которых возможна самореализация с учетом необходимости соблюдать ограничивающие нормы и правила социальной изоляции. К таким формам активности можно отнести семейно-бытовую, гражданскую и образовательно-развивающую, а также активность в виртуальной среде. Интернет-сетевая и интернет-поисковая формы активности не только повышаются, но и сами выступают в качестве компенсаторной активности в условиях вынужденных социальных ограничений. С учетом особенностей ситуации вынуж-

денных ограничений полученные результаты дополняют выявленную другими исследователями тенденцию к повышению активности современной молодежи в виртуальном пространстве [14], которая, с одной стороны, не лишена своих недостатков (зависимость от онлайн-социальных сетей может быть результатом депрессии и беспокойства, влияющих на их повседневную жизнь, включая академические обязанности), а с другой — дает социальные преимущества [26], в частности, развитие цифровых навыков [24], повышение самооффективности и укрепление социального капитала за счет качества онлайн-взаимодействия [34]. Результаты нашего исследования о замещающей роли интернет-сетевой и семейно-бытовой активности в условиях пандемии перекликаются с выводами о том, что социальные сети, музыка, онлайн-игры, веб-сериалы, а также обращение за помощью к своим близким выступают механизмами выживания и преодоления стресса и тревоги, вызванных социальной изоляцией [28]. Однако, несмотря на повышение у молодежи значимости семейно-бытовой активности, была выявлена ее обусловленность фрустрационными реакциями на ситуацию вынужденных ограничений, что может быть объяснено вынужденным длительным нахождением членов семьи на одной территории, которое, несмотря на позитивные перспективы побыть вместе, существенно усиливает эмоциональное напряжение, негативно влияет на продолжительность и качество родственных отношений и может выступать предиктором их разрыва [7].

Усиление состояния фрустрации молодежи привело к росту гражданской активности, сопровождающейся мобилизацией личностных ресурсов и поиском возможностей для преодоления стресса путем направленности своих интересов в

социально ориентированные сферы жизнедеятельности, что объясняется определенной долей патриотизма, с которым студенты приняли необходимость домашней самоизоляции [4]. О повышении образовательно-развивающей активности молодежи, отмеченном в данном исследовании, говорят и другие исследователи, отмечая позитивный эффект дистанционного обучения [18]. Однако помимо очевидных плюсов, касающихся возможности не прерывать процесс образования, отмечается и ряд негативных аспектов. Повышенная ориентация учебной деятельности на самостоятельную подготовку, слабо развитая цифровая грамотность и способность к самообразованию [2], малоподвижность и отсутствие живого общения [9], «страх потери учебного года» при переходе на онлайн-формат обучения [27] привели, с одной стороны, к повышению тревожности [21; 25], к снижению учебной мотивации и возникновению у студентов чувства изолированности от университетской жизни [6], а с другой стороны, как показало наше исследование, — к компенсации факторов, ограничивающих данный вид активности другими ее формами путем перехода в виртуальное пространство или переноса образовательно-развивающих интересов в сферы жизни, не связанные непосредственно с учебой.

Стабилизаторами негативных проявлений, связанных с социальной изоляцией, могли бы выступить досуговая и социально-экономическая активность. Однако, как показывают полученные нами результаты, именно эти формы активности претерпевают статистически значимое снижение по сравнению с докарантинным периодом. Активный досуг, позволяющий молодежи поддерживать свое соматическое здоровье и реализовать стремление к саморазвитию, стал

полностью недоступен и был заменен досугом, не требующим дополнительных затрат, что привело к снижению физической активности, появлению вредных привычек, к потере интереса к расширению своего социального опыта [5]. Снижение социально-экономической активности, обусловленное уменьшением возможностей для повышения уровня своего материального благополучия, выявленное в данном исследовании, может быть объяснено издержками в бюджетной сфере в условиях пандемии, с которыми молодежь связывает снижение качества своей жизни [3].

Заключение

Рассмотренные в данном исследовании формы социальной активности молодежи качественно изменяются в период социальной изоляции, характеризуясь новыми социально ориентированными видами деятельности, позволяющими компенсировать затрудненную вынужденными ограничениями реализацию привычных для личности форм активности, а именно:

- диахроничность изменений социальной активности в разных сферах жизнедеятельности проявилась в повышении семейно-бытовой, гражданской, образовательно-развивающей, интернет-сетевой, интернет-поисковой форм активности, в снижении досуговой и социально-экономической активности и в отсутствии изменений относительно других форм (альтруистической, спортивно-оздоровительной, культурно-массовой, экологической, социально-политической, профессиональной, духовной, религиозной, субкультурной, протестной и радикально-протестной);

- изменилась иерархия форм активности по степени реализации: в обычной жизнедеятельности молодежь проявля-

ла наибольшую активность в досуговой и семейно-бытовой сфере, в период вынужденных социальных ограничений (самоизоляции) досуговая активность снизила свою актуальность, а на фоне повышения семейно-бытовой активности приобрели значимость интернет-поисковая, интернет-сетевая и образовательно-развивающая формы активности;

- компенсаторные проявления социальной активности молодежи в связи с новыми условиями жизнедеятельности выражены в досуговой, семейно-бытовой, интернет-сетевой, интернет-поисковой, социально-экономической и образовательно-развивающей формах активности. Выраженность досуговой, гражданской и социально-экономической активности в большей степени обусловлена фрустрацией на последствиях вынужденных социальных ограничений. Трансформация этих форм активности, а также образовательно-развивающей связана с мобилизацией личностных ресурсов, с проявлением компенсации в форме виртуальной активности, замещения или диссимуляции активности и с направленностью на все сферы жизнедеятельности. Семейно-бытовая активность молодежи максимально обусловлена эмоциональными реакциями на последствия вынужденных ограничений.

Результаты исследования могут быть использованы в практике психологического консультирования по проблемам личностного развития и психологической коррекции фрустрационных реакций, а также могут составить психологическую основу для разработки научно-методических рекомендаций для органов власти, управления образованием и молодежной политики по оптимизации активности молодежи в ситуациях, связанных с вынужденными ограничениями, и создания условий для

ее полноценной самореализации. Представляются перспективными дальнейшие исследования социальной активности молодежи в условиях вынужденных ограничений, направленные на изучение

ее личностных, социально-психологических и общественных эффектов в плане их детерминации возрастными психологическими характеристиками и условиями социализации.

Литература

1. Баранова В.А., Дубовская Е.М., Савина О.О. Опыт жизнедеятельности и ресурсы преодоления трудностей социальной изоляции в первый период пандемии COVID-19 у студентов // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 10–25. DOI:10.17759/sps.2021120102
2. Бочарова Ю.Ю., Дьячук А.А., Климацкая Л.Г., Кузина Д.В., Черкасова Ю.А. Возможности развития субъектности студентов при совладании с трудной ситуацией перехода на дистанционное обучение в период пандемии // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2021. № 2(56). С. 109–122. DOI:10.25146/1995-0861-2021-56-2-277
3. Вардилян М.С., Николаева А.А. Исследование влияния пандемии на современный уровень качества жизни российского общества [Электронный ресурс] // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. / Под общ. ред. Ю.П. Аверина. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 35–36. URL: https://www.socio.msu.ru/documents/20200115_sbornik.pdf (дата обращения: 09.08.2021).
4. Галой Н.Ю., Цзюань Ф., Вэньсюань Л., Цяньцянь У., Огнев А.С. Кросскультурный анализ психического состояния людей в период пандемии коронавируса: Россия и Китай // Человеческий капитал. 2021. № 2(146). С. 106–116. DOI:10.25629/HC.2021.02.10
5. Каравай А.В. Досуговая активность российской молодежи: основные типы и факторы выбора // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2020. № 1–2(130). С. 130–140.
6. Марьин М.И., Никифорова Е.А. Трансформация мотивов и ценностей студентов высших образовательных организаций в условиях пандемии (по материалам зарубежных исследований) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 92–101. DOI:10.17759/jmfr.2021100109
7. Опекина Т.П., Шипова Н.С. Семья в период самоизоляции: стрессы, риски и возможности совладания // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26. № 3. С. 121–128. DOI:10.34216/2073-1426-2020-26-3-121-128
8. Потапова Е.А., Земляной Д.А., Кондратьев Г.В. Особенности жизнедеятельности и самочувствия студентов медицинских вузов в период дистанционного обучения во время эпидемии COVID-19 // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 3. С. 70–81. DOI:10.17759/pse.2021260304
9. Соколовская И.Э. Социально-психологические факторы удовлетворенности студентов в условиях цифровизации обучения в период пандемии COVID-19 и самоизоляции // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 2. С. 46–54. DOI:10.26425/2658-347X-2020-2-46-54
10. Усова Н.В., Арендачук И.В., Кленова М.А. Диагностика характеристик активности личности в условиях вынужденных социальных ограничений [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 3. С. 1–16. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN321.pdf>
11. Шамионов Р.М., Григорьева М.В., Арендачук И.В., Бочарова Е.Е., Усова Н.В., Кленова М.А., Шаров А.А., Заграничный А.И. Психология социальной активности молодежи [Электронный

- ресурс]. М.: Издательство «Перо», 2020. 200 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44521792> (дата обращения: 25.03.2021).
12. *Шамионов Р.М.* Соотношение социальной активности и удовлетворенности базовых психологических потребностей, субъективного благополучия и социальной фрустрированности молодежи // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 176–195. DOI:10.17223/17267080/77/9
 13. *Шамионов Р.М., Григорьева М.В.* Методика диагностики компонентов социально-ориентированной активности // Сибирский психологический журнал. 2019. № 74. С. 26–41. DOI:10.17223/17267080/74/2
 14. *Шаров А.А.* Девиантная активность молодежи: особенности и механизм переноса из реальной среды в виртуальную // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 28. С. 103–109. DOI:10.26516/2304-1226.2019.28.103
 15. *Яремчук С.В., Бакина А.В.* Субъективное благополучие молодежи и его взаимосвязь с психологической дистанцией до объектов социально-психологического пространства личности в условиях пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 26–43. DOI:10.17759/sps.2021120103
 16. *Aristovnik A., Keržič D., Ravšelj D., Tomažević N., Umek L.* Impacts of the COVID-19 Pandemic on Life of Higher Education Students: A Global Perspective // Sustainability. 2020. Vol. 12, 8438. DOI:10.3390/su12208438
 17. *Aucejo E.M., French J., Ugalde Araya M.P., Zafar B.* The impact of COVID-19 on student experiences and expectations: Evidence from a survey // Journal of Public Economics. 2020. Vol. 191. DOI:10.1016/j.jpubeco.2020.104271
 18. *Bao W.* COVID-19 and online teaching in higher education: A case study of Peking University // Human Behavior and Emerging Technologies. 2020. Vol. 2. P. 113–115. DOI:10.1002/hbe2.191
 19. *Bokhan T.G., Galazhinsky E.V., Leontiev D.A., Rasskazova E.I., Terekhina O.V., Ulyanich A.L., Shabalovskaya M.V., Bogomaz S.A., Vidyakina T.A.* COVID-19 and subjective well-being: perceived impact, positive psychological resources and protective behavior // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Vol. 18. № 2. P. 259–275. DOI:10.17323/1813-8918-2021-2-259-275
 20. *Browning M., Larson L.R., Sharaievska I., Rigolon A., McAnirlin O., Mullenbach L., Cloutier S., Vu T.M., Thomsen J., Reigner N., Metcalf E.M., D'Antonio A., Helbich M., Bratman G.N., Alvarez H.O.* Psychological impacts from COVID-19 among university students: Risk factors across seven states in the United States // PLOS ONE. 2021. Vol. 16(1). DOI:10.1371/journal.pone.0245327
 21. *Cao W., Fang Z., Hou G.* The psychological impact of the COVID-19 epidemic on college students in China // Psychiatry Research. 2020. Vol. 287. DOI:10.1016/j.psychres.2020.112934
 22. *Cerbara L., Ciancimino G., Crescimbeni M., La Longa F., Parsi M.R., Tintori A., Palomba R.* A nation-wide survey on emotional and psychological impacts of COVID-19 social distancing // European Review for Medical and Pharmacological Sciences. 2020. Vol. 24. № 12. P. 7155–7163. DOI:10.26355/eurrev_202006_21711
 23. *Chaturvedi K., Vishwakarma D.K., Singh N.* COVID-19 and its impact on education, social life and mental health of students: A survey // Children and youth services review. 2021. Vol. 121, 105866. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105866
 24. *Chew H.Q., Wei K.Ch., Vasoo Sh., Choong H., Sim K.* Narrative synthesis of psychological and coping responses towards emerging infectious disease outbreaks in the general population: practical considerations for the COVID-19 pandemic // Singapore Medical Journal. 2020. Vol. 61(7). P. 350–356. DOI:10.11622/smedj.2020046
 25. *Cook D.A.* The failure of e-learning research to inform educational practice, and what we can do about it // Medical Teacher. 2009. Vol. 31. P. 158–162. DOI:10.1080/0142159080269139328
 26. *Gómez-Galán J., Martínez-López J.Á., Lázaro-Pérez C., Sarasola Sánchez-Serrano J.L.* Social networks consumption and addiction in college students during the COVID-19 pandemic: Educational approach to responsible use // Sustainability. 2020. Vol. 12(18), 7737. DOI:10.3390/su12187737

27. Hasan N., Bao Y. Impact of “e-Learning crack-up” perception on psychological distress among college students during COVID-19 pandemic: A mediating role of “fear of academic year loss” // Children and Youth Services Review. 2020. Vol. 118. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105355
28. Islam M.S., Sujan M.S.H., Tasnim R., Ferdous M.Z., Masud J.H.B., Kundu S., Mosaddek A.S.M., Choudhuri M.Sh.K., Kircaburun K., Griffiths M.D. Problematic internet use among young and adult population in Bangladesh: Correlates with lifestyle and online activities during the COVID-19 pandemic // Addictive behaviors reports. 2020. Vol. 12(2), 100311. DOI:10.1016/j.abrep.2020.100311
29. Lateef R., Alaggia R., Collin-Vézina D. A scoping review on psychosocial consequences of pandemics on parents and children: Planning for today and the future // Children and Youth Services Review. 2021. Vol. 125. No. 11, 106002. DOI:10.1016/j.childyouth.2021.106002
30. Lee J. Mental health effects of school closures during COVID-19 // Lancet Child Adolesc Health. 2020. Vol. 4(6). P. 421. DOI:10.1016/S2352-4642(20)30109-7
31. Oosterhoff B., Palmer C.A., Wilson J., Shook N. Adolescents’ Motivations to Engage in Social Distancing During the COVID-19 Pandemic: Associations With Mental and Social Health // Journal Adolescent Health. 2020. Vol. 67(2). P. 179–185. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.05.004
32. Paterson D.C., Ramage K., Moore S.A., Riazi N., Tremblay M.S., Faulkner G. Exploring the impact of COVID-19 on the movement behaviors of children and youth: A scoping review of evidence after the first year // Journal of Sport and Health Science. 2021. Vol. 10. (Suppl. 3). DOI:10.1016/j.jshs.2021.07.001
33. Sahu P. Closure of universities due to coronavirus disease 2019 (COVID-19): impact on education and mental health of students and academic staff // Cureus. 2020. Vol. 12(4). DOI:10.7759/cureus.7541
34. Zheng F., Khan N.A., Hussain S. The COVID 19 pandemic and digital higher education: Exploring the impact of proactive personality on social capital through internet self-efficacy and online interaction quality // Children and youth Services Review. 2020. Vol. 119. 105694. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105694

References

1. Baranova V.A., Dubovskaya E.M., Savina O.O. Opyt zhiznedeyatel'nosti i resursy preodoleniya trudnosti sotsial'noi izolyatsii v pervyi period pandemii COVID-19 u studentov [Life Experience and Resources for Overcoming the Difficulties of Social Isolation in the First Period of the COVID-19 Pandemic among Students]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 10–25. DOI:10.17759/sps.2021120102 (In Russ.).
2. Bocharova Yu.Yu., Dyachuk A.A., Klimatskaya L.G., Kuzina D.V., Cherkasova Yu.A. Vozmozhnosti razvitiya sub"ektnosti studentov pri sovladanii s trudnoi situatsiei perekhoda na distantsionnoe obuchenie v period pandemii [Possibilities to Develop Personal Agency in Students Dealing with a Difficult Situation of Shifting Towards Distance Learning During the Pandemic]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva = The bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev*, 2021, no. 2(56), pp. 109–122. DOI:10.25146/1995-0861-2021-56-2-277 (In Russ.).
3. Vardikyan M.S., Nikolaeva A.A. Issledovanie vliyaniya pandemii na sovremennyi uroven' kachestva zhizni rossijskogo obshchestva [The study of the impact of the pandemic on the current level of the quality of life of the Russian society]. In Averin Yu.P. (ed.). *Vliyanie kachestva zhizni na formirovanie tsennostnoi struktury naseleniya Rossii [The influence of the quality of life on the formation of the value structure of the Russian population]*. Moscow: MAKS Press, 2020, pp. 35–36. Available at: https://www.socio.msu.ru/documents/20200115_sbormik.pdf (Accessed 09.08.2021). (In Russ.).
4. Galoy N.Yu., Juan F., Wenxuan L., Qianqian Wu, Ognev A.S. Krosskul'turnyi analiz psikhicheskogo sostoyaniya lyudei v period pandemii koronavirusa: Rossiya i Kitai [Cross-Cultural Analysis of the Mental State of People During the Pandemic Coronavirus: Russia and

- China]. *Chelovecheskii kapital = Human capital*, 2021, no. 2(146), pp. 106–116. DOI:10.25629/HC.2021.02.10 (In Russ.).
5. Karavay A.V. Dosugovaya aktivnost' rossiiskoi molodezhi: osnovnye tipy i faktory vybora [Leisure Activity of Russian Youth: the Main Types and Factors of Choice]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii = The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, 2020, no. 1–2(130), pp. 130–140. (In Russ.).
 6. Maryin M.I., Nikiforova E.A. Transformatsiya motivov i tsennosti studentov vysshikh obrazovatel'nykh organizatsii v usloviyakh pandemii (po materialam zarubezhnykh issledovaniy) [Transformation of Higher Education Students' Motives and Values in a Pandemic (Based on Materials from Foreign Studies)]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2021. Vol. 10, no. 1, pp. 92–101. DOI:10.17759/jmfp.2021100109 (In Russ.).
 7. Opekina T.P., Shipova N.S. Sem'ya v period samoizolyatsii: stressy, riski i vozmozhnosti sovladaniya [Family in Lockdown: Stress, Risks and Coping Opportunities]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2020. Vol. 26, no. 3, pp. 121–128. DOI:10.34216/2073-1426-2020-26-3-121-128 (In Russ.).
 8. Potapova E.A., Zemlyanoy D.A., Kondratyev G.V. Osobennosti zhiznedeyatel'nosti i samochuvstviya studentov meditsinskikh vuzov v period distantsionnogo obucheniya vo vremya epidemii COVID-19 [Features of Life and Well-Being in Medical Students During Distance Learning in the Course of the COVID-19 Epidemic]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2021. Vol. 26, no. 3, pp. 70–81. DOI:10.17759/pse.2021260304 (In Russ.).
 9. Sokolovskaya I.E. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory udovletvorennosti studentov v usloviyakh tsifrovizatsii obucheniya v period pandemii COVID-19 i samoizolyatsii [Socio-Psychological Factors of Students' Satisfaction in the Context of Digitalization of Education During the COVID-19 Pandemic and Self-Isolation]. *Tsifrovaya sotsiologiya = Digital sociology*, 2020. Vol. 3, no. 2, pp. 46–54. DOI:10.26425/2658-347X-2020-2-46-54 (In Russ.).
 10. Usova N.V., Arendachuk I.V., Klenova M.A. Diagnostika kharakteristik aktivnosti lichnosti v usloviyakh vynuzhdennykh sotsial'nykh ogranichenii [Studying personality activity in conditions of forced self-isolation]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*, 2021. Vol. 9, no. 3. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN321.pdf> (Accessed 28.07.2021). (In Russ.).
 11. Shamionov R.M., Grigorieva M.V., Arendachuk I.V., Bocharova E.E., Usova N.V., Klenova M.A., Sharov A.A., Zagranichny A.I. Psikhologiya sotsial'noy aktivnosti molodezhi [Psychology of social activity of youth]. In Shamionov R.M. (ed.). Moscow: Pero, 2020. 200 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44521792> (Accessed 25.03.2021). (In Russ.).
 12. Shamionov R.M. Sootnoshenie sotsial'noi aktivnosti i udovletvorennosti bazovykh psikhologicheskikh potrebnosti, sub'ektivnogo blagopoluchiya i sotsial'noi frustrirovannosti molodezhi [The Ratio of Social Activity and Satisfaction of Basic Psychological Needs, Subjective Well-Being and Social Frustration of Young People]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian journal of psychology*, 2020, no. 77, pp. 176–195. DOI:10.17223/17267080/77/9 (In Russ.).
 13. Shamionov R.M., Grigor'eva M.V. Metodika diagnostiki komponentov sotsial'no-orientirovannoi aktivnosti [Technique for Diagnostic Assessment of Socially-Oriented Activity Components]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian journal of psychology*, 2019, no. 74, pp. 26–41. DOI:10.17223/17267080/74/2 (In Russ.).
 14. Sharov A.A. Deviantnaya aktivnost' molodezhi: osobennosti i mekhanizm perenosa iz real'noi sredy v virtual'nuyu [Deviant Behavior of Young People: Some Aspects and Mechanism of Transfer from Real to Virtual Settings]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2019. Vol. 28, pp. 103–109. DOI:10.26516/2304-1226.2019.28.103 (In Russ.).

15. Yaremtchuk S.V., Bakina A.V. Sub"ektivnoe blagopoluchie molodezhi i ego vzaimosvyaz' s psikhologicheskoi distantsiei do ob"ektov sotsial'no-psikhologicheskogo prostranstva lichnosti v usloviyakh pandemii COVID-19 [Subjective Well-Being in Early Adulthood and Psychological Distance to the Objects of the Socio-Psychological Space during COVID-19 Pandemic]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 26–43. DOI:10.17759/sps.2021120103 (In Russ.).
16. Aristovnik A., Keržič D., Ravšelj D., Tomažević N., Umek L. Impacts of the COVID-19 Pandemic on Life of Higher Education Students: A Global Perspective. *Sustainability*, 2020. Vol. 12, 8438. DOI:10.3390/su12208438
17. Aucejo E.M., French J., Ugalde Araya M.P., Zafar B. The impact of COVID-19 on student experiences and expectations: Evidence from a survey. *Journal of Public Economics*, 2020. Vol. 191. DOI:10.1016/j.jpubeco.2020.104271
18. Bao W. COVID-19 and online teaching in higher education: A case study of Peking University. *Human Behavior and Emerging Technologies*, 2020. Vol. 2, pp. 113–115. DOI:10.1002/hbe2.191
19. Bokhan T.G., Galazhinsky E.V., Leontiev D.A., Rasskazova E.I., Terekhina O.V., Ulyanich A.L., Shabalovskaya M.V., Bogomaz S.A., Vidyakina T.A. COVID-19 and subjective well-being: perceived impact, positive psychological resources and protective behavior. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021. Vol. 18, no. 2, pp. 259–275. DOI:10.17323/1813-8918-2021-2-259-275
20. Browning M., Larson L.R., Sharaievska I., Rigolon A., McAnirlin O., Mullenbach L., Cloutier S., Vu T.M., Thomsen J., Reigner N., Metcalf E.M., D'Antonio A., Helbich M., Bratman G.N., Alvarez H.O. Psychological impacts from COVID-19 among university students: Risk factors across seven states in the United States. *PLOS ONE*, 2021. Vol. 16(1). DOI:10.1371/journal.pone.0245327
21. Cao W., Fang Z., Hou G. The psychological impact of the COVID-19 epidemic on college students in China. *Psychiatry Research*, 2020. Vol. 287. DOI:10.1016/j.psychres.2020.112934
22. Cerbara L., Ciancimino G., Crescimbeno M., La Longa F., Parsi M.R., Tintori A., Palomba R. A nation-wide survey on emotional and psychological impacts of COVID-19 social distancing. *European Review for Medical and Pharmacological Sciences*, 2020. Vol. 24, no. 12, pp. 7155–7163. DOI:10.26355/eurrev_202006_21711
23. Chaturvedi K., Vishwakarma D.K., Singh N. COVID-19 and its impact on education, social life and mental health of students: A survey. *Children and youth services review*, 2021. Vol. 121, 105866. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105866
24. Chew H.Q., Wei K.Ch., Vasoo Sh., Choon H., Sim K. Narrative synthesis of psychological and coping responses towards emerging infectious disease outbreaks in the general population: practical considerations for the COVID-19 pandemic. *Singapore Medical Journal*, 2020. Vol. 61(7), pp. 350–356. DOI:10.11622/smedj.2020046
25. Cook D.A. The failure of e-learning research to inform educational practice, and what we can do about it. *Medical Teacher*, 2009. Vol. 31, pp. 158–162. DOI:10.1080/01421590802691393
26. Gómez-Galán J., Martínez-López J.Á., Lázaro-Pérez C., Sarasola Sánchez-Serrano J.L. Social networks consumption and addiction in college students during the COVID-19 pandemic: Educational approach to responsible use. *Sustainability*, 2020. Vol. 12, no. 18, 7737. DOI:10.3390/su12187737
27. Hasan N., Bao Y. Impact of "e-Learning crack-up" perception on psychological distress among college students during COVID-19 pandemic: A mediating role of "fear of academic year loss". *Children and Youth Services Review*, 2020. Vol. 118. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105355
28. Islam M.S., Sujon M.S.H., Tasnim R., Ferdous M.Z., Masud J.H.B., Kundu S., Mosaddek A.S.M., Choudhuri M.Sh.K., Kircaburun K., Griffiths M.D. Problematic internet use among young and adult population in Bangladesh: Correlates with lifestyle and online activities during the COVID-19 pandemic. *Addictive behaviors reports*, 2020. Vol. 12, no. 2, 100311. DOI:10.1016/j.abrep.2020.100311
29. Lateef R., Alaggia R., Collin-Vézina D. A scoping review on psychosocial consequences of pandemics on parents and children: Planning for today and the future. *Children and Youth Services Review*, 2021. Vol. 125, no. 11, 106002. DOI:10.1016/j.childyouth.2021.106002

30. Lee J. Mental health effects of school closures during COVID-19. *Lancet Child Adolesc Health*, 2020. Vol. 4(6), pp. 421. DOI:10.1016/S2352-4642(20)30109-7
31. Oosterhoff B., Palmer C.A., Wilson J., Shook N. Adolescents' Motivations to Engage in Social Distancing During the COVID-19 Pandemic: Associations With Mental and Social Health. *Journal Adolescent Health*, 2020. Vol. 67(2), pp. 179–185. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.05.004
32. Paterson D.C., Ramage K., Moore S.A., Riazzi N., Tremblay M.S., Faulkner G. Exploring the impact of COVID-19 on the movement behaviors of children and youth: A scoping review of evidence after the first year. *Journal of Sport and Health Science*, 2021. Vol. 10, suppl. 3. DOI:10.1016/j.jshs.2021.07.001
33. Sahu P. Closure of universities due to coronavirus disease 2019 (COVID-19): impact on education and mental health of students and academic staff. *Cureus*, 2020. Vol. 12(4). DOI:10.7759/cureus.7541
34. Zheng F., Khan N.A., Hussain S. The COVID 19 pandemic and digital higher education: Exploring the impact of proactive personality on social capital through internet self-efficacy and online interaction quality. *Children and youth Services Review*, 2020. Vol. 119, 105694. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105694

Информация об авторах

Арендачук Ирина Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8378-2284>, e-mail: arend-irina@yandex.ru

Усова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3699-9170>, e-mail: usova_natalia@mail.ru

Кленова Милена Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3900-1233>, e-mail: milena_d@bk.ru

Information about the authors

Irina V. Arendachuk, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8378-2284>, e-mail: arend-irina@yandex.ru

Natalia V. Usova, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3699-9170>, e-mail: usova_natalia@mail.ru

Milena A. Klenova, PhD in Psychology, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3900-1233>, e-mail: milena_d@bk.ru

Получена 11.08.2021

Received 11.08.2021

Принята в печать 12.12.2022

Accepted 12.12.2022

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков к новым достижениям

Гуриева С.Д.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: s.gurieva@spbu.ru,
gurievastv@gmail.com**

Свенцицкий А.Л.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0854-4059>, e-mail: social.psychology@spbu.ru**

В статье представлен отчет о работе Международной научно-практической конференции «Ананьевские чтения—2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков к новым достижениям и инновациям», состоявшейся 18–21 октября 2022 года в Санкт-Петербургском государственном университете. Отражены основные события и мероприятия состоявшейся конференции. Представлены важные этапы возникновения, становления и развития первой в отечественной психологической науке кафедры социальной психологии, которая была открыта в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете, от разработки вопросов теории и методологии до решения социально-психологических проблем личности, группы, коллектива, общества. Подчеркивается важность научного обмена опытом исследователей различных научных школ и направлений для совместного решения актуальных социально-психологических проблем современного общества.

Ключевые слова: конференция, социальная психология, теория и методология, социально-психологические проблемы.

Для цитаты: Гуриева С.Д., Свенцицкий А.Л. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков к новым достижениям // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 200–208. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130412>

60 Years of Social Psychology at St. Petersburg State University: from the Origins to New Achievements

Svetlana D. Gurieva

**Saint Petersburg State University, St.-Peterburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: s.gurieva@spbu.ru,
gurievastv@gmail.com**

CC BY-NC

Anatoly L. Sventsitskiy

Saint Petersburg State University, St.-Peterburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0854-4059>, e-mail: social.psychology@spbu.ru

The article presents the report of the International Scientific-Practical Conference “Ananiev Readings—2022. 60 Years of Social Psychology at St. Petersburg State University: From Origins to New Achievements and Innovations”, held on October 18–21, 2022 at St. Petersburg State University. The main events and activities of the conference are highlighted. The article presents the main stages of origin, formation and development of the first Russian psychological science department of social psychology at the Saint-Petersburg (Leningrad) University, starting from development of theory and methodology to solution of social and psychological problems of an individual, group, collective and society. The importance of scientific exchange of experience of researchers of different scientific schools and directions is emphasized for the joint solution of urgent socio-psychological problems of modern society.

Keywords: conference, social psychology, theory and methodology, socio-psychological problems.

For citation: Gurieva S.D., Sventsitskiy A.L. 60 Years of Social Psychology at St. Petersburg State University: from the Origins to New Achievements. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 200–208. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130412> (In Russ.).

Заметное место в системе психологических наук принадлежит сегодня социальной психологии. Все более расширяется сфера применения ее теоретических и прикладных знаний. Эти знания используются при решении различных задач в деятельности промышленных предприятий, работе органов государственного управления, в процессе функционирования учебно-воспитательных, медицинских и научно-исследовательских учреждений, профессиональных союзов и т.д.

18–21 октября 2022 года в Санкт-Петербургском государственном университете состоялась Международная научно-практическая конференция «Ананьевские чтения—2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков к новым достижениям и инновациям». Конференция продолжила научные традиции ежегодных научных мероприятий, организуемых на факультете психологии.

В программный комитет конференции под председательством декана факультета психологии А.В. Шаболтас вошли известные ученые, практики, ведущие

специалисты, руководители структурных подразделений университета. Научный форум объединил более 1380 участников, 700 из которых представители их разных регионов нашей страны, стран ближнего и дальнего зарубежья (39% из Санкт-Петербурга, 24% из Москвы, 37% из других городов Российской Федерации: Воронеж, Саранск, Самара, Кострома, Ярославль, Хабаровск, Чита, Ростов-на-Дону, Владикавказ, Махачкала и др.), включая авторов 324 публикаций сборника материалов конференции.

География конференции была представлена 57 регионами России, 10 странами (Китай, США, Дания, Кыргызстан, Беларусь, Казахстан, Армения, Сербия, Болгария, Франция).

По сложившимся традициям пленарное заседание началось с приветственного слова декана факультета психологии СПбГУ, профессора А.В. Шаболтас и многочисленных поздравлений от коллег: директора Института психологии Российской академии наук, академика РАН, профессора Д.В. Ушакова; декана факультета психологии МГУ, профессо-

ра Ю.П. Зинченко; заведующей кафедрой психологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, профессора М.Б. Калашниковой; директора Института непрерывного педагогического образования, профессора А.Г. Ширина; директора Института педагогики и психологии Костромского государственного университета, профессора А.Г. Самохваловой; директора Института психологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова А.И. Егоровой; декана факультета психологии ЯрГУ, профессора, члена-корреспондента РАО А.В. Карпова.

Пленарные доклады были посвящены истории развития социально-психологического направления в СПбГУ, его достижениям и современному состоянию (профессор СПбГУ С.Д. Гуриева); прошлому, настоящему и будущему социальной психологии в МГУ им. М.В. Ломоносова (доцент, заслуженный преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова О.А. Тихомандрицкая); современным исследованиям социальной активности молодежи (профессор СГУ им. Чернышевского Р.М. Шамионов); социальной психологии в цифровом мире (член-корреспондент РАО, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Г.В. Солдатова); психологическому состоянию общества в условиях кризиса (профессор РАН Т.А. Нестик).

В пленарном докладе «60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков к новым достижениям» профессора С.Д. Гуриевой были представлены основные этапы в становлении и развитии лаборатории и кафедры социальной психологии.

Период начала 1930-х — конца 1950-х гг. с полным основанием можно рассматривать как время перерыва в развитии отечественной социальной

психологии, хотя многие наши авторы считают, что разработка социально-психологической проблематики осуществлялась в сфере других наук (в основном педагогических).

Отечественные психологи смогли преодолеть тезис о несостоятельности социальной психологии как науки, доказав, что она может быть полезной для общества, не является ветвью буржуазной психологии. Особый смысл и значение приобрели слова профессора Б.Г. Ананьева (1959): «Нет оснований полагать, что “социальная психология” может быть только идеалистической и реакционной. Существование отечественной психологии не менее бесспорно, чем существование идеологии» [1, с. 152]. Было отмечено, что именно благодаря научным и организационным усилиям Б.Г. Ананьева в сентябре 1962 года открывается первая в стране лаборатория социальной психологии на философском факультете Ленинградского университета (при отделении психологии). Возглавил эту лабораторию и последующие социально-психологические исследования доцент кафедры психологии Е.С. Кузьмин [3]. А уже в 1963 году проблемам социальной психологии была посвящена секция на II съезде Общества психологов СССР, проходившем в Ленинграде.

Начиная с самых первых лет создания лаборатории социальной психологии научные интересы были сосредоточены преимущественно на прикладных исследованиях [2; 4]. Важным стимулом развития отечественной социальной психологии послужило открытие в 1966 году факультета психологии в Ленинградском университете (одновременно с Московским университетом). Немалое значение имело и то обстоятельство, что и факультет психологии, и научно-исследовательский институт комплексных социальных

исследований (НИИКСИ) оказались в одном и том же здании (в 1965 году лаборатория социальной психологии полностью вошла в состав этого института). Важной датой для лаборатории социальной психологии стал вышедший 28 августа 1968 г. приказ министерства о создании первой кафедры социальной психологии в СССР. Возглавляемые Е.С. Кузьминым кафедра и лаборатория социальной психологии представляли собой своеобразный единый организм. Преподаватели кафедры проводили исследования совместно с сотрудниками лаборатории, а те, в свою очередь, читали лекции и руководили научной работой студентов [5; 7].

Проводимые сотрудниками лаборатории и кафедры социальной психологии исследования в первую очередь были направлены на изучение различных сторон отношения работников к труду и факторов, влияющих на их производительность. Многие материалы прикладных исследований, выполняемых в лаборатории социальной психологии, нашли отражение в монографии А.Л. Свенцицкого «Социально-психологические проблемы управления», изданной в 1975 году и спустя два года опубликованной на японском языке в Токио [6]. Постоянное и пристальное внимание уделялось разработке и освоению современных методов социально-психологического исследования.

В 1976 году факультет психологии переехал в другое здание, за несколько километров от НИИКСИ, в состав которого входила лаборатория социальной психологии. Сотрудники лаборатории стали сотрудниками кафедры социальной психологии (Э.С. Чугунова, С.П. Безносков, А.Н. Капустина, С.М. Михеева, Л.В. Фаустова (Мургулец), В.А. Чикер и др.).

Начинается новый этап в деятельности лаборатории и кафедры социальной

психологии. Увеличивается состав сотрудников, растет практический опыт, повышается профессионализм. 1990-е — начало 2000-х гг. ознаменовали собой серию ярких защит докторских диссертаций, рассматривающих такие проблемы социальной психологии, как трудности общения, межличностные конфликты, психологию эмиграции, психологию настроения, психологию здоровья, психологию социальных общностей, межэтнические отношения, наркотизм в молодежной среде.

Важно отметить, что с течением времени определились приоритетные направления в работе кафедры социальной психологии. Так, например, проведение экспериментальных, эмпирических исследований, ранее бывшее направлением работы лаборатории социальной психологии, стало замещаться научным сотрудничеством с международными компаниями (ООО «Хендэ Мотор Мануфактуринг Рус» и др.) и фондами («Петербургский диалог»), государственными структурами, университетами-партнерами (Университетом Гамбурга, Германия; Университетом Канадзава, Япония и многими другими).

Научно-исследовательская работа кафедры была представлена новыми направлениями исследований. Особого внимания заслуживает работа в рамках грантовой поддержки известными научными фондами Российской Федерации — РГНФ, РНФ.

Подводя итоги 60-летнего периода развития социальной психологии в СПбГУ, можно сказать, что социальная психология не только доказала свое право на существование как наука, но и стала эталоном высокой научной требовательности, сохраняя преемственность и продолжая лучшие традиции ленинградской психологической школы.

Далее пленарное заседание продолжилось интересными и содержательными докладами. Большой интерес вызвал научный доклад «Социальная психология в контексте цифровых трансформаций: гиперподключенность и новая социальность» члена-корреспондента РАО, профессора кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова Г.В. Солдатовой. Был поднят важный для современного поколения вопрос — интернет-зависимость у подростков и молодых людей, которая связана с большими эмоциональными переживаниями и возможностью переживать себя в более широком круге социальных ролей, по сравнению с деятельностью офлайн. Были представлены результаты исследований, целью которых явилось выявление особенностей личностных проявлений и психологической саморегуляции студентов онлайн и офлайн, а также их связи с особенностями деятельности в интернете и субъективным благополучием. В интернете, по сравнению с офлайн, студенты отмечают меньшую удовлетворенность потребности в связности; у них слабее выражены самообвинение, принятие, руминации, фокусирование на планировании, позитивная переоценка, рассмотрение в перспективе и катастрофизация. Пользовательская активность молодых людей связана с большей автономией онлайн, совмещение онлайн и других деятельностей — с компетентностью онлайн, а большая привлекательность цифровизации образования — с компетентностью и позитивной переоценкой в интернете. Таким образом, можно предположить, что оценка студентами своих возможностей психологической саморегуляции онлайн, в сравнении с офлайн, описывает скорее их отношение к своей деятельности в интернете и образ Я в интернете,

чем отношение к современным технологиям и владение ими. Исследования показывают, что цифровая социальность сопряжена с большими эмоциональными переживаниями онлайн, более широким кругом социальных ролей, в которых можно себя попробовать, спецификой ролевой структуры в ситуации киберагрессии и др. Однако открытым остается вопрос о том, в какой степени возможности психологической саморегуляции, совладания со стрессом и даже личностные особенности проявляются онлайн и офлайн.

В докладе «Эмпирическая модель социальной активности молодежи» профессор Р.М. Шамионов, заведующий кафедрой социальной психологии и развития, декан факультета психолого-педагогического и специального образования Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского проанализировал роль ценностей и вовлеченности молодежи в различные формы социальной активности в предпочтении онлайн или офлайн-среды. Были представлены результаты исследования, в котором приняли участие 442 человека, направленного на определение детерминант предпочтения среды социальной активности в ситуации тотальной цифровизации общества. Было высказано предположение о том, что предпочтительность онлайн или офлайн-среды может обуславливаться вовлеченностью в различные формы активности и ценностями, а также их совместным эффектом. В результате установлена определяющая роль интернет-сетевой и интернет-поисковой, досуговой, субкультурной (положительно) и религиозной, спортивно-оздоровительной (отрицательно) активностей в предпочтении онлайн-среды; спортивно-оздоровительной, семейно-бытовой, культурно-массовой, интернет-поиско-

вой (положительно) и протестной (отрицательно) активностей в предпочтениях офлайн-среды. Ценности стимуляция, власть-доминирование (положительно) и традиция (отрицательно) обуславливают предпочтение онлайн-среды, а самостоятельность-поступки, стимуляция, традиция (положительно) и конформизм межличностный (отрицательно) — предпочтение офлайн-среды. Выявлен совместный эффект ценностей и вовлеченности в разные формы активности в предпочтении онлайн/офлайн-среды.

В ходе конференции для всех участников была предоставлена уникальная возможность обмена опытом, знакомства с современными и актуальными исследовательскими проектами, научными школами, их основателями и последователями. Слушатели отметили выступление заведующей кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженного преподавателя Московского университета О.А. Тихомандрицкой на тему: «Социальная психология в Московском университете: прошлое, настоящее и будущее». Интересно было познакомиться с важными периодами возникновения, становления и развития социальной психологии в МГУ. Были подробно представлены основные направления жизнедеятельности кафедры: научно-исследовательская работа и педагогическая работа, неразрывно связанная с легендарными именами основателей научных школ и направлений современной психологической науки: Г.А. Андреева, Т.Г. Стефаненко, А.И. Донцов, Е.П. Белинская, О.Т. Мельникова, Т.Ю. Базаров и др. С большим чувством благодарности и глубоким сожалением автор статьи (С.Д. Гурьева) вспоминает своего оппонента по докторской диссертации — Татьяну Гавриловну Стефаненко, с которой посчастливилось встретиться в ходе научной карьеры,

пообщаться на сложные социально-психологические темы, учиться сотрудничать, вступать в научную полемику, с благодарностью принимать замечания старших коллег. В настоящее время на кафедре проводятся фундаментальные исследования в области изучения социального познания; социальной психологии личности; психологии межличностного общения; динамики массового сознания; межэтнических отношений; вариативности личности и группы в различных культурах; механизмов социального влияния; психологии массовых коммуникаций; ценностно-смысловых механизмов восприятия социальных проблем; когнитивных структур устойчивых эмоциональных состояний; эффективности деятельности рабочих групп и команд; регуляции социального поведения; гендерной психологии; проблем экономической психологии; методологических и методических вопросов социально-психологического исследования, в частности возможностей и ограничений качественных методов исследования. Приоритетное направление научно-исследовательской работы кафедры: «Социокультурные детерминанты социального познания и социального поведения».

Заключительное выступление на пленарном заседании было сделано профессором РАН, заведующим лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН Т.А. Нестиком на тему: «Психологическое состояние общества в условиях кризиса: перспективные направления исследований». Были выявлены основные индикаторы психологического состояния общества, к которым относятся: психологическая устойчивость россиян, благополучие в межличностных и межгрупповых отношениях. Представляя психоэмоциональное состояние российского общества в 2020–2022 гг., Т.А. Нестик отметил, что наиболее под-

верженными депрессивным и тревожным состояниям оказались представители молодежи 18–24 лет. В фокусе внимания ученого также было психоэмоциональное состояние российских ученых. Так, например, было показано, что среди российских ученых симптоматика депрессии выше, а тревога — ниже, чем по общероссийской выборке. В ходе исследований было также доказано, что напоминание о негативных последствиях кризиса одновременно мобилизует личностные ресурсы и запускает защитные механизмы. Несмотря на пандемию и снижение доходов, 70% россиян были склонны считать себя счастливыми людьми: повышаются оценка осмысленности своей жизни во время пандемии, уверенность в своих силах, сопереживание и лояльность своей группе. В заключение было сказано, что предикторами научного интереса психологов в будущем будет ставка на сочетание экспериментальных исследований, массовых опросов населения, анализа больших данных (цифровых следов интернет-пользователей, данных о мобильности горожан, данных видеонаблюдения, государственных баз данных) с использованием сетевого моделирования и машинного обучения. Были выявлены не только предикторы научного интереса, но и четко обозначены перспективные направления социально-психологических исследований, затрагивающие такие тренды, как: психологические механизмы социального оптимизма и жизнеспособности общества, роль рессентимента, мстительности, ностальгии и коллективного нарциссизма в динамике психологического состояния общества, вклад коллективной памяти и образа будущего в оценку ситуации в обществе, построение типологии психологических состояний общества, лонгитюдные исследования для уточнения связи между психологическими процессами на различных уров-

нях социально-психологического анализа: внутриличностном, межличностном, групповом, межгрупповом, социетальном уровнях, уточнение степени пластичности тех или иных характеристик ПСО, а также социально-психологических механизмов, которые могут выступать в роли медиатора, ускорять или замедлять изменение характеристик психологического состояния общества под влиянием политических и экономических изменений. Был обозначен основной тренд в социальной психологии, направленный на стандартизацию количественных исследований и использование искусственного интеллекта.

После пленарного заседания конференции продолжилась работа секций по детской клинической психологии, психодиагностике, общей психологии, круглыми столами, посвященными Б.Г. Ананьеву, методологии социальной психологии и современным проблемам профессиональной самореализации политического психолога. Программа этого дня завершилась лекцией доцента кафедры социальной психологии СПбГУ Т.Г. Яничевой на тему: «Психологическая наука и практика в меняющемся мире».

Второй день конференции включал в себя секции по следующим отраслям психологии: когнитивной, спортивной, организационной, юридической, политической и экономической, кросс-культурной и этнической, психологии общения, психологии здоровья, психотерапии и психологическому консультированию, психическому здоровью детей и родителей, психологии развития. Составлялся симпозиум, посвященный памяти известного теоретика педагогической психологии В.А. Якунина; проведены мастер-классы по психофизиологическим методам в работе спортивного психолога, проблемам построения отношений в организации, отношению к времени

как ресурсной характеристике личности профессионала; организован традиционный круглый стол по итогам Олимпийских игр. Второй день конференции завершился лекцией об основах оказания психологической помощи пациентам с онкологическими заболеваниями («Основы оказания психологической помощи в ситуации онкологического заболевания», медицинский психолог СПб ГКУЗ «Хоспис № 1» М.В. Вагайцева).

Третий день конференции дополнил научную программу выступлениями, тематически относящимися к клинической, педагогической, организационной психологии, теории и практике полинарративного подхода, психологии менеджмента, психологии кризисных и экстремальных ситуаций, психологии профессиональной и служебной деятельности, психологии личности, психофизиологии, психологии профессионального и соматического здоровья, психологии образования и педагогике. Были проведены мастер-класс по разработке комплекса программ для специалистов опасных профессий «Психология ликвидации аварийных ситуаций» и настольная трансформационная игра «ПРОздоровье», а также официальное закрытие научной программы конференции.

Программа последнего дня конференции включала воркшопы партнеров конференции — Санкт-Петербургского

психологического общества («Профилактика выгорания в современных реалиях») и общественной программы «Учитель для России» («Работа психолога в сложных социальных контекстах»), а также презентацию образовательных программ СПбГУ в области психологии.

В рамках конференции были реализованы основные задачи: обсуждение актуальных вопросов теории и практики современной психологии; обмен опытом в решении различных задач, которые ставятся перед современной психологической наукой со стороны общества и государства; создание условий профессионального роста и повышения компетентности в различных областях психологической науки для студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей.

Всего в рамках Международной конференции «Ананьевские чтения—2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков к новым достижениям и инновациям» было проведено 45 мероприятий: работа 27 секций, симпозиум, 4 мастер-класса, 7 круглых столов, диагностическая игра, 2 вечерние лекции, 2 воркшопа, была организована постерная сессия в очном и онлайн-форматах, проведена презентация образовательных программ магистратуры и аспирантуры в области психологических наук, реализуемых Санкт-Петербургским государственным университетом.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Бытие и сознание (о новой книге С.Л. Рубинштейна) // Вопросы психологии. 1959. № 1. С. 142—152.
2. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. СПб.: Питер, 2000. 464 с.
3. *Кузьмин Е.С.* Основы социальной психологии. Л.: Изд-во Ленинг. ун-та, 1967. 173 с.
4. *Методы социальной психологии / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова.* Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 129 с.
5. *Русалинова А.А.* Некоторые вопросы формирования взаимоотношений в производственных группах // Человек и общество. Проблемы социального планирования. Ученые записки ЛГУ. Вып. 10 / Под ред. В.Р. Попова и Е.С. Кузьмина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. С. 94—101.

6. Свенцицкий А.Л. Социально-психологические проблемы управления. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 120 с.
7. Чугунова Э.С. О некоторых социально-психологических условиях профессиональной устойчивости молодых рабочих // Человек и общество. Вып. 1. / Под ред. Б.Г. Ананьева и др. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. С. 122–130.

References

1. Anan'ev B.G. Bytie i soznanie (o novoi knige S.L. Rubinshteina) [Genesis and Consciousness (on S.L. Rubinstein's new book)]. *Voprosy psikhologii = Voprosy psychologii*, 1959, no. 1, pp. 142–152. (In Russ.).
2. Grishina N.V. Psikhologiya konflikta [Psychology of conflict]. Saint-Petersburg. Publ. Piter, 2000. 464 p. (In Russ.).
3. Kuz'min E.S. Osnovy sotsial'noi psikhologii [Fundamentals of Social Psychology]. Leningrad.: Publ. Publ. Leningr. un-ta, 1967. 173 p. (In Russ.).
4. Metody sotsial'noi psikhologii [Methods of Social Psychology]. In Kuzmin E.S., Semyonov V.E. (eds.). Leningrad: Publ. Leningr. un-ta, 1977. 129 p. (In Russ.).
5. Rusalina A.A. Nekotorye voprosy formirovaniya vzaimootnoshenij v proizvodstvennykh gruppah [Some Issues of Relationship Formation in Production Groups]. *Chelovek i obshchestvo. Problemy social'nogo planirovaniya. Uchenye zapiski LGU*. Вып. 10 [Man and Society. Problems of social planning. Scientific Notes of the Leningrad State University. Iss. 10]. In Popov V.R., Kuzmin E.S. (eds.). Leningrad: Publ. Publ. LGU, 1972, pp. 94–101. (In Russ.).
6. Svetsitskii A.L. Sotsial'no-psikhologicheskie problemy upravleniya [Social-psychological Problems of Management]. Leningrad: Publ. Leningr. un-ta, 1975. 120 p. (In Russ.).
7. Chugunova E.S. O nekotorykh sotsial'no-psikhologicheskikh usloviyakh professional'noi ustoychivosti molodykh rabochikh [On some socio-psychological conditions of professional stability of young workers]. *Chelovek i obshchestvo*. Вып. 1 [Man and society. Iss. 1]. Leningrad: Publ. LGU, 1966, pp. 122–130. (In Russ.).

Информация об авторах

Гуриева Светлана Дзахотовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: s.gurieva@spbu.ru, gurievasv@gmail.com

Свенцицкий Анатолий Леонидович, доктор психологических наук, почетный профессор кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0854-4059>, e-mail: social.psychology@spbu.ru

Information about the authors

Svetlana D. Gurieva, Doctor of Psychology, Professor, a Head of Social Psychology Department, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: s.gurieva@spbu.ru, gurievasv@gmail.com

Anatoly L. Svetsitskiy, Doctor of Psychology, Professor of Social Psychology Department, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0854-4059>, e-mail: social.psychology@spbu.ru

Получена 26.09.2022

Received 26.09.2022

Принята в печать 22.11.2022

Accepted 22.11.2022

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ INDEX OF ARTICLES

Указатель статей, опубликованных в журнале «Социальная психология и общество» в 2022 г.

Для цитаты: Указатель статей, опубликованных в журнале «Социальная психология и общество» в 2022 г. // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 4. С. 209–213. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130413>

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- Клецина И.С.* Гендерная проблематика в социальной психологии: направления исследований № 4. С. 5–12
Толстых Н.Н. Предисловие главного редактора № 2. С. 5–9
Толстых Н.Н. Предисловие главного редактора № 3. С. 5–7

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Божович Е.Д.* Культурно-исторический подход к построению системы массового образования в России в первой трети XX века: этнопсихологический аспект № 2. С. 10–24
Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В. К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны № 3. С. 8–25
Ключко О.И. Концепция гендерной ментальности как методологическое основание гендерного подхода в социально-психологическом исследовании № 4. С. 13–29
Лебедева А.А., Леонтьев Д.А. Современные подходы к изучению качества жизни: от объективных контекстов к субъективным № 4. С. 142–162
Лепишкова З.Х. Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения: модели, методики, ключевые исследования и вызовы № 2. С. 55–73
Миронова А.А. Использование информационно-коммуникационных технологий и социальный капитал: природа взаимосвязи № 1. С. 5–21
Павленко В.Н. Проблема происхождения религии в зеркале психологии: от классиков к современникам № 2. С. 40–54

- Розов Н.С.* Зачем нашим предкам понадобился синтаксис?
Социальные порядки и коммуникативные заботы
(прото)сапиенсов № 2. С. 25–39
- Семенова Н.Б.* Современные представления о роли социальных
факторов в развитии интернет-зависимого поведения у детей
и подростков (по материалам зарубежных исследований) № 1. С. 22–32

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Авдеева Н.Н., Берсенева И.В.* Ценностные установки матерей
в современных моделях родительства № 2. С. 163–176
- Ананьева О.А., Татаренко М.К.* Поддержка женщин
в политике: роль оправдания гендерной системы,
восприятия гендерного неравенства и сексизма № 4. С. 30–46
- Арендачук И.В., Усова Н.В., Кленова М.А.* Особенности
социальной активности российской молодежи в условиях
вынужденных социальных ограничений № 4. С. 182–199
- Балева М.В.* Восприятие амбивалентного Другого
в условиях контрастного пре-стимульного воздействия № 3. С. 26–38
- Бедина И.Д., Кочетова Т.В.* Вербальные и невербальные
стратегии взаимодействия активных и пассивных курильщиков
в ситуациях курения в общественных местах: метод
формулирования кейсов № 3. С. 80–96
- Белогай К.Н., Борисенко Ю.В., Бугрова Н.А.* Социокультурные
стереотипы как фактор становления образа тела у девочек
дошкольного возраста № 2. С. 194–208
- Васильева Е.Н., Щербаков А.В.* Культуральные особенности
образа ролевой структуры в диаде «отец-ребенок» № 2. С. 144–162
- Воронцов Д.В.* Социальные представления о фемининности
у девушек, увлекающихся метажанром «Boy's Love» № 4. С. 124–141
- Воронцова Т.А.* Мужчины VS женщины: гендерная асимметрия
при восприятии возраста ровесников — мужчин и женщин № 4. С. 47–67
- Григорьева М.В., Шаров А.А., Заграничный А.И.* Структура
и мотивация социальной активности и ее соотношение
с гражданским самосознанием молодежи № 1. С. 142–158
- Гриценко В.В., Шорохова В.А., Хухлаев О.Е., Новикова И.А.,
Черная А.В., Переушина И.М., Любитов И.Е.* Воспринимаемая
угроза и дискриминация как модераторы связи этнической
идентичности и эффективности межкультурного
взаимодействия иностранных студентов в России № 4. С. 163–181
- Ермолаев В.В., Воронцова Ю., Четверикова А.И.,
Насонова Д.К.* Вектор управления организационной
культурой органов внутренних дел: психические состояния
и «картина мира» сотрудников в динамике социальных
страхов пандемии COVID-19 № 1. С. 189–208

- Журавлев А.Л., Китова Д.А.* Отношение пользователей интернета к экономике в условиях пандемии: кросс-культурный анализ № 2. С. 74–88
- Муминова А.М., Титов А.С., Батхина А.А., Григорьев Д.С.* Профили политической идентичности россиян: роль моральных оснований, оправдания системы и сопротивления изменениям № 1. С. 104–123
- Муращенкова Н.В.* Социальные аксиомы и страх перед COVID-19: мультигрупповой анализ связи у студенческой молодежи трех стран № 2. С. 89–108
- Пищик В.И., Лобачева А.О.* Особенности религиозности и веры представителей «Информационного» и «Нового» поколений № 1. С. 70–86
- Постникова М.И., Микляева А.В., Сиврикова Н.В., Регуш Л.А.* Изменения жизнестойкости представителей разных поколений россиян в начале XXI века № 1. С. 87–103
- Почебут Л.Г., Чикер В.А., Кузнецова И.В., Гуриева С.Д., Безнос Д.С., Волкова Н.В., Яничева Т.Г.* Психологическая диагностика социального капитала организации № 3. С. 62–79
- Радина Н.К., Семенова Л.Э., Козлова А.В.* Развитие науки как личный проект: студентки и студенты о перспективах развития российской науки № 4. С. 68–89
- Рябова Т.Б.* Стереотипизация как оружие пропаганды холодной войны: воинская маскулинность в советской песне № 4. С. 90–106
- Самохвалова А.Г., Тихомирова Е.В., Вишневецкая О.Н., Шитова Н.С., Асриян Э.В.* Особенности психологического благополучия русских и армянских студентов № 2. С. 123–143
- Семенова Л.Э., Сачкова М.Е.* Психологическое благополучие и приверженность нормам фемининности студенток, овладевающих помогающими профессиями в региональном и столичном вузах № 4. С. 107–123
- Синявская Я.Э.* Онлайн-коммуникация в социальных медиа: как опыт утраты приватности отражается на поведении пользователей № 1. С. 33–50
- Смирнова С.Ю., Клопотова Е.Е., Рубцова О.В., Сорокова М.Г.* Особенности использования цифровых устройств детьми дошкольного возраста: новый социокультурный контекст № 2. С. 177–193
- Тылец В.Г., Краснянская Т.М., Иохвидов В.В.* Сценарии личной безопасности субъекта конфликтного взаимодействия № 1. С. 159–173
- Улыбина Е.В., Антонова А.А.* Связь веры в справедливость с типичностью комплементарных стереотипов богатых и бедных № 1. С. 51–69
- Федотова В.А.* Влияние аккультурационных стратегий, этнической идентичности, культурной дистанции на социокультурную адаптацию студентов из арабских стран № 2. С. 109–122

<i>Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е., Невский Е.В.</i> Роль ценностей в приверженности молодежи различным видам социальной активности	№ 1. С. 124–141
<i>Шнейдер Л.Б.</i> Я-мать-отец: исследование внутрисемейной перцепции и идентификации методами окулографии и проекции	№ 3. С. 39–61
<i>Эрдогду М.Ю.</i> Роль достижений, контроля импульсивности, гендерной принадлежности и демократического стиля воспитания как предикторов качества дружбы среди учащихся (на английском языке)	№ 1. С. 174–188

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

<i>Семья Г.В., Станилевский В.В., Газарян А.А., Некрасов А.С.</i> Доказательный подход в управлении: доказательный менеджмент и доказательная политика	№ 1. С. 209–223
--	-----------------

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

<i>Базаров Т.Ю., Кариева Н.Т.</i> Методика выявления представлений о доверии в организации	№ 3. С. 134–162
<i>Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н.</i> Опросник благополучия PERMA-Profilер: апробация русскоязычной версии	№ 3. С. 116–133
<i>Павлова М.В., Дзюбенко М.М., Нартова-Бочавер С.К.</i> Шкала Организационного цинизма: адаптация русскоязычной версии	№ 3. С. 184–200
<i>Романова М.О., Иванов А.А., Богатырева Н.И., Терскова М.А., Быков А.О., Анкушев В.В.</i> Адаптация шкалы коллективного нарциссизма на российской выборке	№ 3. С. 201–220
<i>Романова М.О., Кожан Е.А., Быков А.О., Ефимова Л.А., Асадуллина А.Ф.</i> Адаптация Методики аттитюдов к физической инвалидности	№ 3. С. 163–183
<i>Семенова Г.В., Векилова С.А., Рудыхина О.В.</i> Переживание социального исключения: разработка и апробация опросника	№ 3. С. 97–115

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Толстых Н.Н.</i> Хронотоп человека без определенного места жительства	№ 1. С. 224–229
--	-----------------

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Белинская Е.П.</i> Онтологическая неопределенность и отношения «нелюбви». Рецензия на книгу Е. Иллуж «Почему любовь уходит? Социология негативных отношений». Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022. 352 с	№ 2. С. 209–215
---	-----------------

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Гуриева С.Д., Свенцицкий А.Л. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков к новым достижениям № 4. С. 200–208
- Орлов В.А. Седьмая конференция памяти М.Ю. Кондратьева: международный форум специалистов в сфере решения социально-психологических проблем № 2. С. 216–222
- Семенов И.Н., Водопьянов Д.А. Научоведческая рефлексия развития академической социальной психологии (К 50-летию юбилею ИП РАН и 100-летию со дня рождения Е.В. Шороховой) № 3. С. 221–235

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

- Указатель статей, опубликованных в журнале «Социальная психология и общество» в 2022 г № 4. С. 209–211

Index of Articles Published in the Journal of “Social Psychology and Society” in 2022

For citation: Index of Articles Published in the “Social Psychology and Society” in 2021. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 209–213. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130413> (In Russ.).

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России
127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207
Тел.: +7 (495) 608-16-27
+7 (495) 632-95-44
Факс +7 (495) 632-95-44
e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Подписка на журнал

По объединенному каталогу «Пресса России» Индекс – 22209
Сервис по оформлению подписки на журнал
<https://www.pressa-rf.ru>
Интернет-магазин периодических изданий «Пресса по подписке»
www.akc.ru

Редакционно-издательский отдел МГШУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409
Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)
e-mail: *k-409rio@list.ru*
Корректор *А.А. Буторина*
Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:
Sretenka st., 29, office 207
Moscow, Russia, 127051
Phone: +7(495) 608-16-27
+7(495) 632-95-44
fax: +7(495) 632-95-44
e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Subscription to the journal

According to the united catalogue “Press of Russia” Index – 22209
Service on subscription to the journal
<https://www.pressa-rf.ru>
Internet-shop of periodical editions “Subscription press”
www.akc.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409
Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)
e-mail: *k-409rio@list.ru*
Technical editor *А.А. Буторина*
Maker-up *М.А. Баскакова*